

ЖИРАФЫ, ЗЕБРЫ И ТЕМНЫЕ ЛОШАДКИ

**Блокирующая роль силовых
структур и неправого суда
на пути модернизационного
развития России**

Составитель *Л.В. Никитинский*

Москва 2011

УДК [343+351/354]:323/324(470+571)
ББК 67.401.133(2Рос)+67.408(2Рос)+ 66.3(2Рос)
Ж73

Ж73 Жирафы, зебры и темные лошадки : Блокирующая роль силовых структур и неправого суда на пути модернизационного развития России. — Москва : Фонд «Либеральная миссия», 2011. — 120 с.

ISBN 978-5-903135-26-4

Книга представляет собой сборник материалов журналистских расследований, опубликованных в разное время в «Новой газете», а также научных и публицистических статей, объединенных общей темой «избирательного» уголовного преследования в отношении глав муниципальных образований, предпринимателей, просто равнодушных профессионалов. Фактические данные, инициировавшие журналистские расследования, стали основой экспертного анализа процессов, происходящих сегодня в области государственного и муниципального управления, в правоохранительной сфере.

Книга адресована в первую очередь юристам, представителям исполнительной и судебной власти, законодателям.

УДК [343+351/354]:323/324(470+571)
ББК 67.401.133(2Рос)+67.408(2Рос)+ 66.3(2Рос)

ISBN 978-5-903135-26-4

© Фонд «Либеральная миссия», 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ Леонида Никитинского	4
ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ. Байкал, Зубатка и «осьминог»	10
Виктимность лиц из групп «позитивного» риска. <i>С.А. Пашин</i>	22
ИСТОРИЯ ВТОРАЯ. Секретный вирус «ФСБ»	27
Слабое местное самоуправление – питательная среда для произвола. <i>Л.Г. Рагозина</i>	38
ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ. Генерал и песчаные карьеры	54
Возможности прогрессивных преобразований. <i>С.А. Пашин</i>	63
О некоторых проблемах совершенствования судоустройства. <i>В.И. Радченко</i> ...	69
ИСТОРИЯ ЧЕТВЕРТАЯ. «Дела Курт-Аджиева»	82
ИСТОРИЯ ПЯТАЯ. С ними каши не сварить. Как менты взвинтили цену на крупы	90
От частного к общему и обратно. <i>Г.А. Сатаров</i>	94
ПОСЛЕСЛОВИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ «ПРОЕКТА»	105
ПРИЛОЖЕНИЕ. Диктатура мента. Диагноз и прогноз. <i>Л.В. Никитинский</i> ...	108

ПРЕДИСЛОВИЕ

Странное название этой книжки родилось не сразу, так же как не сразу нащупан был тот феномен, который мы пытаемся в ней описать. Это сложный и непрекращающийся «проект», если то, что мы делаем, вообще можно так назвать. Ставшее модным в России и повторяемое часто бессмысленно слово «проект» подразумевает, что результат более или менее понятен и может быть описан заранее, но в тех сложных от-

ношениях, которые мы исследуем, лишь начав что-то делать, мы начинаем понимать, куда мы, собственно, идем. В исследуемой нами сфере уголовных репрессий, например, именно заказные дела можно по праву назвать «проектами», тогда как финал дела, расследуемого объективно и честно, напротив, «выступает из тумана» далеко не сразу и может оказаться неожиданным.

Изначально мне пришла в голову некая инициатива, оформившаяся, наконец, под влиянием двух обстоятельств. Первым оказалось совпадение тем: в течение полугода я напечатал в «Новой газете» подряд несколько материалов, героями которых стали главы муниципальных образований, попавшие (в разной степени) под пресс несправедливой уголовной репрессии. В этом была какая-то закономерность, мы в «Новой газете» даже собрали круглый стол с экспертами, которые попытались ее сформулировать. А второе обстоятельство заключалось (и заключается) в том, что все наши выступления в газете, сколь бы они ни были убедительны, решительно ничего не изменяют в действительности.

Существуют как бы две параллельные и независимые друг от друга картины одного и того же мира: одна «вступившая в законную силу» картина образуется из приговоров судов или решений «правоохранительных органов», но совершенно другую рисуют те независимые СМИ, которые отражают общественное сознание. (Точно так же мало друг с другом соотносятся приговоры профессиональных судей и вердикты присяжных.) При этом даже лица, наделенные соответствующими государственными полномочиями, в том числе судьи, признают в частных разговорах, что наша «оппозиционная» картина в целом отражает действительность точнее и «справедливее». Признать это тем легче, что никаких выводов из этих констатаций не делается: незаконные, по сути, приговоры не отменяются и продолжают исполняться, а наши заметки чи-

таются (часто с удовольствием) скорее как художественная литература, никакого влияния на действительность не оказывающая.

Вообще-то, такое раздвоение общественного сознания – это шизофрения, и долго так жить общество не сможет. Это заставляет думать о том, чтобы выводить наши обобщения, вырастающие из частных историй, расследованных журналистами или правозащитниками, на какой-то другой уровень публичности и преподносить их не только в газетных публикациях, но и в иных формах.

Такую возможность мы обсуждали с членом Общественной палаты РФ профессором Вячеславом Глазычевым. Я пришел к нему с темой уголовного преследования мэров, так как в Общественной палате он ведет программы, связанные с местным самоуправлением. Но именно Глазычев первым высказал простую мысль о том, что наша проблема выйдет за рамки МСУ: заказная судебная репрессия применяется не только к мэрам, но и к успешным предпринимателям, вообще ко всем, кто так или иначе выбивается из общего ряда. Так появилось первое слово в названии «проекта», который мы с Глазычевым решили реализовать в виде слушаний в Общественной палате: «Жирафы».

Михаил Федотов, председатель Совета при Президенте по развитию гражданского общества и правам человека, горячо поддержал идею и, страдая любовью к красивым словечкам, добавил к «жирафам» «зебр», намекая на полосатые рубы арестантов. В этом сочетании мне чего-то недоставало: ведь «жирафы» высовываются на фоне «нежирафов», тех, кто никуда не высовывается, а сидит тихо. Последние не просто молчат, а, не выступая против сложившегося положения вещей, как раз и делают его сохранение возможным, а часто также пожинают плоды в виде коррупционных бонусов. Так в окончательном виде в названии появились «темные лошадки», и оно превратилось в «ЖЗЛ».

Закономерность, согласно которой всякий, кто выделяется из ряда, попадает в «группу позитивного риска» (определение из доклада Сергея Пашина, который включен в эту книгу), по-видимому, является универсальной. Но в России она осложнена отсутствием толерантности, завистью и обостренной неприязнью к любой «инакости», а в современной России – еще и жестокостью ментов как общественного класса, захватившего власть и установившего, особенно в провинции, «опричный способ производства» (С. Пашин).

Под «жирафью» закономерность первым делом попадают, конечно, предприниматели, которые более других людей склонны к инициативе и к риску. Самым известным сегодня «жирафом», без сомнения, является Михаил Ходорковский, не только создавший самую эффективную в стране компанию, но и решивший заняться лучшим устройством общества без спросу у власти. Истории уголовного преследования предпринимателей (чаще в логике рейдерских захватов собственности), по идее, должны были составить основную часть сюжетов в этой книге. Но далеко не все предприниматели (даже те, о ком я писал

и кто вполне понимал и одобрял нашу идею) смогли позволить себе приехать и выступить на общественных слушаниях.

Например, вертолетчик Олег Грейзе, против которого в Иркутске ради захвата созданной им уникальной турбазы было заведено одно из самых экзотических «заказных» дел, сначала согласился приехать, но потом перезвонил и сказал, что «органы ФСБ не рекомендовали ему выступать в Общественной палате». Я звал на «жирафы» слушания, конечно, и Манану Асламазян – создательницу, наверное, лучшей и эффективнейшей некоммерческой организации «Интерньюс». Против Мананы было возбуждено уголовное преследование за пронос 10 тыс. евро (вместо разрешенных 10 тыс. долларов) в зеленом коридоре таможни, а вслед за этим «Интерньюс» был уничтожен до основания обысками. Манана сначала согласилась приехать (дело против нее лично было прекращено спустя два года после соответствующего решения Конституционного Суда), но перезвонила и сказала, что ее умоляет «не высовываться» пожилая бухгалтерша бывшего «Интерньюса»: ей страшно снова ходить с валокордином на бессмысленные допросы.

Таким образом, даже среди тех, о ком мне приходилось писать, выбор оказался не столь велик. Не отказалась участвовать в слушаниях предпринимательница Светлана Камбарова из Омска, оправданная в надзорной инстанции уголовным судом, но за это время ограбленная по линии арбитражного банкротства; не отказались и мэры, которые больше привыкли к публичности при разрешении конфликтов с «вертикалью». Впрочем, власть и собственность переплетены здесь таким образом, что и главу Листвянки Татьяну Казакову, которая провела два года в СИЗО, и мэра Серпуховского района Александра Шестуна, который разоблачил группу подмосковных прокуроров и у которого посадили только заместительницу, с точки зрения настоящих причин, а не искусственных поводов для их преследования можно рассматривать и как мэров, и как предпринимателей.

Яна Яковлева, «жираф», отсидевшая почти год по нелепейшему обвинению в СИЗО, а после оправдания занявшаяся общественной деятельностью по защите собратьев по предпринимательскому цеху от заказных дел, на наших слушаниях нашла очень точное определение: негативный отбор. Режим, при котором в выигрыше оказываются «темные лошадки», сидящие тихо и соглашающиеся платить опричную дань ментам, в принципе, делает наказуемой и убивает всякую инициативу. Как подчеркивает в своем выступлении (вошедшем в книгу) Георгий Сатаров, преобладающим выходом для «жирафов» все чаще становится отъезд за рубеж. Но все равно Россия не иссякает «жирафостью». «Жирафом» оказался представитель очень циничной профессии адвокат Магницкий, погнавшийся (вместо того, чтобы сидеть тихо) за расхитителями государственного бюджета и заплативший за это жизнью. А Сергея Курт-Аджиева, редактора «Новой газеты в Самаре» (его историю вы также прочтете в книжке)

«жирафом» сделала дочка, которая стала ходить на марши несогласных, а она ее не остановил. Если под действием «негативного отбора» все становится вокруг тускло и уныло, то всякий сколько-нибудь свободный и яркий человек может оказаться «жирафом» даже помимо своей воли. Последний материал, в котором вдруг обнаружилась «жирафья» тема, я только что опубликовал о монахе, который был фактически лишен свободы путем перевода в строгий монастырь за выход в «твиттер» и разговор там с людьми на человеческом языке. Высунуться и получить можно везде.

Возвращаясь к «проекту» и останавливаясь на первых слушаниях, надо сказать еще об одном условии, которое было необходимо соблюдать. Как автору идеи, мне пришлось взять на себя всю ответственность за то, как резко картина этих слушаний расходилась с «вступившей в законную силу» картиной приговоров или постановлений следственных органов по соответствующим делам. На мне лежит риск ответственности за утверждение: всё совсем не так, как в этих приговорах, истинные причины дел не имеют чаще всего вообще ничего общего с законом. С одной стороны, нельзя было подставлять под такую же ответственность других журналистов, с другой — уж в своих-то материалах я готов ответить за каждое утверждение. Поэтому, не считая истории Сергея Курт-Аджиева, главного редактора «Новой газеты в Самаре», которую я хорошо знаю, но которая записана другим корреспондентом «Новой» (Надеждой Андреевой), вся остальная фактическая часть слушаний основывалась на рассказах героев моих публикаций.

В первом туре слушаний, которые прошли в Общественной палате в феврале 2011 года, отобранные нами и приглашенные в Москву «жирафы» выступили с «презентациями», включая слайды, объяснения и даже целые фильмы. Они показали, во-первых, чего они сумели добиться в своих областях деятельности, а во-вторых, как все это было угроблено в результате заказных уголовных дел. Их слушали с большим интересом и задавали вопросы эксперты: члены Общественной палаты Генри Резник, Елена Лукьянова и Вячеслав Глазычев, председатель Совета по правам человека Михаил Федотов, заместители председателя Верховного Суда в отставке Виктор Жуйков и Владимир Радченко, а также Евгений Ясин, Тамара Морщакова, Сергей Пашин, Георгий Сатаров, Людмила Алексеева, Дмитриий Орешкин, Яна Яковлева и другие.

Презентации «жирафов» в электронном виде, как и стенограмма слушаний, остались в распоряжении Центра правовых программ, однако для книги этот материал оказался бы слишком велик и различен по форматам, поэтому мы вернулись к текстам, которые были опубликованы об этих людях и их историях в «Новой газете».

Однако по условиям нашего «проекта» за первым туром слушаний должен был спустя два месяца последовать второй, «зеркальный». Эксперты, выступавшие в роли слушателей в первом туре, должны были ответить на классиче-

ский вопрос: «Что делать?» Что можно системно противопоставить «опричному способу производства», рейдерству, ментам и несправедливому суду, которые поощряют «негативный отбор» и, по сути, блокируют для страны всякие возможности модернизации?

Каждая история, которую вы прочтете в этой книге, индивидуальна, всякий раз очень индивидуален и ее герой, далеко не всегда «весь белый и пушистый». И если каждое из этих заказных (в чем у экспертов не было сомнений) уголовных дел представляет собой отдельную проблему, то общее, то есть системное, решение (алгоритм) найти оказывается трудно. Эксперты выразили уверенность, что по каждому делу в отдельности необходимо в процессуальной форме добиваться отмены и пересмотра вынесенных приговоров. Но что может быть сформулировано в виде общих предложений, как создать такие гарантии, которые исключали бы возможность организации (в первую очередь, органами следствия) такого рода известных или неизвестных общественности заказных дел?

Не считая выступлений экспертов с мест, которые были очень интересны, хотя часто звучали «вразнобой», мы располагаем текстами четырех основных докладчиков на втором туре слушаний в Общественной палате. Все докладчики – маститые ученые, поэтому иной раз их заносит в такие сферы, которые выходят, строго говоря, за пределы нашей темы. Но все же они настолько интересны, что мы не сочли возможным сокращать эти доклады и публикуем их полностью.

Сергей Пашин выделяет людей, которых мы по-журналистски легкомысленно окрестили «жирафами», в «группу позитивного риска». По его логике, в условиях негативного отбора инициативное поведение и активная позиция «виктимны» сами по себе, они провоцируют чрезмерно разросшиеся органы государственной репрессии на преступления. В свою очередь, эти преступления, чаще всего рейдерские захваты по сути, совершаются путем приписывания каких-либо преступлений (формально такие всегда найдутся) как раз жертвам «опричного» грабежа. Сергей Пашин достаточно радикален и не видит сегодня реальных возможностей исправить сложившееся положение.

Людмила Рагозина из Института экономики города анализирует сложность правового положения органов муниципальной власти и местного самоуправления. Ее мысли о том, что мэры (в первую очередь в рамках специально так выстроенной «по вертикали» налоговой и финансовой системы) всегда находятся под ударом и под прицелом «правоохранительных органов», перекликаются с тезисом Сергея Пашина о «виктимности» всей «группы позитивного риска». Как это ни удивительно, но, будучи совершенно разными экспертами в совершенно разных областях, Пашин и Рагозина, как будто сговорившись, ищут рецепт улучшения сложившегося положения в развитии подлинного, а не формально-бумажного федерализма.

В этом направлении глядят, впрочем, и другие наши эксперты. Владимир Радченко предлагает «добавить федерализма» в устройство судебной системы и органов следствия, полагая, что проблему «жирафов» в какой-то мере может решить приближение суда «к земле», к людям, которые знают несправедливо судимых лично, знают и реальные их дела, понимают уловки и предлоги, которыми злоупотребляет следствие. Увлечшись, экс-заместитель председателя Верховного Суда развивает в своем докладе целостную концепцию радикального переустройства судебной системы, предлагает переокроить подследственности и вернуть в суды народных заседателей (отнюдь не отрицая возможность участия здесь и присяжных). На первый взгляд, доклад Радченко выходит довольно далеко за пределы нашей «жирафьей» темы, но, с другой стороны, а как еще, если не реформировав суд, можно поставить заслон создателям заказных дел?

Наконец, Георгий Сатаров выдвигает, основываясь на социологических исследованиях Фонда ИНДЕМ, не очень популярную, но очень близкую лично мне идею о пользе дружбы и общения с судьями. Может быть, говорит он, надо не столько реформировать суд, сколько менять менталитет судей, хотя дело это непростое и небыстрое.

В книжке мы решили чередовать реальные истории, почерпнутые из «Новой газеты», которая, как известно, отвечает за свои слова, и доклады ученых. Предполагалось, что каждая история даст повод докладчику для размышлений в определенном направлении, но так получилось далеко не во всех случаях, докладчиков порой уносило далеко, но читать вперемешку журналистские и научные материалы все равно интереснее.

Заканчивая рассказ о том, как рождалась эта книжка, я резервирую за собой право рассказать и о перспективах «проекта» (в послесловии).

Л.В. Никитинский

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ БАЙКАЛ, ЗУБАТКА И «ОСЬМИНОГ»

*Материал Леонида Никитинского
(Новая газета. 2011. № 5)*

Татьяна Казакова и изюбриха Катька

этот поселок на Байкале из руин (буквально)¹. Публикация вызвала большой общественный резонанс. Главный вопрос, который задается на конференциях, где звучит этот пример: почему как только предприниматель сделает что-то хорошее и не только для себя, на него сразу заводят уголовное дело?

С тех пор мы узнали о многих новых обстоятельствах этой детективной истории.

1 июля 2010 года после двух лет и трех месяцев очень жесткой отсидки в СИЗО мэр (пока еще, так как приговор не вступил в законную силу) поселка Листвянка Татьяна Казакова была освобождена по ходатайствам уважаемых правозащитных организаций, в том числе Московской Хельсинкской группы, под залог в 9 млн рублей. Муж и соратник Казаковой Дмитрий Матвеев, семь лет назад в результате неудачной операции ставший инвалидом в коляске, повлек ее в охотничьи угодья за 200 км от Иркутска, чтобы совершить там задуманную акцию «освобождения зверей». Их судьбы тоже по-своему драматичны: лось Ванька еще года за два до посадки мэра остался сиротой, браконьеры убили его маму, и после того как это показали по телевизору, Татьяна послала за ним автобус — с тех пор он живет и воспитывается в угодьях. Так же туда попали две изюбрихи — Принцесса и Катька. Так вот, освобожденный мэр, начитавшись Чехова и других хороших книжек в СИЗО, открыла ворота загона, а звери обошли круг и вернулись обратно. Ну, пусть так, раз им нравится. Ваньку-то точно в лесу съедят, он

Корыстные интересы чиновников запечатали «ворота Байкала» и блокировали развитие туристической зоны. Администрация Иркутской области считает, что заказное уголовное дело против мэра — «не ее компетенция».

В прошлом году «Новая» рассказала историю уголовного преследования Татьяны Казаковой, главы администрации Листвянки, которая на свои деньги подняла

¹ Дзержинский отдыхает//Новая газета. 2010. № 49.

за себя постоять не сумеет, только заборы в деревне курочит, когда у него рога чешутся.

6 сентября 2010 года Казакова была приговорена Иркутским районным судом к 6 годам лишения свободы условно, но еще до этого в угоды нагрянула из самого Иркутска бригада прокуроров. Что-то, говорят, у вас тут незаконно, и почему вы над зверями издеваетесь, лишаете их свободы?

Что касается тех статей УК, по которым больше двух лет провела в тюрьме сама Казакова, они были нами детально исследованы в «Новой» № 49 за 2010 год («Дзержинский отдыхает»). Наши сомнения по поводу этого дела разделила затем «Нью-Йорк Таймс», но это еще не весь ресурс внимания мировой и российской общественности, который мы намерены привлечь к этой истории. Кроме позиции обвинения, официально и не очень убедительно изложенной в приговоре, есть еще как минимум четыре версии того, как и почему посадили Казакову, и мы их сейчас рассмотрим по нарастающей.

Версия 1. Говно-вопрос

1 апреля 1991 года Совет народных депутатов Листвянки передал соток восемь земли, где еще был общественный туалет, в собственность гражданина Мовшовича В.М. Это пятачок с видом на устье Ангары, примерно где утонул Вампилов, но с одной стороны там шоссе, а с другой забор санатория. Мовшович возглавлял тут прежде милицию, но не просчитал, что бывший профсоюзный санаторий когда-то может отойти к ФСБ.

Однако под туалетом скрывался еще и очистной колодец с насосной станцией, которая качает дерьмо из санатория и нескольких пятиэтажных домов в Листвянке. Насос дряхлел, дорогу стало заливать сверху нехорошим, и в 2006 году новый мэр Казакова на свои деньги (а других не дали) построила новую насосную станцию и новый туалет. Участок с этой целью был приобретен у вдовы Мовшовича неким Смирновым А.А. — одним из, скажем так, топ-менеджеров, выросших в Иркутске вместе с торгово-туристической империей Казаковой и Матвеева.

Но тут выяснилось, что директор санатория полковник ФСБ В.И. Трифонов (он прежде был метеорологом) в течение нескольких лет проводил «инвентаризацию», и спорный туалет оказался экстерриториален. После долгих лет гражданских судов (по уголовной линии Казакова успела отсидеть и получить свои шесть условно) спор о сортире так и не решен: земля там вроде как государева (за ФСБ), а насос — собственность Смирнова. Казакова из СИЗО дала указание подарить сортир государству, но власть его брать не спешит: содержание тоже чего-то стоит.

Мэром Листвянки Казакова была избрана в 2006 году, но еще до этого, начав строить свою гостиницу, она стала вкладываться в инфраструктуру посел-

ка. В 2007 году она выиграла выборы уже с 80% голосов, потому что все ее вложения были у жителей перед глазами: набережная, дорога, рынок, автобус, школа, водозабор, общее благоустройство и т.д. Объем инвестиций составил не менее 30 млн рублей, что вполне доказано документами в уголовном деле, из них под спорным сортиром закопано только пять.

При безоговорочной поддержке населения были у мэра в Листвянке, конечно, и скрытые враги: не всегда определяемые владельцы чаще всего уродливых строений у кромки Байкала на тех участках, которые были сомнительно выделены им еще прежней администрацией. Логика проекта «Байкал-Сити» (см. последнюю главу) подсказывала, что все это скоро будет снесено. Открытый же противник был у Татьяны один: директор-полковник Трифонов. За забор санатория мэра Листвянки он не пускал вовсе, ссылаясь на отсутствие у нее допуска к государственной тайне, что при общих, сильно проржавевших и сброшенных полностью на баланс поселка коммунальных сетях создавало проблемы именно для жителей.

После того как в 2006 и 2007 годах в санатории сгорело два здания (подробности — «государственная тайна»), Трифонов решил построить новый реабилитационный корпус. Проект он не показывал, но требовал привязать его к тем же сетям. В конце декабря 2007-го за забором был разрыт водозабор, при минус 20 это ставило под угрозу всю Листвянку. Странный выбор сезона для земляных работ объяснялся, по-видимому, столь же странным тендером на 330 млн рублей, выигранным неким ООО «Эскиз» из Москвы, каковое один раз засветилось как подрядчик в дрызгах вокруг «тайного» строительства. Отказываясь согласовать строительство вслепую, Казакова создавала им какие-то проблемы.

Мэр, однако, не учла, что ФСБ «рыло» не только водозабор. 25 марта 2008 года тогдашний начальник регионального УФСБ генерал-майор С.Г. Старицын подписал некий документ, начинающийся со слов о «контрразведывательном обеспечении органов власти и управления», где затем приводилась схема трубы от котельной, на ремонт которой Листвянке было выделено 3 млн рублей. Деньги эти были переведены тоже ровно в декабре 2007 года, но так как Казакову никакие странные тендеры в спину не толкали, а ремонт теплотрасс в Сибири зимой — это просто безумие, деньги она перечислила до весны в одну фирму в Иркутске. Несмотря на все усилия следствия доказать, что они были присвоены (путем ареста директора фирмы и ее отправки этапом в Тайшет), деньги нашлись и были возвращены. О том, что в очистные сооружения, обслуживающие и санаторий, Казакова вложила 5 миллионов, не считая всего остального, — что ж вспоминать? Вот и статья УК — если это кому-то может пригодиться.

Версия №1 интересна тем, что даже отдельный санаторий ФСБ ведет себя как государство в государстве. А что у них за «государственная тайна»? Разве что по объему дерьма в колодце можно вычислить количество и ранг отдыхающих там генералов? Но версия №1 может объяснить лишь возникновение уголовного дела, а не его развитие целой бригадой следователей и оперативников ФСБ.

Версия 2. Зубатка

Ну, возбудили бы, припугнули, договорились и положили в стол — такова (по чекистским меркам) была бы нормальная логика. Вместо этого 28 марта 2008 года Казакова была взята под стражу прямо у трапа самолета из Китая, куда она возила делегацию из двадцати глав администраций Иркутского района. В СИЗО (именно за 700 километров, в Тайшете) оказалась ее секретарша, отказавшаяся дать ложные показания против мэра, а впоследствии — мэр еще одного из поселков, у которого пытались добиться показаний против Матвеева: тот сидит уже полтора года до суда за несколько эпизодов безналичных пожертвований на ремонт дороги (трудно найти сельскую администрацию, которая так не делает). Дмитрий Матвеев, муж Татьяны и совладелец их бизнеса, избежал посадки лишь потому, что с инвалидом в коляске у следствия было бы слишком много проблем.

Как говорят, прежний глава Иркутского УФСБ (сейчас он в Челябинске), когда начиналось это дело, не без отвращения подписал донос о «контрразведывательном обеспечении» ржавой трубы, но поставил условие: бизнес Казаковой не дербанить, не хватало тут еще только этого дерьма. Благодаря этому Матвеев сохранил бизнес и даже послал жене в общую камеру СИЗО норковую шубу. Но за два с лишним года заключения ей было отказано во всех свиданиях: с больной дочерью, с мамой, с нотариусом, чтобы подписать согласие о направлении дочери на лечение, а также в регистрации брака с Матвеевым, с которым они к тому времени прожили восемь лет.

Такая жестокость уже не может объясняться только конфликтом с директором-полковником Трифоновым. Попробуем поискать причины в биографии Казаковой: к этому нас неофициально подталкивают и официальные лица в Иркутске, намекая (а в газетах об этом прямым текстом) на ее связи с «братской» ОПГ.

Татьяна Казакова родилась в Иркутской области, мать работала в поселке на заводе технологом, в семье были две старшие и младшая сестра, отец ушел, когда Татьяне было пять, а когда стукнуло десять, они переехали в Иркутск. Будущий олигарх ходила в школу, ухаживала за сестренкой, огородом и тремя свиньями, а учиться пошла в торговый техникум, потом без отрыва от работы — в институт. В 22 года в 1986-м Таня поехала на закупки для Октябрьского райпродторга в Среднюю Азию — директор побывала с ней неделю, представила, кому надо, и уехала. А в 1987 году они поехали вдвоем с мужем, три месяца там сидели, купили овощи и фрукты и отправили их вагонами в Иркутск.

Это биография советской торгашки, не вполне типичная, потому что закупки в Средней Азии просто девчонке с чековой книжкой никто бы не доверил: здесь и риск, и навар могли быть очень серьезными. Значит, были у нее

какие-то особые таланты, замеченные директоршей, но в 87-м Казакова из торгова уже уволилась, зарегистрировав первый в Иркутске торгово-закупочный кооператив. Они открыли три павильона, торговали польской «шанелью» из Каунаса, жвачкой и прочей дрянью начала перестройки. Уже в этот период первоначального накопления капитала за Татьяной гонялись братки, но не догнав, удовлетворились ее консультацией по бизнесу: тоже закупать эту самую «шанель».

На следующем этапе Казакова убедила руководство спиртового треста отдать ей завод розлива вин, потому что «вам хватит проблем с водкой, а я знаю, как купить вино в Душанбе и пригнать его цистернами». Проблем с деньгами в начале 90-х у Татьяны не было, и она начала скупать на аукционах магазины и столовые. Она шла к директору, требовала собрать коллектив и излагала план, который всегда сводился к переоборудованию и перепродаже. Таким образом, с 93-го по 98-й год она своими руками передушила, склоняя на свою сторону персонал, 29 советских директоров. Вряд ли все ее в этом торгово-ресторанном мире Иркутска любили, зато все знали и приклеили очень точную (даже по внешности) кличку: Зубатка. Ментам она столы накрывала, но бандитов в долю не брала, так как вообще никого никогда не хотела брать в долю: ей не нравилась перспектива раздела имущества. Все магазины и кафе, много раз перепроданные, до сих пор успешно работают: Зубатка произвела (себе не в убыток) их своевременную санацию.

Первым действительно крупным объектом, пакет которого она перекупила, стал бывший завод карданных валов в центре города, где теперь крытый рынок. У нее на руках оказалось 28% акций, и еще 24 у Матвеева — на этом они близко познакомились и решили объединиться против третьего конкурента. Там были и подлоги, и выигранные в конце концов арбитражные суды, и разные, в том числе «братские», бандиты. Но первым соседом 10-летней Тани Казаковой в Иркутске оказался один веселый дядька, а за прошедшие с тех пор почти двадцать лет он стал начальником областного ГУИНа: он и представил к ней по-соседски спецназ, который по договору охранял «сумочку» Казаковой.

Ошибка, которая едва не стоила Казаковой жизни, была совершена ею в 1998 году, здесь сплелось несколько причин, в том числе самоуверенность так быстро поднявшейся Зубатки, ну и, конечно, дефолт. Весной того года в одном из ее кафе появился некий Сява. Про него говорили, что несудим, но вроде бы «братский». По отработанной ею методике Татьяна сказала: денег не дам, а консультацию — нате. И указала на объект, называемый в городе из-за обилия стеклянных витрин «стеклорезом». Сама она собиралась устроить там ночной клуб и выиграла торги, но 2000 квадратов были ей не нужны, и она, испытывая трудности с оборотными средствами, предложила сразу перепродать половину Сяве. Он принес векселя Сбербанка на 2 млн рублей и 400 тысяч на-

личными, и Зубатка даже получила расписку в том, что Сява купил на них половину «стеклореза». Эта расписка, которая, вероятно, спасла Казаковой жизнь, была изъята при обысках в Листвянке в 2008 году и должна храниться где-то в материалах ее уголовного дела.

Ни до, ни после ресторана в Иркутске не приносили такой бешеной прибыли, как в августе 1998 года при дефолте: недели две бизнесмены и банкиры, менты и бандиты — все пили мертвую. Потом притащился Сява и сказал, что «стеклорез» ему больше не нужен, что лучше бы вернуть деньги в долларах, цена которых за эти две недели выросла в пять раз. Понятно, что Зубатка имела все основания его турнуть, ткнув распиской о покупке «стеклореза», но Сява объяснил, что деньги просит вернуть Тюрник. А Тюрник — это уже и есть едва ли не официальный глава «братских» (он был задержан в Москве в 2010 году).

Вскоре после этого Сяву расстреляли из автоматов у гаражей. Двое «братских» появились в кафе и грозились завалить Зубатку, но тут на сцену выступил спецназ ГУИНа. Зубатка позвонила сестре, которая еще в 93-м году, выйдя замуж, уехала в Краснодарский край, но до этого успела поработать в Братске директором по снабжению. Сестра нашла некоего Серегу Д., начальника заправок, тот выслушал Зубатку по телефону и велел с чемоданом долларов ехать в Москву, где быть в такой-то час в лобби «Палас-отеля». Деньги набрали вскладчину с Матвеевым, которому Таня рассказала о своей беде как тогда еще просто компаньону, а в Москву она поехала с мужем. Это был конец 98-го. В «Палас-отеле» к ней подошел мужчина и сказал, что он и есть Тюрин (Тюрник). Очень удивился, увидев расписку Сявы на 400 тысяч долларов, и заметил, что, вообще-то, давал лимон. Кучу долларов в коробке Зубатка передала у эскалатора в «Охотном Ряду» какому-то человеку в шапке, после того как он поговорил по ее телефону с начальником заправок Серегой Д.

Такова версия Татьяны Казаковой о ее связях с Тюриком. Она была записана на видеокамеру в РУБОПе, куда Казакова безуспешно ходила за защитой, и зачем-то распространена: все в Иркутске ее видели, и Тюрник тоже. Не нам судить, насколько убедительно она свидетельствует о связях мэра с «братскими», но ничего другого, несмотря на настойчивые просьбы, никто мне в Иркутске не рассказал. И кстати, лишь сейчас выясняется, что реальное убийство Зубатки готовили не «братские», а совсем другая банда, они сейчас дают показания о четырнадцати убийствах.

Сделаем вывод, что возобновление этих слухов о «братских» при расследовании уголовного дела против мэра имело единственной целью оправдать (не по закону, а по понятиям) жестокость ее содержания под стражей. История Зубатки до Листвянки (а дальше пойдет совсем другая глава ее биографии), конечно, несет на себе яркий отпечаток своего времени, но она как раз совершенно понятна. Это не всегда можно сказать о тех, кто, вероятнее всего, Казакову и посадил.

Версия 3. Схватка на улице Фурье

Жизнь постепенно, но твердо вела Зубатку к осознанию того, что счастье за деньги не купишь и что саму ее интересует не только бизнес. За эти годы Татьяна родила троих детей и вырастила четверых: у них в семье живет и дочка старшей сестры. Первый муж Казаковой погиб в автокатастрофе в 2001 году, но с ним, как можно догадываться, Татьяна к тому моменту уже не жила.

Проводя целые дни с Дмитрием Матвеевым, обсуждая сначала совместные планы бизнеса, а потом и спасения от «братских» и прочих, они скоро пришли к пониманию того, что, кроме друг друга, никто им, в общем, тут и не нужен. И с какого-то момента ночи они тоже стали проводить вместе. Как и когда это вышло, в роли журналиста я все-таки постеснялся спросить, а писательски, если когда-нибудь у меня найдется время сочинить роман с таким ярким персонажем в центре, необходимые детали как-нибудь и сами собой придут.

Матвеев тоже попал в автокатастрофу в 2000 году (судя по тому, как они там носятся по серпантину вокруг Байкала, это даже и обычно), но травма почти не сказывалась до 2002 года. Затем начались не частые, но сильные, припадки эпилепсии. Один из них случился в 2003-м на катере: Таня вышла из каюты, а когда вернулась, Дима был уже мертв: подавился языком. С того света его вытащили воевавшие ребята из охраны, но делая искусственное дыхание, сломали пару ребер и повредили диск позвоночника. Врачебная ошибка была допущена и при операции в больнице, и в результате в 2003 году Матвеев стал инвалидом в коляске. Рассказывая об этом, ни Дима, ни Таня ни за что не скажут: «я заболел» или «он заболел» — а всегда только так: «Это было после того, как мы заболели».

Практически забыв о деньгах, точнее швыряя их сотнями тысяч евро врачам разных стран, Зубатка два года почти не отходила от Димы, опасаясь, как бы он не покончил с собой. Испробовали всё и во всех странах, подумывали о том, чтобы продать активы и осесть где-нибудь в Испании или в Германии, но когда стало понятно, что поставить Диму на ноги не удастся, потянуло их домой. Дети тоже, поучившись по заграницам, сказали, что им больше нравится Иркутск, там и стали жить все одной семьей «в усадьбе».

Лет на шесть Зубатка сильно отклонилась от бизнес-линии своей биографии: разборки с «братскими», гибель мужа, потом эта бешеная любовь, трагедия Димы, два года совсем другой жизни в Европе. В Иркутске никто и не понял, что в 2005-м Казакова вернулась сюда уже сильно другим человеком — она и сама это, наверное, не сразу поняла. Но Иркутск жестко требовал от нее возвращения в прежний образ. Раз уж вернулась географически, а тут тебе не Цюрих.

Конечно, выбор такой жизни — это всегда твой личный выбор, можно было и по-другому. Но выбрав, ты попадаешь между шупалец «осьминога», и нет

шансов от них совсем увернуться. С одной стороны — бандиты, с другой — мен-ты, не вдруг поймешь, кто страшнее, а часто это вообще одно и то же. Спрут и огромен, и вездесущ, но и в то же время чаще всего безлик: главное условие его существования — это искусство мимикрии. В редких случаях спрут пока-зывает то или иное из своих лиц, в которое можно (с документами в сейфе) ткнуть пальцем. Но иногда и он, всевластный и потому самонадеянный, утра-чивает осторожность.

В 2005 году к вернувшейся в Иркутск Зубатке пришел за помощью Алексей Смирнов, немного нам уже знакомый как собственник злополучного сортира в Листвянке. Он еще в начале девяностых с мешком Татьянинных денег ездил под Новый год в Москву за шампанским, и отношения у них были доверитель-ные. Смирнов рассказал, что десять лет назад перекупил у некоей фирмы двух-этажный старинный особняк на улице Фурье — это центр города, цена объек-та, несмотря на то, что надо еще много вложить в реставрацию, не менее 5 мил-лионов долларов. В этом доме, как говорят историки, по дороге на Сахалин останавливался Чехов, и Зубатка подумала: а почему бы не устроить там ма-ленькую изящную гостиницу?

Они стали переоформлять собственность на здание, которое когда-то, до первой продажи в 1995 году, было в ведении КЭЧ — квартирно-эксплуатационной части Сибирского военного округа. Но тут вдруг КЭЧ встрепенулась и зареги-стрировала без ведома Смирнова здание на себя. Это удалось признать неза-конным по суду, доказав, что в 95-м первый покупатель предоставил КЭЧ 11 квартир, и в них давно живут какие-то генералы. Но и суд не помог, Феде-ральная регистрационная служба его решение выполнять отказывалась. Став уже мэром, то есть лицом официальным, Казакова позвонила в 2006-м главе управления ФРС, бывшему прокурору Иркутска и заму областного прокурора Альбине Семеновне Ковалевой с просьбой помочь выполнить решение суда. Ковалева (а они были знакомы также и по иркутскому бомонду) обещала: хо-рошо, разберемся.

Перед зданием по улице Фурье есть примыкающий к нему исторически и по градостроительной логике участок в десять соток. Когда проезжал Чехов, там, скорее всего, был сад, а сто лет спустя — пустырь со старой трансформаторной будкой. Провода от нее тянутся к соседнему дому (там сидят некий эндокри-нолог, касса «Трансаэро» и еще какие-то арендаторы). Вскоре после звонка Казаковой в ФРС стало известно, что эта самая ФРС стремительно зареги-стрировала (февраль 2007-го) в собственность некоего гражданина Голубенко буд-ку размером 5,7 кв. м, а заодно и участок площадью 1028 кв. м, отрезав подъ-езд и проходы к зданию претендующему на него по суду Смирнову А.А. Невы-ясненный Голубенко пробыл собственником будки и участка один день, пере-продав их в один ход некоему ООО «ИНТЕРЛАЙН», которое на тот момент было также собственником соседнего здания (с эндокринологом и прочими).

Уголовное дело против Смирнова по признакам сначала подделки документов о давней покупке здания, а затем и мошенничества было возбуждено в октябре 2007 года и стало активно развиваться весной 2008-го. Во время стычки из-за переноса забора на пустыре в перепалку со Смирновым вступил директор ООО «ИНТЕРЛАЙН» некто Бондарев, который сказал, двигая забором: «Вы все будете сидеть». При этом он бегал советоваться к белому BMW с номером 001, который принадлежит единственному участнику ООО «ИНТЕРЛАЙН» (выписка из ЕГРЮЛ № 20892В/2010) Дмитрию Бердникову. Остается добавить, что Бердников — не только удачливый бизнесмен и собственник недвижимости в Иркутске, но также и единственный и любимый сын Альбины Семеновны Ковалевой.

Эта история (если она не просто совпала с письмом Смирнова в Генеральную прокуратуру) стоила Альбине Ковалевой в апреле 2008-го должности начальника управления ФРС. Но совсем уж потеряться в 63 года ей не дали: специально для Альбины Семеновны Генеральный прокурор Чайка (чей сын также ведет бизнес в Иркутске) выделил при Иркутской областной прокуратуре не совсем понятный с точки зрения штатного расписания кабинет. Как объясняют это знающие люди, в иркутском гнезде прокуроров Чайки, откуда они разлетаются на многие ключевые посты в Москве, Сочи и других перспективных городах, советник Генерального прокурора РФ Ковалева играет какую-то особую роль («вроде мамы»). О размахе ее деятельности в прокуратуре и на посту начальника ФРС, как и о ее сыне, по Иркутску ходит много сплетен, которые мы в «Новой», естественно, пересказывать не будем. Тем более что только что, 14 января, А.С. Ковалевой присуждено звание «Заслуженный работник прокуратуры РФ».

Для нашей повести про Зубатку и «осьминога» хватит и одного приведенного выше и строго задокументированного факта. Предсказание директора Бондарева сбылось наполовину: Смирнова суд, как ни удивительно, сначала отказался взять под стражу, а затем и оправдал за отсутствием доказательств подделки документов. А Казакову, в самом деле, приняли у трапа самолета через десять дней, в течение которых она просто была в Китае. Она села так жестко и так надолго, как невозможно было сделать без сильного давления на суд. Дело было распределено в Иркутском райсуде судье Масловой, известной тем, что ее муж в 2000 году, в бытность его начальником отдела по борьбе с особо тяжкими преступлениями ГУВД, был осужден за вымогательство. Этому факту областная квалификационная коллегия судей значения не придавала, но другая судья, Светлана Шошина, соседка Казаковой, которая приложила характеристику (не по закону, а просто по-человечески) к просьбе многих достойных иркутян освободить ее под залог, мантии лишилась. Ибо еще одним условием жизни «осьминога» является повальная к нему лояльность госслужащих и судей в особенности.

Версия 4. «Игрушка для Димы»

Между ненавистью или просто настороженным отношением к Казаковой в Иркутске и симпатиями к ней со стороны жителей Листвянки на самом деле нет никакого противоречия. В Листвянку пришла другая Казакова, не Зубатка. Она явилась, конечно, как хозяйка, и думала, что это надолго, но даже логика бизнеса толкала ее тут не кусаться, а привечать. Любой житель Листвянки покажет и расскажет, что она тут построила: за два с половиной года с тех пор ничего почти и не успело развалиться или исчезнуть, кроме урн и бесплатного автобуса. Другой вопрос — что еще она могла бы тут сделать, но не успела.

Губернатор Дмитрий Мезенцев, часто возя гостей области в Листвянку (а куда еще, короткая дорога на Байкал одна), взял за правило тыкать носом в старый и узкий мостик мэра Иркутского района Наумова. Правильно, не Казакову же ему пилить: она хотя пока формально и мэр Листвянки, ее тут не было. А кабы была, то и мостик был бы, и набережная была бы расширена, и еще много чего тут бы уже построилось за эти три года. Она не боялась тратить на это собственные деньги, рассчитывая пусть не на скорую, как в торговле, отдачу, а больше даже на чувство какого-то внутреннего удовлетворения: «У меня тут хорошо!» Ей ужасно понравилось быть хорошей — это вообще встречающийся, хотя и не так часто, у разбогатевших людей феномен (ну, вот хотя бы Джордж Сорос). Это бы и власти вовремя разглядеть, но быть хорошей Татьяне здесь долго не дали.

Казакова бросила каждый день ходить в «серый дом» администрации области и потеряла, как она сама теперь с досадой признается, ежедневно плетущую нить интриги. Это было тем более опасно, что ее поступки часто диктовались деловой, а не аппаратной логикой: например, она могла пригласить на свой катер на Байкале полпреда президента через голову стоявшего рядом губернатора (в то время им был Александр Тишанин). Она радовалась обретенной свободе, занимаясь делами хозяйственными, а о развитии Листвянки больше думал Матвеев. Потеряв ноги, он не утратил ни мозгов, ни амбиций, которые даже выросли: раз уж он не покончил с собой (спасибо Тане), надо заново доказывать перед всеми свое право на эту жизнь. Казакова мне так и объяснила про амбициозный, выходящий уже в сферу политики и экономики, проект «Байкал-Сити»: «Это была игрушка для Димы».

Они не только давно развивали гостиничный комплекс и туризм, но теперь еще и насмотрелись на то, как это делается в Европе. И снова на свои, потому что бюджетных денег на предпроектные работы никто не даст, Матвеев пригласил иностранных и местных специалистов, они облетели Листвянку на вертолетах и привязали к местности проекты: гостиниц, канатной дороги, горнолыжной базы, как водится — «резиденции президента», но и университета на базе существующей здесь испокон века биостанции (идею поддержал и единственный академик в Иркутске Михаил Грачев). Именно этот проект «Байкал-

Сити» представлялся на международных выставках от имени Российской Федерации и Сибири, губернатор Тишанин презентовал его на Байкальском экономическом форуме в 2006 году, он продолжает развиваться и уточняться с федеральными органами власти, пусть и без ссылки на первых авторов.

Правда, идея «особой экономической зоны туристско-рекреационного типа», о которой на уровне правительства РФ разговоры идут с 2007-го, погуляв по берегу Байкала, пока центром своим переместилась в Слюдянку. Но при любом решении Листвянку тоже не обойдешь, это ближний край озера и традиционные «ворота Байкала», место, где из него вытекает Ангара.

Все три версии посадки Казаковой (исключая голословную «братскую») тут работают вместе и кумулятивно, но мне основной кажется наиболее общая логика, по которой ее просто не могли не посадить. С одной стороны, Зубатка затмевала и прежнего губернатора, лучше него умея встретить гостей и показать им Байкал, а с другой — выбрав не воровскую модель развития (за три года мэрства она не выделила ни одного земельного участка ни для кого), Казакова была не тем человеком, какого подразумевает здесь сложившаяся нынче логика федеральных финансовых потоков. Она же торгашка еще твердой советской закалки, а тогда так пилить государственные деньги считалось, ну, не комильфо, сначала полагалось все же что-нибудь сделать и оставить людям.

Губернатор Иркутской области Дмитрий Мезенцев дважды (в апреле 2010 и в январе 2011 года) не нашел времени, чтобы принять корреспондента «Новой» в связи с этой историей. Поговорив на этот раз с ответственным и вполне открытым сотрудником его аппарата, я понимаю теперь, что положение губернатора очень щекотливо. Не при нем начиналось это дело, большинство действующих лиц (кроме директора санатория и Альбины Семеновны) с тех пор вообще сменилось, и теперь возвращение к «делу Казаковой» в федеральной прессе для иркутян — это нож в спину. В сентябре снова Байкальский экономический форум (любимая игрушка другого «Димы» — Мезенцева), усугубляемый 350-летием Иркутска, надо везти гостей в Листвянку, кормить их в гостинице «Маяк», с которой начинала тут Казакова, а с тех пор никто ничего даже похожего не построил. В Листвянку, а там (возвращаясь к теме первой главы) и в прямом, и в переносном смысле такое дерьмо.

Но администрация области, как мне там объяснили, не вправе давить на суд. Это мы знаем. Мы знаем даже, кто на него все-таки, скорее всего, будет давить. И это не мы, мы только задаем вопрос: почему все время так получается? Прежний мэр Иркутского района, например, вряд ли законно раздал в окрестностях Байкала (а ФРС это зарегистрировала) не один и не два земельных участка — и ничего. Но стоит человеку сделать действительно что-то, что можно отнести, если говорить языком президента, к «модернизации», как тут же он — «уголовник». Кто это делает?

Два с лишним года в СИЗО (никак, кстати, не зачтенные в приговоре) Та-

тьяну тоже, конечно, изменили, заставив многое переосмыслить. Один рассказ, как она перечитала в общей камере в норковой шубе «Палату номер 6», дорогого стоит. Но это уж совсем художественная литература. А жизнь опять возвращает ее в прежний образ. Не дали Тане быть хорошей. Ну, так она снова делается плохой, и я боюсь, что многим тут, в Иркутске, мало не покажется.

***P.S.** Глава 3 этого материала в рамках принятых в «Новой» правил была направлена в понедельник по факсу советнику Генерального прокурора РФ А.С. Ковалевой с предложением поместить ее комментарии одновременно с основным материалом. Однако до момента подписания номера в печать никаких комментариев мы не получили.*

ВИКТИМНОСТЬ ЛИЦ ИЗ ГРУПП «ПОЗИТИВНОГО» РИСКА

*С.А. ПАШИН,
к.ю.н., профессор НИУ ВШЭ,
член Независимого экспертно-правового совета,
федеральный судья в отставке*

Положение, при котором «делать дело» невозможно, не нарушая законы и подзаконные акты, не вступая в конфликт с правоохранительными и контролирующими органами, известно с советских времен. Смысл насаждения обстановки всеобщей виноватости заключался тогда в обеспечении контроля поведения лиц, наделенных правом оперативного управления, «общенародной» ответственностью и некоторой властью. Директивные органы и партийные диктаторы разных масштабов могли, таким образом, дополнять меры пар-

тийной ответственности уголовной карой, вплоть до смертной казни. Разумеется, кроме расправы с конкурентами в политической подковерной борьбе и вообще неугодными, имелся в виду и идеологический, пропагандистский эффект акций показательного устрашения на население, которое воочию видело, что социальная справедливость восстанавливается «невзирая на лица», что советское государство борется с коррупцией, частнопредпринимательской деятельностью, спекуляцией.

Сегодня такое **положение потенциальной виноватости людей, организующих производительную, обслуживающую деятельность и управляющих материальными ценностями, используется для понуждения этих лиц к использованию административных и материальных ресурсов в чужих интересах;** перераспределения (отнятия) собственности; получения лицами, от которых зависит уголовное преследование, коррупционного дохода. Все эти деяния власть имущих и их агентов относятся Конституцией Российской Федерации к категории «злоупотреблений властью» (ст. 52).

Виктимность таких «оргуправленцев» неизбывна, поскольку вытекает из их статуса обладателей ресурсов, на которые всегда имеются и другие претенденты. Особую ненависть вызывают «оргуправленцы», выбивающиеся из общей когорты чиновников и дельцов своим нетипичным поведением, например эф-

фективной работой на благо местного населения. В них видят не только опасных чудаков, но и людей с политическими амбициями, способных поставить под угрозу сложившийся расклад сил в регионе и благосостояние конкретных лиц. Виктимность этих людей смягчается покладистостью: готовностью выполнять политические заказы, состоять под «красной крышей», подкупать вышестоящих, платить мзду контролерам и правоохранителям, но никогда не исчезает полностью. Впрочем, «умеющие делиться» и послушные вынуждены идти на приписки, искажение отчетности, финансовые нарушения, уклоняться от налогов, учреждать «черные кассы», то есть своими руками создавать почву для уголовного преследования по любому капризу начальства и правоохранителей.

Проблемы устройства и функционирования органов правопорядка

Проблемы членов «групп риска» с органами уголовного преследования усугубляются особенностями организации властвования в постсоветской России.

Прежде всего, количество правоохранителей и вообще вооруженных людей в нашей стране превышает ее разумные потребности. Необходимо, конечно, провести специальные исследования о должном числе сотрудников полиции (тайной и явной) на 100 тысяч населения, в том числе — сопоставление с западными государствами. Однако не будет преувеличением утверждать, что, если армия, полиция и прочие вооруженные потребляющие структуры власти по численности превышают 1% населения, кормильцы просто не могут удовлетворять столько ртов. Демографическая яма, в которую из-за военной убыли населения попала наша страна, ухудшает ситуацию с обеспечением производительного сектора нашей экономики.

Далее, все эти структуры, аппетитно потребляющие ресурсы страны, вписаны в централизованную систему вертикали власти, составляют ее костяк, ее опору и от местного населения, в сущности, никак не зависят. Достаточно сказать, что «полиция является составной частью единой централизованной системы федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел. ...Состав полиции, порядок создания, реорганизации и ликвидации подразделений полиции определяются Президентом Российской Федерации» (части 1 и 4 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»¹). Уже 1 марта 2011 г. Президент Российской Федерации издал Указ № 250 «Вопросы организации полиции»². Сейчас глав полицейских сил в субъектах Российской Федерации назначает на должность лично Президент России, а начальники рангом поменьше, вплоть до начальников РУВД, ставятся опять-таки из Москвы, при-

1 Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 7. — Ст. 900.

2 Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 10. — Ст. 1336.

казом министра внутренних дел Российской Федерации. **Не только органы местного самоуправления, но и органы государственной власти субъектов Российской Федерации лишены возможности определить численность правоохранителей на своей территории, уволить ведомых им лихоимцев в погонах.**

Сверхцентрализация полиции (не говоря об органах государственной безопасности) противоречит конституционной природе государственного устройства России, которая объявлена федеративным правовым государством (ч. 1 ст. 1 Конституции Российской Федерации), но организация ее правовой, судебной и правоохранительной систем свойственна государству унитарному. Между тем нетерпимость такого положения стала понятна еще в 1993 г., сразу же после одобрения всенародным голосованием новой Конституции Российской Федерации. В Указе Президента России от 21 декабря 1993 г. № 2233 подчеркивается: «Система органов ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-КГБ-МБ оказалась нерепформируемой. ...Система политического сыска законсервирована и легко может быть воссоздана. ...Существующая система обеспечения безопасности Российской Федерации изжила себя, неэффективна, обременительна для государственного бюджета, является сдерживающим фактором проведения политических и экономических реформ»¹.

Полиция и другие правоохранительные органы России зависят от федерального центра, но не от местного населения. Вполне логично, что последнее воспринимается правоохранителями не как объект защиты, а как питательная среда для прокормления себя, своих близких, своих начальников. Поэтому (а еще и в силу формальных критериев оценки работы органов правопорядка²) полиция: ежедневно выходит на охоту за действительными или вымышленными правонарушениями; захватывает чужой бизнес или способствует рейдерству; берет частные подряды на применение государственной власти в интересах конкретных лиц, например на слежку за конкурентами, выколачивание долгов, наказание неугодных; фабрикует уголовные дела на одних, закрывает глаза на преступления других лиц.

Неверно было бы думать, что проблемой отечественных правоохранительных органов являются злоупотребления и продажность некоторых должностных лиц, взяточников и «оборотней». Речь должна идти о **перерождении системы правоохранительных органов, открывших особый паразитический способ присвоения общественного продукта, который можно было бы назвать «опричным способом производства»**³. Естественными жертвами такого способа производства высту-

1 Указ Президента Российской Федерации от 21 декабря 1993 г. № 2233 «Об упразднении Министерства безопасности Российской Федерации и создании федеральной службы контрразведки Российской Федерации».

2 См.: Приказ министра внутренних дел Российской Федерации от 19 января 2010 г. № 25 «Вопросы оценки деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, отдельных подразделений криминальной милиции, милиции общественной безопасности и органов предварительного расследования».

3 По аналогии с известным в политэкономии «азиатским способом производства».

пают те, на ком можно пожить, у кого можно отнять «излишки» прибавочного продукта, то есть успешные предприниматели и «оргуправленцы».

Наконец, нельзя обойти вниманием проблемы общества с судами. **Судебная власть как самостоятельная влиятельная сила, выступающая одной из ветвей системы сдержек и противовесов в государстве, устроенном по канонам теории разделения властей, в России отсутствует.** Судебная власть локализуется у нас за рамками судебной системы. Суды продолжают оставаться придатками правоохранительных органов, с которыми действуют согласованно, как близкие звенья одной технологической цепочки. Судьи боятся оправдывать, чтобы не прослыть взяточниками и не быть исторгнутыми из системы с формулировкой «странная мягкость принимаемых решений»¹.

В порыве откровенности некоторые высокопоставленные чиновники судебной системы проговариваются, что придают особое значение подготовленным полицией доказательствам; такие материалы, вопреки требованиям закона, фактически имеют для судей, как в Средние века, заранее установленную силу. «Если в суд представлен только составленный протокол, — откровенничает председатель Московского городского суда О.Егорова, — то мы верим документу. Когда слово милиционера против слова водителя, мы верим милиционеру»². Уполномоченный по правам человека В. Лукин вынужден был выступить в правительственной газете со специальным заявлением, в котором обрисовал безрадостную ситуацию: есть судебные процедуры, которых «не коснулись общие преобразования, вызванные судебной реформой»; есть конституционные принципы правосудия, которые так и не затронули «менталитета значительных сегментов судейского корпуса»³. Иными словами, деятельность большого количества судей противоправна, основана на архаичном понимании, направляется председателями судов в соответствии с их неконституционными представлениями.

Смычка судей с правоохранителями порождает изумительные технологии «басманного» правосудия, которым позавидовал бы сам Шемяка. Так, Верховный Суд запретил судьям при рассмотрении ходатайств об аресте «входить в обсуждение вопроса о виновности лица в инкриминируемом ему преступлении»⁴. Важнейший вопрос об обоснованности обвинения (подозрения) сознательно

1 Прочитирован пассаж из решения квалификационной коллегии судей гор. Москвы от 8 декабря 2004 года, которым были прекращены полномочия судьи Дорогомилковского районного суда гор. Москвы М.

2 Куликов В. Свобода по расчету // Российская газета. — 2009. — 26 авг.

3 Заявление Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Российская газета. — 2009. — 21 окт.

4 О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 марта 2004 г. № 1. Пункт 4 // Российская газета. — 2004. — 25 марта. Затем это разъяснение было изъято из постановления Пленума от 5 марта 2004 г. и перекочевало в пункт 19 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 октября 2009 г. № 22 «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста» (См.: Российская газета. — 2009. — 11 ноября).

оставляется за рамками российского правосудия¹. «Доводы кассационных жалоб обвиняемых об отсутствии доказательств, подтверждающих их вину в совершении преступлений, а также о наличии у них алиби, не могут быть предметом рассмотрения в суде кассационной инстанции при проверке законности и обоснованности постановления судьи о продлении им срока содержания под стражей...» – говорится в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда от 27 декабря 2005 года. С 1 мая 2011 года законность продления сроков содержания под стражей Верховный Суд не проверяет. Но от этого нетерпимое положение не только не изменится, но усугубится. Ведь теперь решение вопроса о заключении под стражу, а также проверка в апелляционном и кассационном порядках законности и обоснованности данного постановления судьи сосредоточены в одном и том же судебном органе – судебных коллегиях по уголовным делам областных (краевых) и к ним приравненных судов. Невольно вспоминается безнадежная, но меткая русская поговорка: «Рука руку моет».

Никого не удивляет, когда, выслушав речи сторон и последнее слово подсудимого, судья перед удалением в совещательную комнату «говорит о том, что обвинительный приговор будет зачитываться 30 ноября... и объявляет судебное заседание закрытым»². Даже защитники-адвокаты, очевидно, не верят, что суд может (хотя бы теоретически) постановить и оправдательный приговор, а потому не заявляют отвод председательствующему, показавшему свою не-objectивность.

Суды, таким образом, не защищают граждан от злоупотреблений властью, но подбирают доводы (мотивировки) для обоснования требуемой для них кары.

---

1 «Содержание под стражей лиц, ожидающих судебного разбирательства, не должно быть общим правилом...» (п. 3 ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах). «Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом: ... законное задержание или заключение под стражу лица с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения...» (подп. «с» п. 1 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод).

2 Независимый мониторинг судебных процессов. – М.: РИА «Перспектива», 2007. – С. 214.

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ СЕКРЕТНЫЙ ВИРУС «ФСБ»

*Материал Леонида Никитинского
(Новая газета. 2011. № 17)*

Завершается «бактериологическая» война ФСБ с главой поселка Кольцово Новосибирской области. Мэр устоял, но научный центр вирусологии «Вектор» потерял почти всю свою живую силу.

Глава поселка Кольцово Николай Красников — поэт, легкоатлет и альпинист — под подпиской о невыезде бегаёт по утрам по своему наукограду в красных трусах: аборигены шутят, что, кроме этих трусов, у него ничего и нет. Это преувеличение, но за 20 лет на посту главы администрации Красников, правда, ничего особенного не нашёл. В поселке на 10 тыс. жителей это знают все, а ФСБ убедилась в этом при обысках, не найдя ничего интересного, кроме портрета Высоцкого с сигаретой на том месте, где в кабинете у чиновников обычно висит президент. Поэтому, когда осенью 2009 года ведущий телепередачи «Дежурная часть» под кадры обыска в Кольцове рассказал из Москвы, какой Красников взяточник и казнокрад, наутро окна машин открывались навстречу бегущему и люди выкрикивали: «Николай Григорьевич! Не волнуйтесь, мы им не верим!»

Под грузом трех уголовных дел в марте 2010 года он получил на выборах 86 процентов голосов: а если бы не грязная пиар-кампания против мэра, то было бы, конечно, поменьше. Уголовные же дела пока потихоньку движутся в суд.

1. Масштабы для эпидемии

Прежде чем рассказывать об обвинениях против Красникова, надо понять, что такое Кольцово. Его история началась в 1974 году, когда генетика перестала быть «продажной девкой империализма» и в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совмина СССР о развитии биотехнологии в чистом поле в тридцати километрах от Академгородка появились академик Лев Сандахчиев со товарищи. В той группе людей, состоявшей из плеяды маститых ученых и соблазненной ими молодежи, был и стажер-математик Николай Красников.

Николай Красников

В Кольцове я разговорился с одним веселым усатым человеком, который еще в те далекие времена защитил диссертацию про одну такую бяку вроде гриппа: она стопроцентно укладывала бы в постель живую силу вероятного противника дней на пять, а после этого почти все бы и выздоровели. Но чтобы завоевать какую-нибудь среднюю страну, больше ведь и не надо, если для своих есть антидот. Этот вирус еще один из самых безобидных. Не так давно у одного лаборанта под рукой дернулась мышка, он промахнулся и иглой шприца проколол перчатку, а через несколько дней умер. Уже было международное сотрудничество, но и весь мир не смог его спасти: антидот как раз еще только разрабатывался. А всего за время работы научного центра «Вектор» таких случаев было четыре.

В буквальном переводе «антидот» — это «даваемое против». Но что именно они там делали(ют), есть ли это «даваемое против» или наоборот, никто твердо сказать не может: одно без другого не бывает. Рассуждая философски, а именно и только так нам нужно осмыслить историю Кольцова и «Вектора», в борьбе добра со злом не в каждый момент ясно эмпирически, что из них где.

Пока мы просто уясняем, что это не шутки. Поэтому тут оправданы особый режим и секретность, этим ведают спецслужбы, которые в изобилии были тут всегда. Это необходимо с одной стороны, но сторон несколько, и в Кольцове их делят по заборам: есть самый непроницаемый забор — и за ним собственно «Вектор»; есть забор пониже, там сидят выделившиеся в девяностых «дочки» «Вектора»; есть, наконец, муниципальное образование «Кольцово», где ученые люди из-за заборов не делают свои вирусы, но живут, и не только друг с другом. Это тоже довольно условно и подвижно, и не всегда понятно, где кончается власть ФСБ и начинается муниципальная, и наоборот. А гриф секретности вокруг страшных вирусов может и сам превращаться в оружие не только обороны, но и нападения и даже рейдерства.

2. Взросление как предыстория болезни

Идея модернизации, называемая разными словами, появлялась в российской истории и за много веков до того, как это слово сделал актуальным президент Медведев. Под постановление ЦК и Совмина 1974 года в Кольцове были брошены все потребные ресурсы: от невиданного импортного оборудования для лабораторий до стройбата. В 1980 году, кроме очень приличных по тем временам жилых домов, был построен и запущен первый лабораторный корпус Института молекулярной биологии (будущего «Вектора»), а в 1986-м тут работало около 4000 человек. Доктора, кандидаты и аспиранты из Академгородка и со всего СССР поехали в Кольцово на повышенные зарплаты, в новые квартиры, но прежде всего за теми уникальными научными результатами, которые могли быть достигнуты только здесь.

Сердцем этого, как сказали бы нынче, венчурного предприятия был академик Лев Сандахчиев, выдающийся генетик, да и просто, по рассказам, порядочный и не чванливый человек. А молодой специалист Красников стал освобожденным секретарем комитета ВЛКСМ, затем академик двинул его в начальники кадровой службы «Вектора», а начиная с 1990-го, когда появились первые идеи местного самоуправления, рекомендовал на должность главы поселка. Красников еще не раз появится в этом очерке, но мы пока вернемся к непростой истории Кольцова.

Модернизация еще не успела дать готовые к употреблению плоды, когда к середине 90-х бывший оборонный комплекс рухнул. Академик собрал докторов и кандидатов, а также и лаборантов, которые стоили иных докторов, и сказал: «Я бы вас ни за что не отпустил, если бы мог прокормить, но прокормить пока не могу». В начале девяностых биологам разрешили публиковать научные труды и выезжать на конференции, и выяснилось, что в сфере биотехнологии кольцовцы шли впереди коллег из США в то время года на два. Каждый, кто собирался на работу куда-нибудь в Канаду, академик благословлял лично, ожидая домой, «когда тут будет можно работать». Так уехали человек полтора или больше. Приезжая в отпуск, они везли оставшимся чемоданы всяких примочек, но вернулись пока человек пять или шесть. С последующими волнами уехали еще многие десятки новых, так как обещание академика сделать так, чтобы «можно работать» (и жить — добавим мы от себя), как-то очень сбывалось.

Сандахчиев делал то, что от него зависело: не мог дать денег — давал разумную свободу. Под идею конверсии на «Вектор» пошли зарубежные гранты, их доля одно время составляла в структуре финансирования центра до трети. Конечно, тут были сложности с секретностью. С ней всегда непросто, потому что идея у ученого в голове и с точки зрения секретности колючая проволока лучше всего. А если не так, то надо создать условия, а если условий нет, то извините.

Многие ученые уехали поближе — между строгим и менее строгим забором, где в ставших ненужными «Вектору» корпусах завелись его «дочки». Развалившейся стране стало не под силу тянуть локомотив оборонки, но, когда его болезненно отцепили, выяснилось, что ученые могут придумать и много чего еще. Например, тот веселый усач, который защитил диссертацию про пятидневную лихорадку, стал делать иммуноглобулин против клещевого энцефалита, и он разлетался в Сибири как горячие пирожки. При мне доктор посчитал, что если сейчас каждый пятый клещ заразен, то, выпустив 300 тысяч доз, они спасли до 60 тысяч укушенных.

Лучше всего пошли тесты для диагностики: начав еще в 1988-м со СПИДа, на сегодняшний день одна из «дочек» «Вектора» выпускает 300 наименований тестов для здравоохранения. Другая «дочка» делает уникальные препараты, по-

могающие естественному иммунитету бороться даже с той болезнью, которая не определена, хорошо пошла и косметика. Но в 2002-м вышел закон о запрете «дочек», вместе с коррупционными цепочками. Закон, как вирус, перемолол все клетки без разбору: «дочки» были преобразованы в акционерные компании, а «Вектору» стали платить, не считая аренды, роялти по патентам на открытия (по сути, своим же).

Накануне последней, наиболее разрушительной болезни, которую мы опишем через одну главу, структура бюджета Государственного научного центра «Вектор» состояла примерно поровну из государственного финансирования, из грантов и из отчислений «дочек». В 2004-м выбить из бюджета больше академик уже не мог, иностранные гранты пошли на убыль, и только «дочки» плоносили все обильнее. Конечно, и при академике были с ними споры по деньгам, возникающие всюду, где эти деньги заводятся, но это был, во всяком случае, единый организм, и все члены его именно так себя и чувствовали. Все друг к другу ходили на праздники и просто так, ни для кого из этой семьи заборы и шлюзы не были препятствием, и так это все было живо, пока был жив академик Сандахчиев.

3. Марафонский забег мэра

С главами администраций (вследствие массового возбуждения против них уголовных дел) мне в последнее время приходится общаться часто. Среди них Николай Красников уникален прежде всего длительностью пребывания на посту: выиграть выборы четыре раза подряд легче губернатору, чем мэру небольшого городка. А тот редкий факт, что этот мэр никогда и ни с какой стороны не был замечен в контактах с «братками», объяснить можно, наверное, и уникальностью Кольцова: откуда тут взяться бандитам, если только их не спустят «по вертикали власти»? Поэт и бегун, Красников притом человек системный: ВЛКСМ, КПСС, «Выбор России», «Единая Россия» — никакое членство его, пожалуй, никогда и не окрашивало политически, если позволялось эффективно пахать.

Математик и системщик, Красников старался идти не по пути латания дыр, хотя и без этого тут нельзя, а улучшая условия функционирования. Еще в 90-х он первым в области взял на баланс социалку «Вектора», которая и составляла тогда, собственно, весь поселок, одновременно он добивался и добился отдельной строки для Кольцова в бюджете Новосибирского района, а затем и области. На зависть соседям поселок стал получать миллионы в виде значительной части налогов, которые начали платить повзрослевшие «дочки» «Вектора». И не «Вектор» покрывал из госбюджета долги поселка, а поселок из своих средств в трудные времена покрывал долги «Вектора». Красников ездил в Москву, стоял у истоков «союза наукоградов», стал одним из авторов закона о них и получил вождеденный статус для Кольцова четвертым после Обнинска, Королева

и Дубны в 2003 году. Получилось все не так скоро, как часто обещает Жириновский, но зато и сработало не вхолостую, что особенно видно теперь.

В разоренной районной России Кольцово выглядит просто как игрушка. Сюда проведена отличная дорога от Академгородка, содержатся в порядке прежние дома и построен большой новый жилой микрорайон (следующий на очереди), квартиры покупают жители не только всей Сибири, но и Академгородка, где условия считались до сих пор самыми тепличными. Тут играют в футбол на новом современном стадионе, катаются по горнолыжной трассе с достроенной из строительного мусора горы, плавают в новых озерах, тут растут рождаемость, население и его доходы: одни только «дочки» дают очень прилично оплачиваемую работу более чем тысяче человек. Следующим проектом должен стать «биотехнопарк» — зона, где смогут получить льготную аренду и землю для застройки небольшие инновационные компании по принципу «старт-ап», а также крупные «якорные» компании в сфере биотехнологии.

Член команды первых переселенцев, Красников хорошо усвоил уроки первой модернизации: чтобы она случилась, должны быть способные на это люди, а эти люди штучно поедут туда или осядут там, где им будет комфортно и чисто, где не будет хамства, которое не всегда выносят ученые умы. Это же касается, кстати, и всей России, но всю ее такой так же быстро не сделаешь.

Вот теперь, наверное, придется и об уголовных делах, хотя писать о них (за чем я сначала и приехал) невыносимо скучно. В апреле 2009 года на недостроенную электрическую подстанцию пришла проверка финансового контроля, а после этого с Павлом Корчагиным, директором ООО «Проспект», которое ее строило, поговорил один из кураторов Кольцова по линии ФСБ Михаил Наров. Он не один и не два раза просил директора «поменять политическую ориентацию», убеждая в том, что «Красников все равно будет сидеть», но Корчагин до поры никому об этом не рассказывал. Поскольку «ориентацию» он тоже не менял, его провоцировали на взятку, но строитель (он тоже приехал сюда в чисто поле 35 лет назад) не клюнул.

Суть претензий, предъявляемых сейчас по первому делу именно к мэру, а не к строителям, состоит в том, что в апреле 2009-го проверка на подстанции выявила: кабель стоимостью 8 млн рублей не был уложен, хотя был приобретен, а работа была оплачена вперед. Если учесть, что «Проспект», вообще-то, построил тут все, во всяком случае, из того, что построено хорошо и быстро, подозревать его в каких-то копеечных откатах нелепо. На самом деле из непрерывной цепочки строительства был выдернут один переходящий объект, одна рядовая операция, в отрыве от других выглядевшая как обыденное финансовое нарушение.

Корчагин, имевший большой опыт таких проверок, все объяснил, но в ноябре с ордером на обыск пришли прямо на сессию поселкового совета. Обыски прошли в кабинетах («апартаментах», как назовут это потом по телевизору), а также дома у Красникова. Вот тогда Павел Корчагин встал и рассказал

прямо на сессии, как ФСБ понуждала его «менять политическую ориентацию». Это еще будет иметь большие последствия для ФСБ, но о них позже.

Губернатор Новосибирской области (сейчас уже полпред президента) Виктор Толоконский, приехав почти сразу же в Кольцово, во всеуслышание объявил, что у него нет причин сомневаться в порядочности Красникова, чем, возможно, спас его от СИЗО. Но против Красникова (а может, и против Толоконского) работала какая-то сила выше областной досягаемости, и это было только начало.

Когда прямо накануне Нового года пришла повестка о втором уголовном деле, стало понятно, что серия затевается под выборы мэра и депутатов поселкового совета в марте 2010-го. Предметом стал многоквартирный дом, который не успел достроить «Вектор», связавшись с каким-то своим подрядчиком, не с ООО «Перспект». Вроде, давая в 2005-м разрешение на строительство, мэр распорядился федеральной, а не муниципальной землей. Однако в 2005-м, до формального разграничения, участок находился в ведении местной власти, а федеральным его перерегистрировал обратно «Вектор» лишь в 2007 году. Корыстной заинтересованности мэра, как, впрочем, и потерпевших, здесь не видно. Дольщики пишут жалобы вовсе не на Красникова, а на следствие: из-за него они не могут въехать в практически готовый дом.

Третье дело, возбужденное под самые выборы, касается льготного кредита, выданного по Программе развития наукограда из бюджета поселка одной из «дочек» «Вектора»: прежние кредиты (как и другие такие же другим «дочкам») исправно возвращались, оплодотворяя бюджет еще и ростом налогов, а этот не вернулся. Налицо и решение арбитражного суда, подтверждающее долг и штрафные санкции, но мэр не считал целесообразным доводить эту «дочку» (все же не чужая) до банкротства. Эта история постоянно обсуждалась на совете поселка, и стало понятно, что среди пятнадцати его членов у тех, кто инициировал уголовные дела, были информаторы.

Сейчас, знакомясь с материалами дела, Красников находит там много забавных вещей. Это совершенно пустые прослушки телефонов и кабинета (а Наров и пугал, что их обложили и прослушивают), а также ходатайство на установку прослушек, где следователь сообщает судье, что мэр «подозревается в совершении действий, предусмотренных ст. 275 УК РФ, в интересах ФБР министерства юстиции США». Правда, в официально предъявляемое обвинение эта статья («Измена Родине») по какой-то причине не попала.

Содержание уголовных дел выплеснулось в СМИ, о нем подробно рассказал в виде близкого к тексту изложения и частушек лидер ЛДПР в Кольцове и конкурент Красникова на выборах Игорь Шадуру. Избиратели ответили 60-процентной явкой и 86-процентным, как в Башкирии, голосованием за Красникова. Но и это не самая интересная история на выборах в Кольцове в марте 2010-го.

4. Противочумная болезнь

В логике судьбы поселка и мэра мы пронесли над важной развилкой, оставив «Вектор» в том состоянии, когда градообразующий институт и поселок были еще связаны одной пуповиной. Однако эта связь была уже насильственно разорвана.

Последние годы академика Сандахчиева были незаслуженно печальны. Его детище оказалось никому не нужно. Гигантское и страшное при прежней власти объединение «Биопрепарат» само превратилось в паразита. В Минздраве сидел Зурабов, а Сибирское отделение Академии наук было готово взять их под крыло, но денег не обещало. В период этих метаний академику на мобильный телефон (есть свидетели этого разговора) позвонил сам Геннадий Онищенко — главный санитарный врач России и предложил заманчивые условия: о деньгах, во всяком случае, ученым ломать головы теперь не придется.

Сандахчиев капитулировал и просил назначить директором центра своего зама, членкора с мировым именем Сергея Нетесова. Но Онищенко сказал, что тут нужен «человек со стороны, чтобы обновить центр». Пожалуй, там было что обновлять, отношения с «дочками» и вообще с «отшельниками» были запутанны, но «человеку со стороны» было трудно вписаться в этот коллектив очень умных, но не самых простых по характеру людей. Да еще этим человеком стал заместитель директора Саратовского противочумного института — хотя и самого продвинутого в их сети, но, говоря между учеными, это ведь чуть выше санэпидстанций, это не наука в том понимании, к которому они привыкли в Кольцове.

Отсюда и до конца главы последует сложная психологическая сага, которую легче писать литературно, чем в газете. У меня не было возможности встретиться с тем директором, который уже уволился и уехал, и фамилию его я, пожалуй, не буду называть. Пусть будет просто «новый директор» или иногда «противочумный директор» для яркости. Мои собеседники в Кольцове, которые работали с ним на «Векторе», дают совершенно гротескные детали, но ясно, что они его ненавидят, приуменьшая собственную долю вины, а главная их вина — снобизм, хотя здесь и небезосновательный.

Итак, новый противочумный директор, любивший называть себя «менеджером всероссийского масштаба», но имевший до переезда в Кольцово только девять как бы научных публикаций, обижался, если ученые не брали его в соавторы, а выступая на международных конференциях, забывали поблагодарить его, ну и, конечно, Геннадия Онищенко. Одна немолодая профессор просила поставить к очень хорошему новому электронному микроскопу, рядом с которым всегда жара под сорок, еще и кондиционер, так директор ее

только что не обматерил: перебьетесь. Ну, она и уволилась, и всего так ушли девять докторов, три десятка кандидатов, а лаборантов не считано, их всех с распостертыми объятиями взяли в университет и в разные институты в соседнем Академгородке.

Академик Сандахчиев умер в 2006-м после возбуждения против него ряда уголовных дел, не встретивших понимания в Кольцове. На «Векторе», может, и было что распутывать, но противочумный директор в отношениях с «дочками» сразу встал в позицию силы, увеличил с 3 до 7 процентов роялти там, где у них были патенты, а там, где их не было, «дочки» его просто послали, так как давно уже встали на ноги. Против самой эффективной из них, сравнимой с самим «Вектором» по численности, директор стал передвигать забор, чтобы, как он сам декларировал, «проучить», но не успел: с этим забором вообще выйдет большое недоразумение.

Что-то, о чем говорят по-разному, случилось с новым директором в конце 2008 года: те немногие, кто мог проникнуть к нему в кабинет, видели его там зеленым, он говорил, что подал заявление об увольнении, но Онищенко его не подписывает. Однако директор поправился и уволил всех замов, а на их место, в первую очередь по капиталоемким направлениям, по финансам и капремонту, пришли люди не из Кольцова, с биографиями отнюдь не научными и вообще не вполне прозрачными. По свидетельству ученых, важную роль при директоре стал играть замначальника «отдела стратегического планирования» Александр Зырянов, вроде бы имевший до этого какой-то бизнес в Томске и тесно друживший с Михаилом Наровым из ФСБ (это тот, который вербовал ООО «Проспект»). Из уже забытых времен социализма на «Вектор» вернулось удивительное слово «освоить». Ученые понимали, как можно освоить, например, английский язык, но речь шла именно о деньгах, а как применительно к ним «освоить» — этого они не понимали. Ну, им и не надо.

Нельзя сказать, чтобы на «Векторе» за вторым и строгим забором совсем уж не осталось ученых, но это были уже не бойцы, а разгоревшаяся шпиономания вообще превратила их в людей почти бессловесных. Я познакомился там с милым ученым, который главный в РФ по гриппу. Он просто не успевал следить, что происходит вокруг: летом он еще может вздохнуть, а с осени до весны ему беспрерывно шлют из разных мест разные вирусы гриппа, и он только успева-ет отписывать, свиной это, или птичий, или еще какой. Грипп — это твердый хлеб, он всегда есть, хотя, по его же свидетельству, в России грипп любят и попиарить, чтобы сшибить деньгу, да и добавить весу Роспотребнадзору.

Больше всего оставшиеся ученые боялись теперь ошибиться не в своих жутких вирусах, а в отчестве директора, которое следовало писать и стараться про-износить строго как «Геннадиевич», ни в коем случае не «Геннадьевич». Потому что еще и обсуждался проект нарядить их в малиновые мундиры от Роспотребнадзора, чего бы уже ни сами ученые, ни их вирусы не перенесли.

Заканчивая главу, приходится признать, что все это очень субъективно, но есть и объективные достижения, свидетельствующие, что, может быть, ни одна прежняя болезнь не нанесла в Кольцове такого ущерба, как эта. Тех, кто прежде поглядывал назад, теперь уж не заманишь, как бы ни старался поэт Красников. Модернизация — довольно тонкая вещь, а ученые, склонные к ней, бывают привередливы. Ну вот это так, и во всем мире это знают, кроме как в ведомстве Геннадия Онищенко, еще там в одном.

5. Деньги на «Вектор»

После перехода «Вектора» в ведение Роспотребнадзора деньги сюда в самом деле потекли рекой, но не на зарплаты ученым, а в основном на капитальный ремонт корпусов. Ну и, наверное, на оклады новым замам, но деньги в чужих карманах воспитанные в старых традициях ученые не хотели считать, они просто задавали наивный вопрос (изнутри и снаружи забора): стоит ли реконструировать корпуса, если там все равно уже некому больше работать?

Строители же разного ранга, участвовавшие в этих капитальных ремонтах на «Векторе», по старой дружбе заходили к директору ООО «Проспект» Корчагину и рассказывали самые удивительные вещи. Они и сметы приносили, и фотографии, и у меня они тоже есть, но они скучноватые: просто развороченные корпуса, больше ничего. Ах да, еще даты, свидетельствующие, что прошло уже много месяцев с тех пор, как вот этот корпус типа «полностью сдан».

Самим там было уже не подойти: все тендеры организовывались так, что их выигрывала исключительно фирма из Томска, проектную документацию по самым закрытым объектам делало малоизвестное местным строителям ИЧП «Мастерская «Козлов». Но Корчагин (может быть, даже и по принципу «ворон ворону глаз не выклюет») просил его в эти дела на «Векторе» не впутывать, тем более что там страшная секретность и все такое.

Но так было, пока куратор Наров не начал убеждать Корчагина слить мэра и «поменять политическую ориентацию» со ссылкой на 8 млн рублей, которые они якобы как-то не так «освоили» на подстанции. Вот тут Павка Корчагин на глазах у всего Кольцова приблизился к литературному образу, известному всякому, кто еще учился в советской школе, и сказал: «Что?! Восемь миллионов? Да у вас же их там восемьсот!» Друзья-строители быстро принесли ему все, чего он раньше и видеть не хотел, и Корчагин сразу навскидку написал пять или шесть экспертиз. А так как он и в Кольцове, и в строительстве знает все, эти его заметки заслуживают полного доверия, и их уже внимательно читали в разных местах и в самой Москве.

Из того, что он мне рассказал и показал, самое секретное — подряд от ноября 2009 года на 246 млн рублей на «Усиление антитеррористической защи-

шенности ФГУП ГНЦ «Вектор». Самое дорогое там, конечно, аппаратура, электроника, но ее надо куда-то вешать, и это «куда-то» есть забор. С контрразведкой на «Векторе» у них тоже все в порядке, но строительство (ремонт) забора должно наблюдаться и снаружи визуально. Наряды по «усилению» закрыты и деньги получены (известны даже даты проводок через казначейство), но где забор, знает только ФСБ.

6. Кольцовский антидот

Одно из уголовных дел, с помощью которых уморили академика Сандахчиева в 2006-м, было связано с «хищением» оборудования на «Векторе» в створе с одной из «дочек» — «Вектор-медика». На самом деле договор купли-продажи этой линии, который был заключен еще в 90-х, содержал ограничения, которые делали его, по сути, договором аренды. Оборудование всю жизнь простояло и стоит за забором в одном из корпусов «Вектора», «дочка» к тому времени купила за свой счет и даже установила там же новую итальянскую линию. Дело закрыто только что, в декабре 2010-го, но годом раньше, в конце 2009-го, мэр Красников предложил директору «Вектор-медика» Елене Гутовой баллотироваться в поселковый совет Кольцова.

Гутова стала советоваться с мужем, который остался работать на «Векторе», и с учредителем «Вектор-медика», который еще в 2005-м на всякий случай уехал куда-то за рубеж. Оба сказали: «Какой разговор? Надо спасти Кольцова!» На каждый мандат в совете должно было быть не менее двух кандидатов, поэтому в отсутствие соперников Гутовой даже пришлось привлечь технического кандидата.

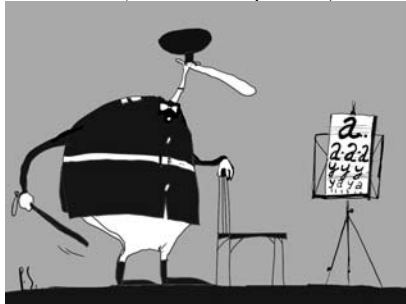
В феврале 2011-го, когда до выборов оставался уже месяц, Гутову пригласил Александр Зырянов (замначальника «отдела стратегического планирования» на «Векторе», на чью особую роль тут указывают многие) и предложил включить ее в их альтернативный список кандидатов. Обстоятельства аренды были таковы, что сказать Зырянову твердое «нет» Гутова не смогла. Она участвовала в совещаниях и во встречах с «имиджмейкером» этой команды «Вектора», куда были включены в том числе несколько нездешних «замов» по финансам, капремонту и т.д. (при этом сам Зырянов предпочитал оставаться в тени). Решительное «да» она тоже не успела сказать, но за неделю до выборов в Кольцове была распространена газета команды «Вектора», где портрет Гутовой красовался рядом с портретами этих «замов». Она бросилась сама и с помощью детей собирать эту газету по почтовым ящикам, но было поздно.

Ареной главного сражения двух сил — ученых из Кольцова и кого-то еще — стали именно выборы поселкового совета. Конкурент Красникова на выборах мэра от ЛДПР как бы пролетел мимо на дельтаплане (он дельтапланерист), успев только по пути выбросить в СМИ материалы уголовных дел. Но ни один

кандидат из списка «Вектора» ни одного мандата в Кольцове не получил. Гутову, например, у которой до встречи с Зыряновым были самые твердые шансы, обошел технический кандидат (работающий, кстати, в «Перспекте»). Но объяснять людям, как и почему она попала в эту компанию, Елене Гutowой приходится до сих пор.

Три уголовных дела против Красникова продолжают по инерции двигаться к суду, и нет гарантии, что ему что-нибудь не присудят условно. Комментировать же судьбу уголовного дела, которое, по идее, надо бы возбуждать по припискам при реконструкциях на «Векторе», уже выявленным проверками, нам никто не стал: очень секретно. Противочумный директор уволился и уехал, его замы тоже все вот только что сгинули — в Кольцове их уже не найти. Зырянову я смог оставить в Новосибирске лишь просьбу связаться со мной по его домашнему телефону, но он на нее никак не отреагировал. Удалось зато дозвониться до Михаила Нарова, но тот отказался встречаться со мной без санкции управления ФСБ. Начальнику УФСБ за подписью главного редактора «Новой» был направлен факс, и поздно вечером перед самым отлетом со мной встретился один представитель этой конторы. Внимательно выслушав все, что я ему рассказал и что должно быть им и так хорошо известно, он отказался прокомментировать тем не менее курсирующие в Кольцове слухи о том, что Наров отчислен из штата ФСБ и возвращается к себе в психиатрию (прежде чем стать «куратором» в Кольцове, он был в Новосибирске директором филиала Томского психиатрического института). Видимо, и эти сведения тоже очень секретны. Жаль, нельзя закончить эту заметку победно: новое руководство УФСБ во всем разобралось...

Люди, которые были способны произвести такое опустошение в науке (а уход специалиста из Кольцова часто означает закрытие целого направления), сами чаще всего безлики. Будем считать, что это был какой-то неопознанный вирус: ниоткуда прилетел, никуда и улетел. Но в Кольцове против него нашелся антитод, который отнюдь не секретный: это открытость и внятность ответственности. Может ли это средство оказаться универсальным и будет ли оно работать в других местах, где не так высока концентрация людей с высшим образованием и интернетом, этого пока еще новосибирские ученые не могут предсказать.

СЛАБОЕ МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ – ПИТАТЕЛЬНАЯ СРЕДА ДЛЯ ПРОИЗВОЛА

*Л.Г. Рагозина,
к.и.н., главный специалист,
руководитель проектов направления
«Муниципальное экономическое развитие»
Института экономики города*

В конце 90-х – начале нулевых годов политическая конъюнктура России складывалась под влиянием федеральной политики, направленной на снижение центробежных тенденций в регионах. Эта политика опиралась на создание жесткого каркаса финансовой зависимости субъектов РФ от федеральной власти и закрывание глаз на некоторые финансовые «шалости» губернаторов, чтобы держать их «на крючке». Кроме того, на федеральную политику повлияли успехи государственных силовых структур, переломивших противостояние с организованной преступностью в свою пользу.

Все это привело к некоторой стабилизации ситуации в стране и росту общественной поддержки органов власти всех уровней со стороны населения. Население спокойно восприняло даже фактическое наступление на свои права, в том числе изменение модели всеобщих выборов глав субъектов РФ на модель назначения президентом, считая это некоторой общественной уступкой установившемуся порядку. Вместе с тем уже с середины нулевых годов эксперты и средства массовой информации выражают тревогу по поводу усиления властной государственной вертикали.

Например, де-юре органы местного самоуправления в Российской Федерации обладают определенной самостоятельностью, гарантированной Конституцией РФ, однако в отношении глав муниципальных образований губернаторы используют те же инструменты политической и экономической манипуляции, что и в отношении их самих использует федеральная власть. Силовые структуры принимают в этом непосредственное участие. Свидетельством этому растущее число неправомερных действий силовых структур в отношении органов местного самоуправления.

Несмотря на то, что чиновники, отвечающие за развитие местного самоуправления в стране, оценивают результаты реформы местного само-

управления (МСУ) 2003 г. в целом позитивно, а институт МСУ – состоявшимся, эксперты, работающие в области муниципального права и практики местного самоуправления, напротив, дают негативные оценки последней реформы МСУ, считая, что в результате ее реализации мы не только не укрепили данный институт, **мы получили слабое самоуправление** и фактически потеряли даже то, что было достигнуто в результате предыдущих реформ 1993–1995 годов.

Слабость МСУ делает его «разменной картой», «объектом манипуляции», «мальчиком для битья», источником наживы (в зависимости от того, кто и какие интересы преследует на муниципальном уровне), то есть всем чем угодно, но только не субъектом самостоятельной экономической политики. В то же время, когда это выгодно государству, органы местного самоуправления провозглашаются властью, отражающей интересы населения, хотя в большинстве случаев это уже далеко не так, поскольку реформа местного самоуправления привела не только к огосударствлению местного самоуправления, но и к его обюрокративанию, что пагубным образом сказалось на взаимоотношениях органов МСУ и населения.

В подтверждение высказанных тезисов о политической и экономической слабости местного самоуправления и его разрыве с населением можно привести ряд аргументов.

Политическая слабость местного самоуправления

Идеологическим посылом последней реформы МСУ (по закону 2003 г.) являлась **необходимость обеспечения всему населению страны гарантий самоуправления, а также самостоятельного и под свою ответственность решения местных вопросов**, но модель самоуправления в концепции Федерального закона №131-ФЗ сразу строилась в интересах закрепления организационно-бюрократических форм управления в ущерб самоуправлению (отсюда преобладание в законе императивных норм организации МСУ). Учитывая, что реформа местного самоуправления осуществлялась на фоне борьбы федеральных и региональных элит за влияние, на первом этапе мэрам крупных городов при поддержке экспертного сообщества удавалось отбивать прямые «наезды» региональной власти и ее законодательные инициативы. После того как федеральным бизнес-элитам удалось «договориться» с региональными о разделе интересов и сфер влияния, бизнес-элиты крупных городов (соответственно, мэры) потеряли актуальность для федеральных чиновников, борьба за интересы МСУ для муниципалов стала неравной.

Политическая слабость местного самоуправления выражается в том, что государство уже не рассматривает МСУ в качестве равноправного партнера при решении вопросов развития территорий.

Например, в государственных стратегических документах, таких как Концепция долгосрочного развития России (до 2020 г.)¹ субъектами реализации названы органы государственной власти, бизнес и общественные институты. В отличие от бизнеса и общественных институтов органы местного самоуправления напрямую не названы в качестве субъектов и партнеров государства по реализации стратегических задач развития России. Как публично-правовой институт местное самоуправление нельзя причислить ни к одному из поименованных. Вместе с тем в мероприятиях реализации стратегии органы местного самоуправления подразумеваются, но тогда в качестве какой из поименованных категорий? В составе органов государственной власти?

Органы местного самоуправления не способны в силу разных причин конкурировать с региональными органами власти за местные ресурсы или продвигать местные интересы на региональном и тем более на федеральном уровне.

Так, например, под влиянием субъектов РФ **законодательство о местном самоуправлении продолжает меняться, уводя его все дальше от первоначальной концепции**. С начала реформы принято уже 49 федеральных законов о внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (№ 131-ФЗ), общее число поправок составляет уже более 200. Эксперты постоянно обращают внимание законодателей на нецелесообразность таких перманентных изменений, которые вносят постоянную неразбериху в систему местного самоуправления, делая ее крайне неустойчивой в правовом плане. Однако у органов местного самоуправления и поддерживающих их экспертов уже давно отсутствует возможность влияния на решения, принимаемые в отношении местного самоуправления государственными органами власти, в том числе возможность противостояния тем изменениям закона, которые способствуют огосударствлению и бюрократизации органов местного самоуправления с целью унификации системы управления в противовес поддержанию многообразия горизонтальных связей.

Право населения на участие в местном самоуправлении заявлялось в качестве базового принципа всего муниципального законодательства. Первоначальная концепция Федерального закона «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации» (№ 131-ФЗ) предлагала относительно сбалансированную конструкцию прямого и опосредованного (через выборные органы МСУ) участия населения в местном самоуправлении. Однако последующие поправки в закон изменили этот баланс в пользу организационно-бюрократических институтов — органов МСУ, сократив формы прямого участия населения в решении вопросов местного значения.

1 Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р.

Например, в результате лоббирования региональных властей приняты следующие изменения Федерального закона № 131-ФЗ:

- Федеральный закон от 18 октября 2007 г. № 230-ФЗ внес изменения в статью 12 Федерального закона №131-ФЗ, дополнив ее частью 2.1, перенесшей акцент по полномочиям, касающимся принятия решения об изменении границ муниципального района и входящих в их состав поселений, влекущего отнесение территорий отдельных входящих в состав указанных поселений поселков и сельских населенных пунктов к территориям городских округов, с населения на представительные органы соответствующих поселений и городских округов. Законодатель посчитал, что будет достаточно, если мнение населения будут отражать представительные органы муниципальных образований, население по данному поводу можно «не беспокоить»;

- федеральными законами от 18 октября 2007 г. № 230-ФЗ и от 27 декабря 2009 г. № 365-ФЗ внесены аналогичные изменения в статью 13 Федерального закона № 131-ФЗ.

Новая редакция ч. 3 данной статьи и добавленная ч. 3.1 позволяют осуществлять объединение поселения с городским округом, а также объединение двух и более поселений, не влекущее изменения границ иных муниципальных образований, также с согласия представительных органов преобразующихся муниципальных образований, **согласие представительных органов также приравнивается к согласию населения каждого из муниципальных образований.**

Помимо этого субъекты Федерации активно продвигают еще одну технологию, которая также сокращает возможность прямого влияния населения на одно из наиболее важных решений в жизни местного сообщества – прямые выборы главы муниципального образования. Следует напомнить, что **тема назначения глав муниципальных образований губернаторами активно лоббировалась последними с момента изменения модели их выбора на назначение президентом**, однако население, индифферентно отнесясь к изменению модели выбора губернаторов, всегда выступало за прямые выборы мэров. Вместе с тем сегодня в регионах при молчаливом согласии центральной власти нашли другую схему: выборы глав муниципальных образований всем населением заменяются на выборы главы из состава депутатов в паре с наемным сити-менеджером во главе исполнительной власти. Регионам данный порядок интересен в силу того, что **на выбор сити-менеджера через участие в конкурсной комиссии активно влияет региональная власть**, а по вопросам переданных государственных полномочий сити-менеджер вообще напрямую подотчетен региональным исполнительным органам.

Мониторинг реформы МСУ, осуществленный Минрегионом России в 2005 г., показал, что на начало реформы в 48 субъектах Федерации (из 66, принявших участие в опросе) главы муниципальных образований избирались населением и сами

возглавляли представительный орган и только в 18 субъектах Федерации (из числа опрошенных) была введена модель сити-менеджера. С началом 2-го этапа муниципальных выборов (2007–2008 гг.) число таких регионов увеличивается. Подобная схема без особых политических потрясений привела к тому, что уже в значительной части субъектов РФ (к 2010 г. их число — уже более 30)¹ произошел отход от прямых выборов глав муниципальных образований — столиц субъектов РФ. Этот процесс продолжается, несмотря на протесты населения и местных экспертов²: Пермь, Благовещенск, Оренбург, Екатеринбург, Барнаул (поправки в уставы уже приняты в 2009–2010 гг.), на очереди Самара, где инициативы по изменению порядка выбора главы еще не нашли поддержки у депутатов, но усиленно лоббируются. В этот процесс постепенно вовлекаются уже не только города — центры субъектов РФ, но и другие крупные муниципальные образования. Так, с начала 2010 г. инициированные командами губернаторов «войны» за изменения в уставы, связанные с порядком избрания глав муниципальных образований, происходят в Сургуте, Нижневартовске, Сургутском муниципальном районе, Троицке и Березняках. Модель сити-менеджера повсеместно была введена в Республике Удмуртия и Ивановской области, причем в Ивановской области это происходило в нарушение всякой политической этики, например назначались выборы главы муниципального образования населением, в момент проведения выборов вносились изменения в устав муниципальных образований, где изменялся порядок выбора главы и отменялись результаты выборов, так как избранный глава еще не вступил в должность. В Ивановской области таким способом прекратили свои полномочия 23 мэра³. В течение только шести месяцев — с марта по сентябрь 2010 г. — доля непрямых выборов глав муниципальных образований увеличилась на 13 п.п., доведя общую их цифру по стране до 4782 случаев⁴.

Сама по себе модель назначаемого по конкурсу главы администрации вполне легитимна, она введена нормами Федерального закона № 131-ФЗ. Но на уровне субъекта Федерации по-прежнему сильной остается исполнительная ветвь власти в лице назначаемого Президентом Российской Федерации губернатора. **Постоянное взаимодействие выбираемого по конкурсу главы администрации с органами государственной власти субъектов Федерации приводит к постепенному усилению его по-**

1 Мониторинг реформы местного самоуправления: состояние на октябрь 2010 г. // www.urbanecomonomics.ru

2 Вопрос остро дебатировался на публичных слушаниях и в Общественной палате в Перми. В Екатеринбурге на публичные слушания пришли более 2 тыс. человек, но результат был все равно не в пользу населения.

3 Итоги-2010: То ли сити, то ли менеджер // <http://www.chastnik.ru/2011/01/02/390332>; Доброхотов Р. «Нам абсолютно не нужны мэры городов, которые имеют политические взгляды»: Губернатор Ивановской области Михаил Мень объяснил Slon.ru, почему он отменил выборы мэров // <http://slon.ru/articles/402748/>

4 По данным мониторинга Минрегиона России, в 2010 г. модель прямых выборов главы муниципального образования применялась в 75,2% городских округов, а непрямых — в 21,4% (Данные мониторинга реформы МСУ Минрегиона России, <http://msu.minregion.ru/>).

литического влияния внутри местного сообщества. Поэтому в отечественной политической культуре такое разделение властей на муниципальном уровне, особенно в небольших муниципалитетах, чревато следующими рисками:

- усилением монополизации власти на местном уровне при поддержке губернаторской власти (используя административный ресурс, сити-менеджер в состоянии провести в представительный орган «нужных людей», которые будут его переназначать, и, таким образом, остаться при власти на неограниченный срок);
- утратой прямой ответственности сити-менеджера и главы города, избранного из состава депутатов, перед населением.

Но если в крупных городах и столицах субъектов РФ осуществляется «ручная настройка» процесса управления со стороны прогубернаторской команды, то изменение системы политического управления в муниципальных районах в режиме «ручной настройки» – дело хлопотное, слишком много заинтересованных лиц, с которыми нужно договариваться. В результате и появилась инициатива Ленинградской области по введению института совместной администрации муниципального района и поселения – центра муниципального района, которая **также продолжает тенденцию монополизации местной власти**, мало имеющей отношения к местному самоуправлению, т.е. проблема устранения «лишнего» для губернатора уровня управления – поселенческого – решается через простое изменение законодательства¹.

Кроме того, **вводится модель единой партийной ответственности** через усиленное лоббирование пропорциональной модели выборов на местном уровне, которая **не стимулирует появление на местах ярких самостоятельных политиков**². Доля политиков, самостоятельно выходящих на выборы, сегодня уже составляет менее четверти. Так, например, с 2010 г. во многих субъектах РФ главы и депутаты уже даже сельских поселений также выбираются из кандидатов, заявивших о своей партийной принадлежности (данную модель выборов в 2010 г. на уровне поселений ввели: Курская, Новгородская, Оренбургская, Омская, Кемеровская области, республики Дагестан и Чувашия), а учитывая, что в настоящее время во всех типах муниципальных образований наибольшая активность принадлежит партии «Единая Россия», то большая часть победивших глав муниципалитетов и депутатов также относится к этой партии.

Поправкой, забившей «последний гвоздь» в самостоятельность и относительную политическую независимость мэров, стала поправка «об удалении глав», инициированная в 2010 г. Президентом РФ с подачи региональных лоббистов. Она позволяет **главам субъектов РФ без судебного решения вносить предложения в представительный орган муниципального образования об удалении не-**

1 Данная инициатива реализовалась в форме Федерального закона № 315-ФЗ об объединении исполнительных органов муниципальных образований района и центрального поселения.

2 Есть существенное различие между профессиональным ростом муниципального политика, управленца и хозяйственного деятеля и карьерным ростом партийного функционера.

угодных глав муниципальных образований в отставку, даже если последние избраны населением на прямых выборах.

Тем самым в корне изменился первоначальный посыл законодательства о местном самоуправлении, касающийся баланса ответственности органов местного самоуправления перед государством и населением.

Простота процедур удаления главы по инициативе высшего должностного лица субъекта РФ по сравнению с отзывом, осуществленным по инициативе населения, приводит к тому, что на практике **при столкновении интересов населения и высшей губернаторской власти органы местного самоуправления вынуждены выступать на стороне сильнейшего – государственной власти.** Кроме того, для населения полностью теряет смысл участие в муниципальных выборах, так как выбранный всенародно глава муниципального образования без учета мнения населения может быть удален в отставку депутатами по инициативе губернатора.

Введенный институт удаления глав в отставку используется сегодня в целях и политического и экономического давления на мэров. То в одном, то в другом регионе регулярно вспыхивают скандалы вокруг удаления глав муниципальных образований. Кто-то находит в себе силы бороться, хотя и безуспешно¹, но большинство предпочитает не связываться. Таких инициатив в целом по России уже больше сотни.

Кроме того, постоянные изменения законодательства о местном самоуправлении при слабом юридическом сопровождении реформы приводят к тому, что органы местного самоуправления (особенно поселенческого уровня) объективно **допускают нарушения тех или иных положений федерального законодательства, создавая для силовых структур благодатную среду для проявления служебного рвения,** а для субъектов РФ – дополнительную возможность для критики и давления.

Принятое федеральной властью решение о предоставлении главам субъектов дополнительных прав на удаление «неуправляемых» мэров не только не погасило конфликт среди назначаемых губернаторов и избранных населением мэров, но и вывело его на новый виток.

Таким образом, перечисленные новации государства на муниципальном поле привели к значительному политическому ослаблению органов местного самоуправления и их дискредитации в глазах населения.

Экономическая слабость местного самоуправления

В свое время один из лидеров муниципального движения – мэр подмосковного города Дзержинский В.И. Доркин – о реформе МСУ и новом законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Феде-

---

1 Например, главы Озерска (Челябинская область) и Барнаула (Алтайский край) в судебном порядке оспаривающие решение губернаторов.

рации» (2003 г.) выразился следующим образом: **«Нам нужен закон для свободных людей, а реформа местного самоуправления предлагает закон для муниципалитетов-покойников.** Для них разработана система реанимации. А для муниципалитетов-лидеров, для тех свободных и способных людей, кто доказал, что можно добиться успехов даже в сегодняшних трудных условиях, реформа представляет угрозу»¹.

Для экспертов в области местного самоуправления и самих муниципалов проблемы экономической несостоятельности муниципальных образований стали уже общим местом всех дискуссий. Эти проблемы обсуждаются более восьми лет, но большая их часть по-прежнему не решается. Большинство экспертов считает, что **Россия достигла очень высокого, даже для унитарного государства, уровня централизации доходных источников.** Если же вспомнить, что Россия провозгласила себя федеративным государством, это недопустимо вдвойне. На развитие муниципальной экономики такая позиция центральной власти повлияла самым негативным образом: по оценке, сделанной экспертами Института экономики города, за период с 1997 г. по 2010 г. доля доходов федерального бюджета в ВВП выросла на 26%, в то время как доля местных бюджетов напротив, сократилась на 46%². Основное перераспределение доходов, конечно, было связано с произошедшим в ходе реформы разграничением полномочий и пришлось на 2005–2006 гг., но с этого времени произошел рост общего объема вопросов местного значения, закрепленных за МСУ Федеральным законом № 131-ФЗ, перераспределенных с федерального уровня, а также введены так называемые факультативные полномочия, при этом доля доходов муниципальных образований в ВВП осталась прежней.

Таким образом, **реальные бюджетные возможности муниципальных образований по исполнению собственных полномочий сократились.**

Кроме того, в результате снижения планки отрицательных трансфертов с 2 до 1,3; которые применяются к муниципалитетам, чьи доходы превышают средних по субъекту уровень доходов из расчета на жителя, **пострадали именно развивающиеся города, которые всегда были основой развития экономики страны.**

Выравнивание муниципалитетов-аутсайдеров за счет доноров привело к формированию в муниципальной среде иждивенческих настроений, особенно на поселенческом уровне. Если в начале реформы они еще активно выступали за наделение их полномочиями и доходными источниками, то сегодня спокойно передают и то и другое муниципальному району, считая, что все равно им не хватит ресурсов самим исполнять большую часть полномочий, а району проще договориться с субъектом РФ и «выкрутиться». В результате, как и раньше, муниципальные районы продолжают осуществлять большую часть полномочий не

1 Либоракина М. Проблемы и перспективы местного самоуправления: независимая экспертиза реформы. – М.: Фонд «Либеральная миссия»; Фонд «Институт экономики города», 2003.

2 Жигалов Д. В., Перцов Л. В. Финансовые основы местного самоуправления: итоги 2000-х годов // Городской альманах. – М.: Фонд «Институт экономики города», 2011.

только районного, но и поселенческого масштаба. Но данная модель управления не стимулирует «низовой» экономической активности.

Возможность самостоятельного управления ресурсами муниципальных образований ограничивается также в результате исключения из полномочий данных муниципалитетов права распоряжаться землями, находящимися в границах муниципальных образований, в результате консервации ситуации с неразграниченностью государственных земель, а также в результате перегруженности ОМСУ расходными обязательствами, возложенными федеральными и региональными законами¹.

Уже почти десять лет на разных площадках обсуждаются такие меры, как возможность введения в России налога на имущество; отказ от федеральных льгот по земельному налогу; перенос порядка уплаты НДФЛ с работодателя на работника, а также изменение порядка его администрирования; изменение порядка администрирования транспортного налога и некоторые другие меры. Все они позволили бы значительно укрепить доходную базу муниципалитетов, сделав их более независимыми от региональной власти. Но эти меры так и остаются невостребованными.

Данная ситуация имеет и вторую сторону: **политическая и ресурсная слабость местного самоуправления, правовая нестабильность и давление прокурорского надзора делают муниципальную службу непривлекательной для ярких, талантливых людей.** По данным статистического анализа, сегодня значительная часть глав, занимающих высшие муниципальные должности, относится к первому сроку выборов (муниципальный стаж до 5 лет) — 34,4% и только 20% глав прошли на второй срок². Если же оценивать высших должностных лиц местного самоуправления по качественным трудовым характеристикам, то анализ статистических данных говорит о том, что:

- у большей половины служащих, занимающих высшие муниципальные должности в исполнительных органах муниципальных образований, возраст превышает 50 лет (56%);
- среди муниципальных депутатов доля людей старше 50 лет составляет вообще 61%;
- доля людей наиболее активного возраста — 30–50 лет среди служащих, занимающих высшие муниципальные должности в исполнительных органах, составляет всего 43% , а среди депутатов — 38%;

---

1 Доля субвенций на исполнение государственных полномочий в совокупных доходах бюджетов муниципальных образований России выросла в 2003–2007 гг. с 26,9% до 49,7% (правда, в этих расходах учтены также расходы на образование, которые, по существу, не являются переданными государственными полномочиями, но существа дела это не меняет) // Григоров В.Э., Жигалов Д.В., Перцов Л.В. (под общ. ред. Н.Б. Косаревой и А.С. Пузанова). Анализ влияния реформы местного самоуправления и реформы межбюджетных отношений на финансовое состояние муниципальных образований Российской Федерации. — М.: Фонд «Институт экономики города», 2008.

2 Данные Росстата, оценка автора.

- 6% служащих, занимающих высшие муниципальные должности в представительных и исполнительных органах МСУ, вообще не имеют профессионального образования;

- среди тех, кто занимает должности муниципальной службы (чиновники) в органах исполнительной власти, только 6% имеют профессиональное юридическое образование, 11% – экономическое и 8,6% – образование в области государственного и муниципального управления.

Ослабление институтов МСУ и постепенное огосударствление местного самоуправления, с одной стороны, сделало его малопривлекательным для сильных политических игроков, самостоятельно мыслящих, ориентированных на общественные интересы, и привело на это поле значительное число хозяйственников, выдвигаемых местными элитами только в интересах решения собственных задач.

Таким образом, сегодня уже можно констатировать, что **местное самоуправление – самое слабое звено в системе власти в России в целом.**

Слабое местное самоуправление, лишенное государственных гарантий защиты, осознанной поддержки со стороны населения и организованной общественности, но в то же время, как властный институт, имеющее право на распоряжение некоторыми ресурсами, становится питательной средой для коррупции и произвола.

Местные ресурсы и власть – питательная среда для коррупции и произвола

Справедливости ради следует отметить, что значительная часть претензий к главам муниципальных образований сегодня все же правомерны. Вызваны они разными причинами. Одна из них связана с тем, что органы местного самоуправления помимо публично-правовых функций в рамках своих полномочий осуществляют еще и хозяйственную деятельность. Последняя же сама по себе несет определенные правовые и хозяйственные риски. Главы муниципальных образований в большинстве случаев не имеют юридической подготовки и не имеют квалифицированных юристов в администрации. Особенно часто ошибаются вновь избранные главы, использующие в публично-правовой сфере модель хозяйственной деятельности, привнесенную из бизнеса. Есть также примеры и чисто коррупционных интересов муниципальных руководителей. Тем не менее **среди общего числа возбужденных правоохранительными органами дел в отношении глав муниципалитетов есть определенная доля заказных политических, а также дел, связанных с коррупционными интересами другого уровня – органов государственной власти и силовых структур. Причем, по экспертным оценкам, существует тенденция их роста.**

Заказные дела – вообще только видимая часть айсберга в проблеме взаимоотношений государства (госорганов) и органов местного самоуправления.

Растущий правовой нигилизм силовых структур стал другой «головной болью» для органов местного самоуправления, ведущей их к политическому и хозяйственному «ступору». Как правило, при глубоком анализе выясняется, что **все, даже политические, заказные дела сегодня имеют экономическую подоплеку:**

- кому-то понадобился чей-то бизнес (рейдерские захваты со стороны людей, облеченных властными полномочиями, успешно функционирующего на местном уровне бизнеса, имеющего хорошую перспективу);
- кому-то понадобилось выстроить режим наибольшего благоприятствования для доступа к бюджетным деньгам, т.е. посадить у местного «крана» «своего человечка», чему способствует распределительная система использования общественных ресурсов.

Причина данного явления видится в **отсутствии общественного контроля за деятельностью силовых органов, их непрозрачность и неподконтрольность**. Многие эксперты считают, что система государственного принуждения, унаследованная от СССР, так и не изменила парадигму своей деятельности. По их мнению, деятельность спецслужб, правоохранительных органов и даже прокуратуры, направленная только на защиту государственных интересов, а не личности, по-прежнему носит больше репрессивный, нежели защитный характер. Их образ действий воспринимается в обществе **не как защита интересов граждан и гражданских свобод, а как демонстрация силы и устрашения**¹. Это вызвало жесткий кризис общественного доверия ко всей системе правоохранительных органов.

Прокуратура сегодня, осуществляя надзор за общей законностью, вмешивается в деятельность не только исполнительных органов, но и частных, негосударственных структур. Причем надзор за деятельностью исполнительных органов ведется выборочно: практически не работает на федеральном уровне (кроме отдельных случаев по особому разрешению), слабо – на региональном (тоже только с подачи федеральных структур), а **основная ее активность проявляется на муниципальном уровне и на уровне среднего бизнеса**. «Полиция, ФСБ, прокуратура, следственный комитет, наркоконтроль, – все они превратились в закрытые корпорации, члены которых используют принуждение для сохранения существующей системы власти и одновременно для собственного обогащения. Если низшие чины занимаются поборами, то средние и высшие – все больше врастают в бизнес, захватывая чужую собственность. Конкурентов они побеждают теми же способами, какими получили собственность, – то есть используя право на насилие и принуждение от имени государства»². Так поступают с приглянувшимся частным бизнесом, так устрашают органы местного самоуправления для того, чтобы сделать глав мунци-

1 Гольц А.М., Краснов М.А. Раздел «Оборона и безопасность»// Обретение будущего: Стратегия 2012. – М.: ИНСОП, 2011.

2 Там же.

ципальных образований подконтрольными. Если главы муниципальных образований принимают «правила игры», происходит сращивание органов МСУ и силовых структур, а также контролируемого ими бизнеса. Если нет, на непокорного главу начинается давление со стороны всей правоохранительной системы и подконтрольного ей бизнеса.

Например, не прекращаются конфликты на почве обвинений глав муниципальных образований в превышении должностных полномочий и коррупции. Так, в 2007 г. в превышении должностных полномочий и коррупции обвинялись главы Барабинска (Новосибирская обл.), Заозерска (Мурманская обл.), Сквородинского МР (Амурская обл.), Шатровского МР (Новгородская обл.), Облученского МР (ЕАО), Листвянского МО (Иркутская обл), Черняховского ГО (Калининградская обл), Пятигорска (Ставропольский край), Рыбинска и особенно главы крупных городов – центров субъектов (Томск, Ставрополь, Владивосток, Челябинск, Волгоград, Архангельск, Рязань)¹. В 2008 г. рост уголовных дел продолжился, но уже не только в отношении крупных городов, но и в отношении муниципальных районов и поселений: пос. Заполярный Надымского р-на (ЯНАО), главы сельских советов Альменкевский и Малышевский Альменкевского р-на (Курганская обл), Новомазясовского сельского Совета Орджоникидзевского р-на (Хакасия), Нефтеюганский МР (ХМАО), Дзержинский МР (Калужская обл.) и др. По данным прокурорского надзора, только по Республике Хакасия в отношении руководителей ОМСУ в 2007 г. было возбуждено 68 уголовных дел коррупционной направленности, 48 направлены в суд, в 2008 г. возбуждено более 100 дел. В 2008 г. следственными органами Следственного комитета рассмотрены в целом почти 49 тысяч сообщений о совершении преступлений коррупционной направленности, большая часть из которых – в органах государственной власти и местного самоуправления.

В 2009 г. в отношении депутатов и выборных глав органов местного самоуправления принято более 900 решений об уголовном преследовании².

О том, что в стране наступил кризис муниципальной системы власти, свидетельствует массовый уход мэров в отставку. Если в 2007–2009 гг. «добровольный» уход мэров в отставку был единичным и связан с каким-то скандалом, то с 2010-го он стал массовым. В 2010 г. ушли в отставку главы Серпухова, Анапы, Междуреченска, Новокузнецка, Тулы, Рязани, Пятигорска, и др.

В еще не закончившемся 2011 г. ушли в отставку до истечения срока полномочий главы Воркуты, Ставрополя, Петропавловск-Камчатского, Урая, Черняховского района, Армавира, Чебоксар, Братска, Шахт, Сыктывкара, Сарова, Анджеро-Судженска, Юрги, Белово, Первоуральска.

1 Мониторинг реформы местного самоуправления – итоги 2010 г. // www.urbanecomomics.ru

2 Доклад Председателя Следственного комитета А.И. Бастрыкина на расширенном заседании коллегии «Об итогах работы следственных органов Следственного комитета при Прокуратуре РФ за 2009 год и задачах на 2010 год» // <http://kp.ru/daily/24440.4/606244/>

Тем не менее нельзя все претензии силовых структур к органам местного самоуправления однозначно квалифицировать как неправомерные. Общие коррупционные схемы, в которых участвуют органы власти разных государственных ведомств, получили питательную среду и на местном уровне.

Как указывалось выше, одним из негативных итогов реформы местного самоуправления стало снижение уровня участия населения в нем.

До конца 1990-х гг. города Российской Федерации являлись центрами роста гражданской активности, самоопределения и самоуправления (наблюдалась высокая электоральная активность, борьба городских элит и активной части населения за возвращение исторических имен населенных пунктов, улиц, территорий, борьба многих активных городов за выход из состава административного района, за собственный бюджет и возможность самоуправления).

Но этот аванс со стороны населения не был в полной мере оценен ни государственной, ни местной властью.

Эксперты и социологи все чаще делают вывод, что **в настоящее время можно говорить не о партнерских отношениях населения и власти на местах, а об имитации этого взаимодействия.**

По результатам опроса населения Всероссийским Советом местного самоуправления (ВСМС)¹:

- *80% респондентов убеждены, что местные власти мало интересуются мнением населения;*
- *54% считают, что вертикаль власти усилилась, местные руководители чувствуют ответственность перед вышестоящим начальством, а не перед населением.*

О том, что сегодня на муниципальном уровне взаимодействие органов местного самоуправления с населением больше похоже на имитацию, чем на реальную практику, свидетельствует низкая активность населения при участии в решении вопросов местного значения (в том числе в публичных слушаниях) и низкая эффективность местных общественных институтов (некоммерческого сектора и органов территориального самоуправления).

Публичные слушания, по результатам исследования Института экономики города, в 2004 г. проводились в 70,9% МО. Но если рассматривать практику проведения публичных слушаний, то тут у экспертов еще больше вопросов. Эксперты часто обращают внимание на то, что в публичных слушаниях участвуют практически всегда одни и те же лица: представители бюджетных учреждений и тех НКО, которые всегда тесно сотрудничают с администрациями муниципалитетов, — это советы ветеранов и инвалидов, различные женские ор-

---

1 Опрос населения осуществлен в 2008 г. на выборке 2000 человек (в выборку попали все регионы страны).

ганизации. Большая часть населения об инициативах муниципалитета, как правило, ничего не знает и в публичных слушаниях не участвует. В то же время через публичные слушания проводятся важные для всего муниципального образования решения (принятие изменений в устав, решения о бюджете, принятие градостроительных документов и др.). **Имитируя участие населения в подобных публичных слушаниях, муниципалитеты продвигают нужные им решения без особых политических рисков, формально соблюдая законодательство.**

Не всегда население участвует в процессе принятия решения и по таким важнейшим вопросам муниципальной жизни, как определение структуры органов МСУ, внесение изменений в устав муниципального образования.

Снижение возможности участия населения в местном самоуправлении не только создает барьеры для влияния на наиболее важные для граждан решения, но и приводит к росту непрозрачности и неподконтрольности органов местного самоуправления населению. Органы местного самоуправления все больше аккумулируют власть в своих руках, отдаляя население от непосредственного принятия решений по наиболее важным вопросам жизнедеятельности муниципального образования. В этом случае, как и в упоминавшихся проблемах с силовыми структурами, ограничивается возможность общественного контроля за органами местного самоуправления. В конечном итоге **на местном уровне также происходит сращивание власти и бизнеса, снижается конкурентность (к бюджетным средствам «допускается» только свой бизнес), а на муниципальных выборах устранение конкурентов происходит с использованием прямого экономического и силового давления.** Но в отличие от государственного уровня все неправомерные действия органов власти на уровне муниципалитетов прекрасно видны населению.

Почему сегодня невозможна модернизация снизу

В 2010 г. Президент РФ Дмитрий Медведев выдвинул лозунг о необходимости модернизации России. Евросоюз оперативно откликнулся на призыв президента. Еврокомиссия разработала и передала властям РФ свой проект программы под названием «Партнерство для модернизации». Главная идея документа: модернизация невозможна без демократизации. Поэтому Евросоюз первым делом предлагает обеспечить в России «верховенство права». В Москве документ в целом назвали позитивным «интеллектуальным вкладом» в процесс модернизации. Однако российская сторона настаивает на том, чтобы европейские партнеры не особо выпячивали тему правового государства, а вместо этого сосредоточились на экономических и технологических аспектах грядущей модернизации. Вместе с тем существует серьезная опасность, что в создавшихся условиях только лишь экономическая и технологическая модернизация не приведет к тому результату, который ожидается. И причиной будет

уже не отсутствие желания или «политической воли», а элементарное отсутствие активных и предприимчивых людей в России.

При отсутствии общественных движений и политических партий, поддерживаемых значительной частью населения, **муниципалитеты – единственный реальный политический ресурс страны, который теоретически мог бы включить в процесс модернизации большую часть населения, но этот ресурс сейчас не работает и не будет работать при сложившихся обстоятельствах.**

Созданные правящей элитой общественные институты в форме «партии власти» и околопартийной общественности имеют невысокую электоральную поддержку в виде государственной и местной бюрократии. Эта бюрократия способна, включив административный ресурс, провести через выборы любое количество нужных и лояльных политиков, но никакой административный ресурс не способен поднять рейтинг этих политиков в глазах населения. А это значит, что **большая часть населения останется безучастной к любым модернизационным лозунгам политиков по выводу страны из кризиса.** В этих условиях деятельность государственной и муниципальной бюрократии во имя самосохранения сведется лишь к имитации активности и продолжению «распила» бюджета, пока страну не накроет настоящий экономический коллапс.

Состояние общественных настроений показывает, что граждане уже не будут так безусловно поддерживать реформы, задуманные федеральным правительством. А учитывая, что экономический кризис подстегивает скорейшее принятие непопулярных, хотя и необходимых экономических реформ, противостояние власти и населения только усилится. Это видно уже по тому, как изменилась активность населения по отстаиванию собственных интересов.

Сегодня уже можно поспорить с тезисом, что население занимает пассивную позицию и надеется только на готовое. Скорее правы те эксперты, которые заявляют, что значительная часть населения начинает ощущать себя как налогоплательщик, поэтому если и требует от власти что-то, то только услуг надлежащего качества. То, что население уже не является пассивным потребителем общественных благ, подтверждает диаграмма на рисунке ниже. На ней отражена активность населения в вопросах отстаивания своих интересов.

На диаграмме видно, что наиболее активной формой защиты собственных интересов населения является судебное разбирательство. В органы власти уже обращаются значительно меньше, но что настораживает – по-прежнему велико влияние криминальных структур как участников процесса урегулирования споров.

Таким образом, население нашей страны вполне готово за себя постоять и уже не особенно надеется на власть.

Потеря связи муниципалитетов с населением из-за невозможности проведения активной экономической политики на местном уровне, из-за политической слабости (отсутствие ярких лидеров), коррупционных дел, негативной

Источник: АСДГ «Мониторинг ситуации в муниципальных образованиях России в связи с мировым финансовым кризисом», 2010 г.

Наиболее приемлемые способы защиты прав для граждан крупных городов, 2010 г.

информации в СМИ привела к росту недоверия населения к местной власти, что еще больше вызывает разочарование населения в местном самоуправлении и органах власти в целом.

Изменение ситуации на поле местного самоуправления произойдет только в том случае, если государство реально будет заинтересовано не в имитации развития страны, а в реальной ее модернизации; не в декларировании борьбы с коррупцией, а в реальном сокращении коррупционных схем; не в заигрывании с населением с целью снижения рисков оппозиционных настроений, а в реальном желании сотрудничества.

Местное самоуправление, как единственный публично-правовой институт, находящийся на стыке общественно-публичных интересов, может способствовать не фиктивной, а реальной легитимации планов и стратегий развития государства в глазах населения, может укрепить доверие населения к органам власти — следовательно, общественную и экономическую активность.

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ ГЕНЕРАЛ И ПЕСЧАНЫЕ КАРЬЕРЫ

*Материал Леонида Никитинского
(Новая газета. 2010. № 51)*

Александр Шестун

От камеры на дереве до камеры в «Лефортове». В разборке глав администраций поучаствовали менты, прокуроры, провокаторы, братки, чиновники и тележурналисты.

Сочиняя сценарий для остро-сюжетного художественного фильма, мы бы даже не стали выдумывать главному герою другую фамилию, а оставили бы какая есть: Шестун. Это рождает ассо-

циации с шестом, каким акробат удерживает баланс над пропастью: по одну сторону тут бандиты, по другую — прокуроры, те размахивают «калашниковыми», а эти — наручниками и бумагами с гербовой печатью...

Место действия — Россия, Серпуховский район, XXI век. В главных ролях: Мэр; Вор почти в законе; прокуроры (их много); уполномоченный ими Ресторатор; Заммэра (тетка, сидит); штатный Провокатор — полковник ДЭБ МВД с поддельным паспортом в гриме предпринимателя. Массовка: избиратели, «братки», что в каком-то смысле одно и то же; менты всех мастей; районные госслужащие; мелкий бизнес; народ. Еще где-то там министр финансов Московской области и его жена — гражданка США, известная в России олигарх (оба в розыске за рубежом), и — вполне виртуально — телепередача «Человек и закон».

Сюжет в подмосковной каше: прокуроры требуют от Мэра передать бандитам песчаный карьер; тот идет за помощью к другим прокурорам, которые вымогают у него взятку; сажают Заммэра (массовка ментов на «порше-кайенах», маски-шоу); однако Мэр умудрился записать эпизод передачи 20 тыс. евро Прокурору скрытой камерой, укрепленной на дереве в лесу, и того тоже пришлось посадить. Запись-то настоящая, так что некоторые кадры в этом кино могли бы быть и документальные — их уже сейчас можно посмотреть на YouTube, набрав в поиске: «Шестун».

Проблема в том, что про такое художественное кино нам бы сразу сказали: «Ну уж нет, так не бывает, это клевета на российскую действительность и пу-

тинскую «вертикаль». Но преимущество журналистики в том, что она имеет право работать с фактами, которые в кино предстали бы вовсе невероятными, если для этих фактов имеются доказательства. Факты очень яркие, но доказательства довольно скучны и длинны, кто захочет въехать — придется сосредоточиться.

Куда ведет «труба»

Восстанавливая события прошлой осени в Серпуховском районе, начать надо, наверное, с заурядного уголовного дела, которого, собственно, даже и не было, а была проверка заявления арбитражного управляющего о преднамеренном банкротстве в 2004 году МУП «Энергосервис». Эта и несколько таких же и так же обанкроченных структур собирали плату с сельских пользователей городского водопровода: своей воды в районе нет, поэтому эти структуры накапливали перед городом долги за село, затем выставляли свою ржавую трубу на торги, но дураков не было, и ее никто не покупал. Ситуация, с одной стороны, очень типичная для ЖКХ, но, с другой, особая: в Серпухове и Серпуховском районе две администрации и два их главы, которые находятся в острой конкуренции.

По МУП «Энергосервис» арбитражный суд неизменно признавал и банкротства, и долги, но признаков преступления не находилось. Вдруг летом 2009 года, то есть уже спустя пять лет, новый прокурор Серпухова Олег Базылян повел проверку к тому, что банкротство это было преднамеренное, то есть уголовное. Параллельно этому еще один (природоохранный) прокурор — Дмитрий Урумов объяснил Александру Шестуну — главе Серпуховского района, что надо заплатить деньги и поставить людей, которых ему укажут, на руководство МУП «Серпуховские недра». Этот МУП Шестун создал для контроля, хотя бы в части безналичных, за финансовыми потоками песчаных карьеров. Песок на Оке моется сам собой, а сбыт его, не поддающийся никакому учету, по традиции крышуется «братками».

Не желая отдавать карьеры и еще приплачивать (2 миллиона долларов), Шестун обратился за помощью к Сергею Абросимову — это бывший прокурор Серпухова, который в тот момент был уже переведен замначальника Главного управления Генпрокуратуры по Южному федеральному округу, но часто наезжал из Ростова в Серпухов. Абросимов обещал Шестуну поговорить насчет левой истории с МУП «Энергосервис» с Андреем Марковым — начальником Управления по МО Следственного комитета при Прокуратуре РФ.

Однако вскоре Абросимов ошарашил Шестуна предложением (с его слов) от Маркова платить ежемесячно по 30 тысяч евро «за крышу». Шестун сбил ставку до 20 тысяч и, с его слов, передавал эту сумму Абросимову дважды,

причем во второй раз зафиксировал это укрепленной на дереве видеокамерой. Далее Абросимов потребовал (с его слов) для Маркова еще 5 млн рублей за отказ в возбуждении дела и в самом деле 3 октября передал Шестуну подписанную копию такого отказа. Но западня была уже готова, и в этот день Абросимов был задержан с поличным органами ФСБ. За 15 минут до ареста Абросимов звонил Маркову, но существует ли где-то запись этого разговора, нам неизвестно.

Через два дня после ареста Абросимова в Серпухове была задержана как бы по совершенно другому делу Елена Базанова — замглавы администрации района. Ей также инкриминируется взятка. Вскоре на одном из федеральных телеканалов прошло сообщение и о задержании самого Шестуна, но для него все ограничилось возбуждением дела и обысками.

Сведения о нарастающих в ком уголовных делах, конечно, укладываются в голову с трудом, и мы пока даем лишь общую картину. Еще раз: все началось с совершенной чепухи про трубу, ее не хватило даже на то, чтобы при большом к тому желании со стороны прокуроров возбудить дело. Закончилось — посадкой одного прокурорского генерала, который (это есть в деле) говорил еще и про другого — это раз; посадкой замглавы районной администрации, от которой, конечно, добивались показаний и на главу, а также уголовным делом против главы района Шестуна — это два.

«Возбуждение» и «слив»

Разумеется, рассказ об этих событиях требует доказательств, и мы еще будем говорить о них специально. Но сейчас, погружаясь в следующий слой, начнем с анализа того, как эти события освещались на федеральных телеканалах: ведь они и формируют представления серпуховских (в том числе) избирателей о политике.

Об аресте генерала прокуратуры телеканалы сообщили скупно и скорее потому, что такое событие не заметить было нельзя, зато арест Базановой освещался и в новостях, и центральные сюжеты двух передач «Человек и закон» тоже были посвящены разоблачению замглавы, а еще более — главы района Шестуна. Кроме этих передач, иных следов всколыхнувшаяся было гладь болота не хранит. По всем делам (Абросимов и Базанова в СИЗО, Шестун не сел чудом) официальной информации нет, идет следствие, которое умеет хранить свои тайны.

Получается, что уголовные дела имеют две главные стадии: 1) «возбуждение» — это когда какой-то не всегда понятный следователь ставит на папке номер дела, проводит задержания и обыски и получает у судьи определение о взятии под стражу; и 2) «слив» — в смысле: в СМИ. Суд, если вообще будет, то будет еще не скоро, приговор его прогнозируем и уже никому неинтересен.

В головах же у граждан отложилось одно слово: «коррупция». На самом деле она очень разная. В одном случае (Абросимов) фигурируют 5 млн рублей наличными, которые совершенно конкретный Шестун передал под контролем ФСБ. Во втором (Базанова) — речь о безналичных, переведенных неким предпринимателем при оформлении земельного участка в «Фонд развития района» — но их просто так в карман не сунешь. В третьем случае (Шестун) взятка, по мнению следствия, имела место в 2007 году в форме дарения земельного участка 4 га за вывод 175 га из категории сельскохозяйственного использования. Такой «подозрительный по коррупции» перевод, действительно, состоялся в пользу некоего латифундиста Романова, но, по документам, он эти 4 га не подарил, а продал третьему лицу, и это лицо никак не связано с Шестуном. Сам же Сергей Романов известен в Серпухове еще и как авторитет Граф, имеющий в прошлом судимость за похищение человека.

Не все в порядке оказалось и с тем заявителем, который сообщил о передаче им взятки Базановой. Это некий предприниматель Юсуп Каримов, он объявился в Серпухове месяца за четыре до ареста Базановой и долго к ней подходил со своей якобы проблемой. Однако по сведениям, уже попавшим в печать, это полковник МВД, у него совершенно другая фамилия и он одновременно вел как минимум три разработки: только в 2009 году по заявлениям «Каримова» сели в тюрьму кроме Базановой один человек из Брянска и один — из области вблизи Государственной думы РФ. Паспорт, с которым «Каримов» дает показания, в том числе в суде, по сведениям паспортной службы, никогда и никому не выдавался.

Сотрудникам правоохранительных органов провокация взятки категорически запрещена, это граничит с должностным преступлением. Изобличить взяточника без взяткодателя, разумеется, тоже нельзя, но для этого обычно используются те заявители, которым не надо выдавать себя за кого-то другого. Почему «Каримов» работал сам, нарушая закон и рискуя погонами, этого мы пока не знаем, возможно, он просто работал на самого себя, а не на государство.

Вот как далеко завела труба МУП «Энергосервис», используемая для шантажа, но нам надо вернуться в Серпухов. Мы можем сформулировать первые выводы: конечно, тут присутствует и коррупция (она везде), но интересна не коррупция вообще, а некие силовые линии от как бы силовых структур, пронизывающие здесь всё. Поскольку эти линии столь же очевидны и мощны, сколь и неформальны, их персонификации могут обретать вид прокуроров, полковников, криминальных авторитетов, агентов и так далее, а суть остается той же: это государственный рэкет. Отказавшись платить оброк «силовым структурам», Шестун выломился из системы и произвел в ней то возмущение, следы которого можно наблюдать.

«Один на льдине»

Тут, наверное, надо ближе понять биографию Шестуна. Ведь он — катализатор, и под его воздействием выпали в осадок какие-то видимые властные кристаллы.

В 2002 году, еще до того, как стать главой района, Шестун издал книгу, а затем снял фильм «Моя фамилия». В книге Шестун рассказывает, что в школе никому не давал денег, а со всеми дрался. Уехал учиться в Кострому, где возглавлял штаб стройотрядов и команду КВН. Вернувшись в Серпухов в начале 90-х, он попал в не совсем родной город, так как за шесть лет его отсутствия здесь уже сложились группировки «братвы». В первый же вечер он с кем-то подрался и потом дрался едва ли не ежедневно, зато быстро перезнакомился и с «братвой», и с милицией. В Серпухове он стал заниматься экспортом вторсырья, импортом продовольствия и стройматериалов, в 2000 году открыл магазин стройматериалов «Браво».

Это рядовая биография предпринимателя 90-х, если бы не одно подчеркиваемое автором обстоятельство. На всем этом пути Шестун воевал со всеми, кто приходил к нему с предложением «крыши». Он теперь реже дрался кулаками (последнее покушение на него с гранатой Ф-1 было совершено накануне выборов), но открыл юридическую консультацию, где обслуживали без денег местных жителей, а заодно вели дела серпуховских бизнесменов, которые приходили к Шестуну за советом. Бандитов они сдавали милиции, ментов — друг другу. Это и был Серпуховской союз промышленников и предпринимателей, откуда Шестун двинул в районный Совет депутатов в 1999 году.

Как депутат Шестун стал популярен благодаря тому, что победил по суду узел связи и заставил монополиста снизить тарифы. В конце 2003-го он без согласия губернатора, вопреки мнению «Единой России» (вступит позднее) и главы города, пошел на выборы главы Серпуховского района и собрал 29 процентов голосов, далеко опередив конкурентов (в 2008-м на перевыборах — уже 76 процентов).

Сергей Романов (Граф) рассказал мне, что на выборах Шестуна поддержала «братва». Может, и так. Но влияние в нашей публичной (в той мере, в какой она есть) политике «понятий», которые «братки» перенесли на волю и которыми живет полстраны (пол-Серпухова, во всяком случае), недооценивать не стоит. И с этой точки зрения Шестун обладает своеобразной, не чиновничьей, легитимностью. По понятиям (настоящим, лагерным), такая позиция даже имеет свое название: «Один на льдине». Это значит: человек не принадлежит ни к одной из группировок, хотя может заключать с ними какие-то союзы. Поскольку такую позицию предстоит еще отстоять в жестокой борьбе, ее обычно занимают люди, «ломом подпоясанные», — то есть те, кто готов драться по лю-

бому поводу и всерьез. Таков и есть Шестун — в общем, в каком-то смысле заметно подросшая серпуховская шпана.

К «промышленникам, предпринимателям» и, видимо, «братве» прибавились вскоре и симпатии жителей района. Чуть не кулаками останавливая экскаваторы «Мособлгаза», Шестун за отвод земли под газопровод добился подведения газа к деревням. После этого губернатор Громов, который сначала блокировал ему все бюджетные ресурсы, признал главу и выделил бюджет. Шестун стал приводить в порядок дороги и ремонтировать школы и пришедшие в упадок клубы. При этом бывший кавээнщик все время организовывал какие-то затеи, выступал во дворцах культуры, после возбуждения прошлой осенью дела против него выехал на сцену молодежной дискотеки на мотоцикле и спел рэп — очень подходящую к ситуации песню «Моя игра». Все это можно, конечно, назвать и популизмом, но где грань между популизмом и публичной политикой?

Изучая документы о переводе земель из категории в категорию, мы быстро поймем, что есть главный рычаг главы любого района. Но, глядя на объективные показатели Серпуховского района, нельзя не заметить, что Шестун вел себя чаще не как чиновник, старающийся тихо положить взятку в карман, а как бизнесмен, стремящийся увеличить капитализацию объектов. Он мог вложить в газификацию и собственные деньги, зато цена на землю сразу вырастала тут вдвое.

В «силовом поле»

Понятно, что в отношениях с областным правительством глава района уже не был вполне «один на льдине». Сложными были отношения и с мэром Серпухова Павлом Ждановым. Но как-то разговаривать он умел со всеми: и кто только не катался у Шестуна на дельтапланах, квадроциклах, катерах и лошадях в роскошном пансионате «Дракино». И всегда где-то рядом присутствовали силовики.

В 2007-м Шестуна познакомили с главой природоохранной прокуратуры Урумовым. Между ними возникла тесная, даже семейная дружба, а в 2008 году Урумов ввел в этот круг некоего Назарова из Пушкина — «владельца ресторанов». Странная эта дружба кончилась весной 2009 года, когда серпуховским прокурором вместо Леонида Мировского (он, в свою очередь, сменил тут Абросимова) стал Олег Базылян. Весь Серпухов знает, что устранение Мировского (в прокуратуру области) через брата — депутата Госдумы лоббировала хозяйка колбасного завода. А уж как тут возник Базылян, успевший к 30 годам возбуждать по делу против глав Фрязина и Пушкина (оба ничем не закончились), в Серпухове и сами не знают.

Тут мы вернулись к событиям, о которых уже знаем: Базылян начал пресовать Шестуна с трубой МУП «Энергосервис», а Урумов от лица якобы еще

более высокого прокурорского начальства потребовал «Серпуховские недра» и денег. Шестун пошел к Абросимову, тот тоже попросил денег, якобы от Маркова. По словам Шестуна, он не хотел сажать Абросимова. Но он держал в курсе своих оперативных комбинаций некие структуры ФСБ, ему их помощь была нужна для нейтрализации Урумова. А в ФСБ его приперли к стенке: или берем Абросимова (генерала!), или тебя самого как взяточдателя.

С начала конфликта с прокурорами (июнь 2009 года) Шестун стал тайно писать все разговоры с ними и с ресторатором Назаровым на диктофон. Записей — целый архив, там масса имен, которые мы лучше называть не будем, и ярких деталей, которые нам тоже, скрепя сердце, придется опустить. Часть записей любой может найти на YouTube, где Шестун, предотвращая свой арест, выложил два обращения «к президенту». Он представляет свои доказательства не суду, поскольку его здесь и не просматривается, а прямо, так сказать, избирателям. Такой бури, как майор Дымовский, Шестун в интернете не вызвал, его проблемы более специфичны, но все-таки тоже не менее 100 тысяч просмотров!

И теперь о доказательствах. Именно в части доказательств обращение Шестуна на YouTube не только не уступает «Человеку и закону», но его и превосходит. В отличие от Первого федерального канала, который в качестве доказательств использует оперативные съемки, часто непонятно откуда взявшиеся, у Шестуна все ясно. Вот они с Урумовым говорят в предбаннике, вот пошли в парилку, записи нет, вот вернулись, и слышен голос Урумова: «Саша, руководство хочет конструктива!» А вот прямо в кадре начался и «конструктив»: приехали (после соответствующей фонограммы переговоров с Назаровым) претенденты на МУП «Серпуховские недра» — они в подтяжках и совершенно ничего не смыслят в карьерах. А вот клочки записки, где нацарапано рукой (вероятно) Назарова: «2 млн долларов плюс дир. МУП». Ночью в машине на обочине Симферопольского шоссе Назаров порвал эту записку, подарил Шестуну герб Российской Федерации (ну как тут удержаться от деталей!) и умчался в столицу, а Шестун вернулся и собрал клочки.

«Земля — воздух»

По версии Шестуна, проверку ЖКХ прокуратуре «заказал» Павел Жданов: из опасения, что в 2010 году Шестун пойдет против него на выборы мэра Серпухова. А уж Урумов и Абросимов тут просто подсутились. Эту версию нечем доказать. Но можно проследить, как замена прокурора (Мировского на Базыляна) не только резко усилила активность прокуратуры в Серпуховском районе, но и привела к прекращению всех уголовных дел, ранее возбужденных по городу Серпухову.

По сведениям местной прессы, в 2006 году фонд «Возрождение и развитие Серпухова» (сравним с аналогичным фондом в «деле Базановой») заключил два договора на один и тот же забор вокруг школы № 2, излишки обналичены через подставное лицо. Дело, возбужденное против директора фонда, привело к первому заместителю мэра Алексею Афанасову, который некоторое время даже скрывался. Аналогичные дела с дважды оплаченным забором велись по школе № 1 и по фиктивному ремонту городского дома культуры. Есть материалы по поставкам продуктов питания осенью в летние детские лагеря — не интереснее ли это, чем ржавая труба МУП «Энергосервис»?

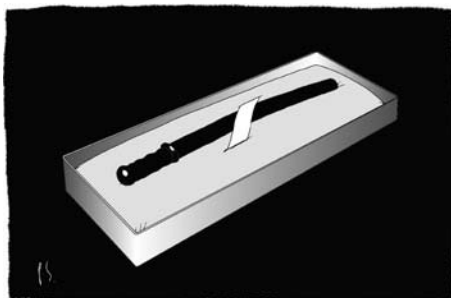
И еще о доказательствах и не только. Каково их значение в ситуации, когда при явном их наличии уголовные дела не возбуждаются, но и отсутствие доказательств вовсе не мешает тем, кто получил от государства те или иные погоны, произвести обе решающие стадии уголовного следствия, то есть «возбуждение» и «слив»?

До сих пор некие подмосковные прокуроры и следователи (несмотря на наши настойчивые предложения, никто из них не встретился с автором), контролируя ситуацию в Серпухове и районе, могли управлять здешним вектором «борьбы с коррупцией» достаточно произвольно. Но сейчас Следственный комитет МВД РФ расследует дело по Серпуховскому бизнес-центру «Плаза», которое будет сложно списать в архив. Главными фигурантами там являются бывший министр финансов области Алексей Кузнецов и его жена — гражданка США, создатель «РИГрупп» Жанна Буллок. Оба уже вне пределов России, но в 2007 году после сдачи «Плазы» Жданов в числе немногих избранных побывал на свадьбе дочери Буллок (эксперты оценили ее размах в 5 млн долларов).

Что касается «Плазы», то первоначальная стоимость проекта была занижена минимум в пять раз, или на 200 млн рублей, эти средства были затем накачаны в строительство через займы, затем стоимость оказалась завышена еще на 200 млн рублей (оценки примерные), а после сдачи Серпухов согласился выкупить «Плазу» уже за 700 млн рублей. Сделка прошла через дочернюю структуру мэрии «СИП» (Серпуховские инвестиционные проекты), которая взяла в Сбербанке кредит на полмиллиарда. Отдавать его придется областному бюджету.

Добавим, что это не единственное дело против Кузнецова и Буллок, где счет идет уже не на миллионы, а на миллиарды рублей. Оказывается, самый большой ресурс — это вовсе не земля, а «воздух», прямо из которого где-то в виртуальном финансовом пространстве и делаются миллионы. Но проблема финансовых гениев России в том, что даже здесь нельзя все спилить просто так, а надо все-таки и там, на земле, хоть что-то построить и как-то за это отчитаться. Вот зачем им, главным образом, и нужна «вертикаль власти». Внизу тоже нужны абсолютно лояльные назначенцы, а не какие-то внесистемные шестуны.

Сценарий для остросюжетного фильма про Шестуна я бы, в самом деле, взялся написать, но что с ним будет в реальности — я не знаю. Выборы мэра Серпухова назначены на осень, и дай бог, чтобы Шестун до них вообще дожил, все-таки у него четверо детей, мал мала меньше.

ВОЗМОЖНОСТИ ПРОГРЕССИВНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

*С.А. Пашин,
к.ю.н., профессор НИУ ВШЭ,
член Независимого экспертно-правового совета,
федеральный судья в отставке*

Если поставлена задача предотвратить (затруднить) неправомерное, а также замаскированное под законное, но нелепое, несправедливое уголовное преследование, необходимо иметь в виду и готовить два типа возможных преобразований.

Первый тип преобразований связан с изменением существующего режима властвования в сторону укрепления основ конституционного строя Российской Федерации, конкретнее федеративного государственного устройства России, а также принципа разделения властей. Условия реализации программы таких изменений лежат не столько в юридической, сколько в политической плоскости, что не позволяет рассчитывать на их сознательное быстрое одобрение.

Вторая из рассматриваемых разновидностей преобразований связана с пробуждением воли главы государства к возобновлению демократической судебной реформы, основанной на идеях, закладывавшихся в Концепцию судебной реформы 1991 года. Соответствующие мероприятия, требующие правовой, образовательной и организационной разработки и поддержки, могут иметь политические последствия лишь с течением времени. Они затрагивают сиюминутные интересы не политического класса, но лишь ведомств, а следовательно, могут быть успешно проведены твердой рукой истинного реформатора, берущего пример с царя-Освободителя.

Современная судебная реформа требует изменения подхода к распределению власти между федеральным центром и субъектами Российской Федерации. В 90-е годы прошлого века, когда закладывались представления о нужном России конституционном порядке, из страха перед «парадом суверенитетов» возобладало мнение о необходимости жесткого централизованного управления страной, причем правоохранительным органам и отчасти судам отводилась роль каркаса всей пирамидальной системы и функция противостояния сепаратизму. Типичные опасения в те времена вытекали из непредсказуемости поведе-

ния местных элит, от которых ничего хорошего не ждали ни с точки зрения лояльности, ни с позиций защиты прав населения. Однако страна наша так велика и разнообразна, что ни из Москвы, ни из столиц федеральных округов невозможно эффективно обеспечивать благосостояние народа, хотя, разумеется, отнимать и перераспределять ресурсы не столь сложно. Сегодня, как представляется, можно опробовать иную, противоположную логику: жизнь людей следует обустроить прежде всего на местах, «у корней травы»; бремя мелких забот должно быть снято с федерального центра и передано региональным властям.

Следствием децентрализации правоохранительной и судебной деятельности будет более взвешенный, учитывающий местную ситуацию подход к уголовному преследованию отдельных лиц, прежде всего известных в регионах «органовладельцев».

Децентрализация власти в правоохранительной и судебной сферах предполагает серьезные конституционные изменения вплоть до предоставления субъектам Российской Федерации права принимать собственное уголовное, гражданское законодательство, свои уголовно-процессуальные кодексы. В области уголовного законодательства нужно подразделить наказуемые деяния: на преступления и проступки, на федеральные и «штатные» преступления. Соответственно, часть из этих деяний окажется подведомственной федеральным, а часть — региональным правоохранительным органам; таким же образом окажутся изменены правила подсудности уголовных дел. **Суд по делам федеральной категории должен выглядеть как обращение центральной власти в лице прокурора к местному населению с просьбой поддержать позицию государства в вопросе о виновности члена данного сообщества и необходимости его наказания.**

Правоохранительную вертикаль, уместную в федеральной армии, следует заменить на систему, при которой наряду с относительно небольшим аппаратом общенациональных органов правопорядка, прокуратуры и предварительного расследования будут действовать автономные полицейские силы и органы уголовного преследования субъектов Российской Федерации. Структуру, численность и персональный состав данных подразделений должны определять органы власти на местах. Стоит опробовать и такие экзотические для нас способы формирования руководства полиции, как выборы начальников соответствующих подразделений («шерифов») местным населением на определенный срок. Компетенция центральных и местных полицейских сил должна быть строго разграничена.

Анализ материалов в отношении конкретных людей, подвергшихся уголовному преследованию, позволяет выявить некоторые типичные инструменты и даже технологии деятельности правоохранительных органов, которые нуждаются в корректировке либо полной замене.

Оперативно-розыскная деятельность

Прежде всего, видна **особая роль непроцессуальных, оперативно-розыскных методов в уголовном преследовании**. С точки зрения Конституционного Суда Российской Федерации, отраженной в определении от 24 ноября 2005 года № 448-О по жалобе В.А. Каланчева, «результаты оперативно-розыскных мероприятий являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые... могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем, а именно на основе соответствующих норм уголовно-процессуального закона...». Поэтому едва ли не главными мероприятиями судебной реформы оказываются **отказ от столь широкого использования агентурных и других негласных источников информации**, установка барьеров на пути превращения в доказательства результатов оперативно-розыскной деятельности, не подвергшихся проверке в ходе гласного и состязательного судоговорения. **Должны быть сильно ограничены правовыми рамками возможности пресловутого оперативного сопровождения процессов, особенно если речь идет о суде с участием присяжных заседателей**.

К этому вопросу близки также всякого рода ведомственные практики, предопределяющие исход дела. Так, весьма распространено использование «штатных» понятых, кочующих от одного следственного действия к другому, из дела в дело. Как правило, это лица, связанные с правоохранительными органами тесными узами, небескорыстные «доверенные лица», агенты и осведомители. Возможно, стоит в протоколах предусмотреть графу, куда заносилось бы заявление понятого о его предыдущем участии (неучастии) в производстве следственных действий на протяжении ближайшего календарного года. Нельзя признать объективной экспертизу, проводимую учреждениями органов государственной безопасности и внутренних дел, заинтересованных в исходе уголовного дела. Нужно обеспечить условия для внедрения в судах экспертизы на состязательных началах.

Подследственность

Другая серьезная проблема — это инициатива привлечения некоторых категорий граждан к уголовной ответственности, исходящая не от местных правоохранительных органов, а от вышестоящих структур. Думается, **возбуждение уголовного дела и дальнейшее уголовное преследование граждан должно регламентироваться таким образом, чтобы именно местные органы власти имели приоритетные полномочия по данным вопросам**; в частности, нужно исключить случаи получения разрешения на оперативно-розыскные мероприятия в других регионах, а также задержание лиц командированными сотрудниками ФСБ и полиции.

Заключение под стражу

Красной нитью во всех материалах проходит проблема заключения под стражу как метода оказания давления на подозреваемых и обвиняемых. **Назрела потребность провозгласить в уголовно-процессуальном и конституционном законодательстве право человека находиться на свободе до суда, если не будет доказана необходимость его ареста как единственно применимой в данном исключительном случае меры пресечения.** Стоит четко определить, юрисдикция какого суда по уголовным делам распространяется на какую территорию. Соответственно, задержание лица силами правопорядка других регионов не должно производиться, во-первых, без вынесения постановления о задержании; во-вторых, без утверждения этого постановления местным судьей. Судьи региона, где фактически производится взятие человека под стражу, должны санкционировать исполнение постановления о заключении лица под стражу, вынесенное судьей другого региона. Данная новелла закона способствовала бы лучшему соблюдению в России требований habeas corpus.

Практически во всех западноевропейских государствах, в США и Канаде действует в той или иной форме **«правило 100 дней»**, предполагающее краткие сроки предварительного заключения и передачу дела в суд в течение 30–100 суток после ареста обвиняемого. Обвинение также предъявляется в кратчайшие сроки, иногда – перед судьей. Нам необходимо ориентировать правоохранительные органы на неожиданные для их сотрудников мысли: прежде чем арестовать человека, нужно собрать доказательства его виновности, а не наоборот; заключение под стражу – не средство получить признание и отыскать с помощью узника улики против него, а очень редкая и неизбежная в данном случае превентивная мера, никакого отношения к доказыванию не имеющая. Следует резко сократить сроки пребывания лица под стражей до суда, ограничив их на первых порах шестью месяцами, а затем тремя месяцами; обвинение должно предъявляться по всем уголовным делам в течение 72 часов после фактического заключения обвиняемого (подозреваемого) под стражу.

При решении вопроса о заключении под стражу и продлении срока содержания под стражей судьей должно быть доступно исследование вопросов обоснованности подозрения (обвинения) путем допроса потерпевшего и свидетелей, экспертов и специалистов, чего нынешняя статья 108 УПК не предполагает.

Возбуждение и прекращение дел

При возбуждении уголовных дел обвиняемые лишены возможности оспорить обоснованность соответствующих постановлений. «При рассмотрении доводов жалобы на постановление о возбуждении уголовного дела... судья не вправе давать правовую оценку действиям подозреваемого, а также собранным материалам

относительно их полноты и содержания сведений, имеющих значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, поскольку эти вопросы подлежат разрешению в ходе предварительного расследования...» — говорится в пункте 16 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Данное разъяснение, бесспорно, парадоксальное, поскольку в ответ на жалобу стороны защиты на отсутствие материалов, позволяющих возбудить уголовное дело, судья обязан ответить, что оценка достаточности материалов — это компетенция следователя, на которого, собственно, и жалуется сторона защиты. Круг замкнулся.

Очевидно, что данное разъяснение умаляет возможности и авторитет судебной власти, а потому должно быть отменено. Судья не вправе решить на данном этапе, виновен ли подозреваемый (обвиняемый), но нет никаких препятствий для установления достаточности доказательств (проверочных материалов) для целей возбуждения уголовного дела. Возбуждение уголовного дела в отношении лица не предрешает его виновности, точно так же как констатация необоснованности возбуждения уголовного дела не равнозначна оправданию подозреваемого.

Ни по одному из изученных материалов не применялась норма о возможности прекращения уголовного дела ввиду изменения обстановки, то есть по причине утраты общественной опасности обвиняемым либо его деянием. Позволяющая прийти к такому решению статья 26 УПК утратила силу с принятием Федерального закона от 8 декабря 2003 года № 161-ФЗ¹. Равноценной замены этой норме не нашлось, поскольку аналогичная ей статья 801 УК Российской Федерации не допускает прекращения уголовного дела в ходе предварительного расследования, но разрешает только освободить подсудимого от наказания. Целесообразно восстановить соответствующее основание для прекращения уголовных дел и, наряду с прочими гражданами, **защитить таким образом лиц из группы «позитивного» риска, которым порою ставятся в вину социально полезные поступки.**

Нужно допустить усмотрение (дискрецию) органов уголовного преследования, в особенности прокуратуры, при решении вопроса о передаче уголовных дел на рассмотрение суда. Данное предложение опасно с точки зрения возможного поощрения коррупции, но его реализация способна предохранить граждан от втягивания их в механизм уголовного судопроизводства по надуманным или незначительным обвинениям.

Правоохранительные органы при оценке качества их деятельности должны поощряться, когда конфликт в обществе преодолен без уголовного преследования (идея экономии мер уголовной репрессии), когда уголовное дело пре-

1 См.: Федеральный закон от 8 декабря 2003 года № 161-ФЗ «О приведении Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и других законодательных актов в соответствие с Федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2003. — № 50. — Ст. 4847.

крашено по результатам медиации либо ввиду изменения обстановки. Такой подход созвучен положениям части 2 статьи 6 УПК, в которых отразилось мнение законодателя о ценности отказа от уголовного преследования.

Дефекты судебной защиты

Статья 46 Конституции Российской Федерации гарантирует людям судебную защиту. Однако средства такой защиты, как видно из наших историй, оказываются малоэффективными. **Суды демонстрируют солидарность с органами уголовного преследования, отклоняют многие ходатайства стороны защиты, работают конвейерно.** В ряде случаев видно, что судьи по известным им причинам стремятся подчеркнуть свою подавляющую власть, не останавливаясь перед унижением достоинства подсудимого. Например, Татьяна Казакова при оглашении приговора судьей районного суда не только была выставлена на несколько часов в металлической клетке, но ее также заковали в наручники. Несоразмерное, произвольное, демонстративное, лишенное разумных оснований и правового содержания ограничение прав и свобод человека, к сожалению, является визитной карточкой отечественного суда по делам данной категории.

В связи с данной проблемой нужно разорвать технологии конвейерного уголовного преследования за счет введения в ткань процесса народного элемента.

Используя положительный опыт других стран, российский законодатель мог бы, например, обратиться к институтам большого жюри (США) либо магистратов — мировых судей (Англия), которые проводят предварительное слушание уголовных дел для решения вопроса о предании обвиняемого суду. И члены большого жюри, и английские магистраты — это представители местного населения, работающие, как правило, на общественных началах. В России к заседаниям большого жюри можно было бы привлекать кандидатов в присяжные заседатели, благо их общие и запасные списки составлены повсеместно; функции магистратов могли бы исполнять почетные мировые судьи, призываемые на 1—2 месяца в году из числа не состоящих на государственной и муниципальной службе юристов. Важно, чтобы обвиняемый предавался суду не тем судьей, который будет впоследствии разбирать его дело по первой инстанции.

Наконец, настало время распространить деятельность суда с участием присяжных заседателей на уголовные дела о тяжких и особо тяжких преступлениях, под судные ныне районным судам, а также предоставить право предстать перед судом народа всем обвиняемым, заявившим по таким делам о своей невинности. Местное население лучше «коронных» судей разберется в справедливости выдвигаемых против жителей данного региона обвинений. На первых порах соответствующие нормы могут быть распространены на отдельные категории обвиняемых, речь о которых идет в статьях 281, 108, 447 УПК Российской Федерации.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СУДОУСТРОЙСТВА

*В.И. Радченко,
к.ю.н., доцент Московской государственной
юридической академии,
заместитель председателя
Верховного Суда РФ в отставке*

Конструкция государственной власти в СССР, построенная на отрицании принципа разделения властей, даже теоретически отводила судам подчиненную роль в системе власти Советов: суды формировались ими и были перед Советами подотчетны. Независимость судов ограничивалась прокурорским надзором, а самостоятельность — организационным руководством со

стороны Министерства юстиции, что давало местным органам власти возможность влиять на судей через свои органы юстиции. На практике решающая роль принадлежала партийным структурам, которые вполне официально ставили судам задачи в различных областях правоприменения и через свой аппарат контролировали их выполнение.

Судостроительство определялось ролью, отведенной судам в советском государстве. Поскольку им были подведомственны только рассмотрение уголовных дел, разрешение мелких бытовых конфликтов и ограниченный круг гражданских дел, требовалась система, обеспечивающая недорогое, быстрое и соответствующее потребностям правящей партии правосудие. Особенностью судебной системы были отсутствие апелляционного производства и нагромождение четырех уровней надзорного производства (президиумы судов областного уровня, судебные коллегии и затем президиумы верховных судов союзных республик, Верховный Суд СССР), а также сочетание в вышестоящих судах сразу трех судебных инстанций — первой, кассационной и надзорной.

Теоретически такая система должна была обеспечить соблюдение законности при рассмотрении уголовных и гражданских дел, а фактически **одной из це-**

лей было получение нужного политической власти результата при рассмотрении общественно значимых дел. Советское судоустройство, в сочетании с зависимостью судей от прокуроров и местных органов власти, приводило к обратному от ожидаемого результату. **Сформировался и усиливался обвинительный уклон в уголовном правосудии:** если в 1961 г. было оправдано 2,3 процента подсудимых, то к началу перестройки (1984–1985 гг.) – всего 0,2 процента. Суды были отстранены от рассмотрения экономических споров, отсутствовало административное судопроизводство (спору с властью решало вышестоящее начальство). Более или менее сложные гражданские конфликты в результате неоднократных отмен судебных решений в многочисленных надзорных инстанциях с направлением дел на новое судебное рассмотрение по 5–7 лет так и не получали окончательного решения.

Зависимое положение судьи особенно ярко проявилось в системе показателей, от которых зависело и поощрение судей, и их карьерный рост, и возможность быть переназначенным на должность судьи на следующий срок. Основным из них считалась так называемая «стабильность приговоров и решений», т.е. процент отмененных и измененных кассационной инстанцией судебных постановлений к числу обжалованных сторонами или опротестованных прокурором. При таких условиях **судья выносил решение, исходя не из собственной трактовки закона, а пытаясь угадать позицию кассационной инстанции.**

Еще одной негативной чертой советского судоустройства было возложение на вышестоящие суды (и прежде всего суды областного уровня) ответственности за состояние правосудия в целом по региону. Поскольку это состояние оценивалось в зависимости от количества измененных и отмененных судебных решений, вынесенных районными судами, кассационные инстанции, проявляя принципиальность, портили свои собственные показатели. По этой причине многие приговоры и решения, заслуживающие отмены или изменения, оставались судами второй инстанции без изменения.

Ввиду отсутствия независимости судей суды и де-факто и де-юре не могли рассматриваться в качестве судебной власти.

Поэтому главной задачей первоначального этапа судебной реформы являлось создание в России самостоятельной судебной власти. На первом плане находились вопросы обретения судьями независимости, восстановление полноты судебной компетенции, внедрение состязательности в отечественное судопроизводство, устранение прокурорского надзора за судами и законодательных возможностей давления на суды со стороны других ветвей власти. В это время реформирование судоустройства оказалось отодвинуто на второй план.

Однако становилось очевидным, что устаревшее судоустройство становится тормозом судебной реформы. Отражением этого понимания явилась резолюция II Всероссийского съезда судей, состоявшегося 29–30 июня 1993 года, «О ходе судебной реформы», которая, в частности, постановила признать необходи-

МЫМ:

« • восстановление апелляционного производства для пересмотра судебных решений, несправедливых с точки зрения фактических обстоятельств дела. При этом апелляционная судебная инстанция полностью берет на себя ответственность за вынесение нового судебного решения, проверяя фактические обстоятельства дела (в том числе по дополнительно представленным доказательствам) и одновременно устраняя допущенные первой судебной инстанцией нарушения материального и процессуального закона;

• упразднение надзорного производства и восстановление подлинной кассации как формы проверки неокончательных решений по формальным основаниям (грубое нарушение форм судопроизводства или неправильное применение норм материального закона)».

Позднее эту позицию в марте 1994 года подтвердил III внеочередной Всероссийский съезд судей, предложив, в частности, учредить четыре уровня федеральных судов общей юрисдикции, включая федеральные окружные суды.

Наиболее последовательно реформа судоустройства была проведена в арбитражных судах. Помимо судов первой инстанции (суды субъектов Федерации) учреждены 20 апелляционных судов и 10 окружных кассационных судов. В качестве суда надзорной инстанции выступает Высший арбитражный суд. Таким образом, удалось покончить с болезнью советской судебной системы, когда в одном судебном учреждении функционировали разные судебные инстанции, одни из которых проверяли законность решений, принятых другими, что ставило под сомнение беспристрастность правосудия.

В судах общей юрисдикции в основном сохраняется судоустройство, сформировавшееся в советский период. Дополнение системы судами присяжных и мировыми судьями не изменило основ организации правосудия в этих судах. Соответственно, **сохранились многие из дефектов советского правосудия.** Отчасти такое отставание в реорганизации можно объяснить острым кризисом финансирования в 90-х годах прошлого века, когда судам не хватало средств даже для обеспечения текущей деятельности. После 2000 года проблемы финансового порядка были решены, однако организации современной системы судоустройства не случилось, что, соответственно, сохранило ряд пороков системного характера в судопроизводстве, установленном новым УПК РФ.

Можно выделить **пять проблем судоустройства судов общей юрисдикции**, отрицательно влияющих на состояние правосудия:

- сохранение в рамках одного суда под общим руководством одного председателя нескольких судебных инстанций;
- несовершенство второй инстанции, отсутствие апелляционного производства, в результате чего пересмотр судебных решений зачастую становился формальным ввиду недостаточного объема исследуемого материала;
- сохранение оценки деятельности судей в соответствии с количеством из-

мененных и отмененных судебных постановлений;

- уязвимый статус мировых судей;
- необоснованно завышенная подсудность у мировых судей, что приводит к непомерно высоким нагрузкам, отрицательно сказывающимся на качестве рассмотрения дел.

К этим недостаткам следует добавить отсутствие предварительного обучения судей, впервые назначенных на должности.

Весьма проблематичной выглядит также практика, когда суды областного звена неофициально отвечают за качественные показатели работы районных судов и мировых судей.

***

Конструкция судов общей юрисдикции порождает проблемы, влияющие и на независимость судей, и на объективность правосудия.

Сегодня в Российской Федерации рассмотрение дел по первой инстанции как по уголовным, так и по гражданским делам распределено по всем четырем уровням судов – от мировых судей до Верховного Суда Российской Федерации, в зависимости от того, насколько важной счел законодатель ту или иную категорию дел. В судах областного уровня, в единой административной единице, сосуществуют первая инстанция; вторая инстанция (проверка судебными коллегиями законности и обоснованности решений, вынесенных районными судами); надзорная инстанция – президиум суда, проверяющий законность судебных постановлений, вступивших в законную силу, включая кассационные определения своей второй инстанции. Особенность президиума суда этого уровня – в его состав кроме председателя суда входят заместители председателей областного суда, которые одновременно руководят судебными коллегиями по уголовным и гражданским делам, и несколько судей, для которых основная работа в перерывах между заседаниями президиума – рассмотрение дел по второй инстанции. Таким образом, **возникает неправовая заинтересованность в сохранении без изменения оспариваемых решений, принятых судебными коллегиями по второй инстанции.**

Схожее положение в Верховном Суде РФ. Судебные постановления, принятые его коллегиями, обжалуются в Кассационную коллегию Суда, которая состоит из судей тех же коллегий. Президиум Верховного Суда состоит из председателя суда, его заместителей, которые осуществляют руководство коллегиями, и нескольких председателей судебных составов коллегий Верховного Суда. Хотя член Президиума не может участвовать в рассмотрении дела в порядке надзора, если он принимал решение в суде второй инстанции, возникают поводы для сомнений в беспристрастности этого надзорного суда, поскольку в порядке надзора Президиум рассматривает только решения, которые предварительно

были предметом рассмотрения в судебных коллегиях Верховного Суда.

Сохранение в судах общей юрисдикции системы взаимоотношений, сложившихся в советские годы, способствовало консервации старых дефектов судебной практики и появлению новых.

Критика, высказывавшаяся в начале судебной реформы в адрес судов в связи с фактическим исчезновением из судебной практики оправдательных приговоров (0,7 процента от числа осужденных в 1990 году), сохраняет свою актуальность, поскольку **доля оправданных в последние годы колеблется на отметке менее одного процента.** При этом следует учитывать, что в дореформенный период примерно каждое десятое дело из поступавших в суд с обвинительным заключением возвращалось прокурору для дополнительного расследования. Почти половина из них прекращалась по различным основаниям. В настоящее время **институт доследования упразднен, но ожидавшегося увеличения оправдательных приговоров не последовало.**

По мнению некоторых практических работников, негативную роль в создавшемся положении сыграли кассационные и надзорные инстанции, которые отменяли оправдательные приговоры при малейших сомнениях (своеобразная «**презумпция виновности**»). Это мнение подтверждается судебной статистикой. В 2009 году районные суды, рассматривающие основной массив дел, оконченных предварительным следствием и дознанием, оправдали 1844 подсудимых, или 0,3% от числа осужденных. В том же году кассационные инстанции судов субъектов Федерации **отменили оправдательные приговоры в отношении 765 человек, или 42% от числа оправданных.** Для сравнения: в тот же период времени было отменено менее 2% обвинительных приговоров. Поскольку профессиональная оценка судей, работающих на первой инстанции, зависит прежде всего от количества отмененных второй инстанцией приговоров и решений, они **далеко не всегда решаются оправдывать подсудимых даже при наличии сомнений в доказанности их вины, опасаясь отмены оправдательного приговора.**

Система порождает обвинительный уклон в судебной практике, который привел к тому, что Россия оспаривает у США мировое лидерство по численности тюремного населения в расчете на 100 тыс. жителей, многократно опережая по этому показателю европейские государства. На протяжении последних лет **тюремное население стабильно держится вблизи отметки в 800–900 тыс. человек.** Между тем, начиная с 2006 года, по данным МВД РФ, **преступность в России ежегодно сокращается и к 2010 году снизилась на треть,** при этом удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений сократился с 30% до 26%. Отмечается двукратное сокращение умышленных убийств. Количество зарегистрированных краж за этот период сократилось на 30%, грабежей – на 42%, разбойных нападений – на 50%.

Причинами высокой численности заключенных стали:

- сложившаяся десятилетиями практика назначения длительных сроков лишения свободы, меры наказания ниже года лишения свободы судами не востребованы;
- суды не рассматривают лишение свободы как крайнюю меру, применяемую только при невозможности назначить наказание, не связанное с лишением свободы;
- условно-досрочное освобождение передано целиком на усмотрение судей и нередко искусственно сдерживается, при отсутствии четких критериев применения этой льготы.

Подобная практика ведет к деформации социальной структуры общества (возрастание доли ранее судимых), ложится тяжелым бременем на экономику страны, создает среду для подпитки организованной преступности кадрами, прошедшими школу тюремного воспитания.

К сожалению, суды общей юрисдикции проявляют консерватизм и неповоротливость даже тогда, когда получают от политического руководства достаточно ясные послылы о необходимости гуманизации судебной практики. В ноябрьском (2008 год) послании Федеральному Собранию **Президент Российской Федерации Д. Медведев обратил внимание судов на необходимость проявлять осторожность при назначении наказания в виде лишения свободы, а также при избрании меры пресечения в виде содержания под стражей.** Пленум Верховного Суда РФ принял после этого два постановления о судебной практике по избранию мер пресечения и по условно-досрочному освобождению с разъяснениями, соответствующими содержанию президентского послания. Однако **численность тюремного населения до 2011 года оставалась неизменной**, несмотря на упоминавшееся выше сокращение преступности. Произошло только незначительное сокращение применения ареста в качестве меры пресечения (примерно на 10%), что обусловлено соответствующим снижением числа ходатайств органов следствия о применении этой меры пресечения ввиду сокращения преступности.

Представляется, что в судоустройстве судов общей юрисдикции назрели перемены, которые прежде всего должны привести к выделению инстанций, рассматривающих жалобы на судебные постановления нижестоящих инстанций, в организационно самостоятельные суды. Целесообразно также отказаться от оценки качества работы этих судов в зависимости от уровня отмененных и измененных судебных решений нижестоящих инстанций.

Введение апелляции тесно связано с проблемой сроков рассмотрения уголовных, гражданских и административных дел в судах первой инстанции. В действующем процессуальном законодательстве предусмотрены весьма сжатые сроки их рассмотрения. В случае неполноты рассмотрения дела инстанции, пересматривающие дело, отменяют судебные постановления с направлением дел на новое судебное рассмотрение. Так, кассационные инстанции судов областного звена в 2009 году отменили приговоры с направлением на новое рас-

смотрение в отношении 10,4 тыс. человек, из них ввиду мягкости назначенного наказания – 1,2 тыс. человек. В надзорном порядке президиумы судов уровня субъекта Федерации отменили дополнительно 1,2 тыс. приговоров с направлением дел на новое рассмотрение в суды первой инстанции..

Апелляционное производство не предусматривает возвращения дела в районный суд на новое рассмотрение по первой инстанции. Таким образом, апелляционным инстанциям областных судов придется рассматривать по существу с объемом исследования, близким к производству в суде первой инстанции, примерно 10 тыс. уголовных дел и приблизительно столько же дел гражданских. По мнению некоторых практиков, **одной из причин неполноты исследования обстоятельств дел является спешка с целью не допустить нарушения установленных процессуальным законом сроков. Сохранение этих сроков может создать кризисную ситуацию в апелляционных инстанциях**, поскольку будет порождать неполноту судебного следствия в районных судах, которую с большой затратой времени и средств придется восполнять во второй инстанции. Вероятно, в интересах более полного исследования в суде первой инстанции по многим категориям дел **следует пойти на значительное увеличение этих сроков, а также изменить критерии оценки причин, по которым эти сроки нарушаются.**

***

Нуждается в модернизации система обжалования судебных решений и, соответственно, система судебных инстанций, рассматривающих жалобы.

Основным видом рассмотрения дел в судах второй инстанции является кассационное производство, судебные постановления мировых судей проверяются в апелляционном порядке. Судебные постановления, вступившие в законную силу, могут быть пересмотрены в надзорном порядке.

Российская кассация в судах общей юрисдикции практически не изменилась с советских времен. Ее полномочия представляют собой симбиоз кассации в классическом ее понимании и некоторых элементов апелляционного производства. Объем элементов апелляции в уголовном судопроизводстве отличается от производства при рассмотрении жалоб по гражданским делам. Например, ГПК РФ позволяет суду устанавливать новые факты, если доказательства не могли быть представлены стороной в суд первой инстанции, УПК РФ подобных прав сторонам не предоставляет. При таких условиях **кассационный суд, имея более или менее полные возможности для проверки вопросов права, в уголовном процессе полностью лишен возможности проверки фактической стороны дела.** Поэтому при рассмотрении дела кассаторы полагаются на протокол судебного заседания, а также на документы, приобщенные к делу и исследованные судом первой инстанции. Протокол не является стенограммой судебного заседания, он представляет, как правило, изложение судебного процесса, за-

писанное секретарем судебного заседания, с возможными ошибками и искажениями, связанными с субъективными особенностями восприятия секретарем сказанного или произошедшего в суде. Отсутствие полноценной апелляции приводит к тому, что пересмотр судебных решений приобретает формальный и недостаточный по объему исследования материала характер.

Апелляционная проверка решений мировых судей проводится федеральными судьями районных судов. Основным ее недостатком является то, что процесс ведется судьей единолично, что повышает вероятность субъективной ошибки при менее полном, чем в суде первой инстанции, исследовании материалов дела, особенно при отмене оправдательного приговора и вынесении обвинительного вердикта, а также при ином повороте к худшему. Поскольку переход к рассмотрению дел в апелляционном порядке коллегией из трех судей в районном суде в обозримом будущем вряд ли возможен по экономическим причинам, представляется целесообразным дополнить УПК РФ нормой, допускающей поворот к худшему единоличным судьей в апелляционном суде только при полном исследовании доказательств, исследованных мировым судьей.

Действующая система пересмотра судебных решений вступила в противоречие с принципом окончательного характера или юридической определенности судебных решений, поскольку отмена и изменение вступивших в законную силу судебных постановлений в порядке надзора в многочисленных надзорных инстанциях прочно укоренились в российской судебной практике. Несоответствие создавшегося положения общепризнанным нормам права неоднократно констатировалось в решениях Европейского суда по правам человека (например «Рябых против России, 2002 г.»). В этой связи можно только приветствовать предстоящее упразднение надзорных инстанций в судах субъектов Федерации. Пересмотр дел в порядке надзора следует сосредоточить в Верховном Суде РФ, поскольку полное исчезновение надзорных функций чревато разрушением единого правового поля страны, учитывая ее размеры, многонациональный и многоконфессиональный состав ее населения. Отказ от надзорных полномочий высшего судебного органа лишил бы Федерацию эффективного средства защиты прав человека от возможных нарушений этих прав в ее субъектах.

Представляется, что пересмотр судебных решений должен последовательно осуществляться в апелляционной, кассационной, а в исключительных случаях и в надзорной инстанциях. Соответственно, система судов общей юрисдикции и их полномочия будут выглядеть следующим образом:

- мировой судья, полномочия – рассмотрение дел по первой инстанции;
- районный суд – рассмотрение дел по первой инстанции, а также апелляционная инстанция для решений мировых судей;
- суд областного звена – рассмотрение особо сложных дел по первой ин-

станции, кассационная инстанция для рассмотрения апелляционных решений районных судов, апелляционная инстанция для пересмотра дел, рассмотренных районными судами по первой инстанции. Надзорные функции суда упраздняются, президиум суда действует в качестве организационно-распорядительного органа;

- окружной суд (новое звено) – кассационная инстанция для решений, вынесенных апелляционной инстанцией судов областного звена, апелляционная инстанция для первой инстанции судов областного звена. Целесообразно также передать в их юрисдикцию рассмотрение по первой инстанции дел, ныне подсудных Верховному Суду РФ;

- Верховный Суд РФ действует в составе трех коллегий (по уголовным, гражданским делам и военной) и Надзорной палаты. Коллегии осуществляют апелляцию и кассацию в отношении решений окружных судов и судов военных округов и флотов. Они также рассматривают в порядке надзора дела, рассмотренные по первой инстанции районными судами, при наличии к тому надзорных поводов. Надзорная палата Верховного Суда осуществляет надзор за делами, рассмотренными судами областного звена, окружными судами и судами военных округов и флотов по первой инстанции, а также выступает в качестве суда кассационной инстанции в отношении дел, рассмотренных коллегиями Верховного Суда в апелляционном порядке. В состав Надзорной палаты не могут входить судьи, состоящие в коллегиях Суда.

Следует иметь в виду, что **податель надзорной жалобы или представления не имеет прямого доступа к суду**, возбуждение надзорного производства зависит от усмотрения судьи, проверяющего доводы надзорного обращения. Дискреционные полномочия судьи в этом случае не противоречат праву на доступ к правосудию, поскольку институт надзора носит экстраординарный характер, он нацелен на обеспечение единства судебной практики в случаях существенного нарушения фундаментальных норм материального и процессуального права.

Легко прогнозировать, что количество надзорных жалоб будет велико, а это не исключает возможности ошибочных решений со стороны судей при отклонении жалоб. Поэтому для повышения гарантий соблюдения законных интересов заявителей, следует сохранить право председателя Верховного Суда и его заместителей отменить постановление судьи об отказе в удовлетворении жалобы и возбудить надзорное производство.

Особо следует остановиться на проблеме формирования окружных судов. Это наиболее затратная и сложная в организационном отношении часть проекта изменения судоустройства.

Альтернативой является наделение существующих президиумов судов областного звена полномочиями кассационной инстанции вместо надзорной функции. Однако соединение кассационной инстанции с апелляционной ин-

станцией, чьи решения будут ею проверяться, в рамках **одного суда, возглавляемого председателем, отвечающего по российской судебно-административной традиции за качество работы всех своих судебных инстанций**, не даст необходимого эффекта. Существует опасность, что при кассационном пересмотре дел в этом случае **возобладают не интересы права, а интересы обеспечения приличных показателей работы** нижестоящих инстанций.

Поскольку в кассации суд проверяет только вопросы права, преобладающей должна стать письменная форма кассационного производства, особенно при рассмотрении кассационных жалоб по гражданским делам. Поскольку объем работы в окружных судах при предлагаемой системе будет значительно меньше, чем в судах областного звена, а производство будет иметь преимущественно письменную форму, целесообразно образование одного кассационного суда для нескольких субъектов Федерации, кроме тех, в которых население превышает 4–5 млн человек.

Система военных судов не нуждается в организационных изменениях, введение апелляционного производства и обновленной кассации возможно в рамках ныне существующих судов.

***

Нуждаются в изменении и некоторые положения, касающиеся института мировых судей. Введенный Федеральным законом от 17 декабря 1998 года, этот институт положительно себя зарекомендовал, помог решить ряд насущных проблем правосудия: нормализовал нагрузку в районном звене судов общей юрисдикции, создал условия для комплектования федеральных судов более подготовленными кадрами, приблизил правосудие к населению.

Выдающийся российский правовед А.Ф. Кони справедливо отмечал, что к судье **«следует предъявлять высокие требования не только в смысле знания и умения, но и в смысле характера, но требовать от него героизма невозможно. Отсюда необходимость оградить его от условий, дающих основание к развитию малодушия и вынужденной угодливости»**. В этом плане особенно уязвим статус мировых судей.

Федеральный закон о мировых судьях предусматривает, что **мировой судья может по усмотрению субъекта Федерации либо избираться населением, либо назначаться (избираться) представительным органом субъекта. Все субъекты избрали путь назначения судей своими законодательными органами**. Учитывая, что мировой судья впервые назначается на срок до пяти лет, а потом на срок более пяти лет, но не пожизненно, как федеральные судьи, его независимость становится проблематичной.

Продление полномочий мировых судей относится к компетенции законодательных органов субъектов Федерации. Во многих случаях депутаты этих

органов тесно связаны с местными органами исполнительной власти, у которых нередко возникают конфликты с субъектами гражданского общества, разрешаемые в мировых судах. Поэтому **мировой судья находится в ситуации определенной зависимости и от мнения депутатов, и от мнения исполнительной власти, и в известной мере от правоохранительных органов, мнение которых о работе судьи нередко учитывается при его переназначении на новый срок. Профессиональные качества при этом играют далеко не первостепенную роль**, мировой судья вынужден выбирать такую линию поведения, которая позволяет ему сохранять место работы при очередном переназначении на должность. Механизмов же защиты интересов судьи при отказе законодательного органа продлить его полномочия не существует, поскольку решение законодатель об отказе в назначении судьи на следующий срок оспариванию в судебных органах не подлежит.

Между тем в компетенции мирового судьи находятся дела, затрагивающие весьма существенные интересы граждан и организаций, и не только по уголовным делам, но и по делам об административных правонарушениях. Например, о лишении права управления автотранспортным средством на длительный срок, административном аресте, наложении штрафов, исчисляемых сотнями тысяч, а то и миллионами рублей, наложении взысканий на нарушителей при проведении массовых мероприятий, в том числе и несанкционированных властями, и т.п.

Очевидно, что для повышения объективности судей при рассмотрении судебных дел целесообразно изменение порядка продления полномочий судей. Представляется, что первое назначение мировых судей на должность можно производить в нынешнем порядке: избрание населением участка либо назначение представительным органом субъекта Федерации. Продолжительность пребывания судьи в должности — три года. В дальнейшем полномочия судьи продляются бессрочно, до наступления предельного возраста пребывания судьи в должности. Решение принимается квалификационной коллегией судей субъекта Федерации, которая, как известно, формируется из представителей судейского корпуса и представителей законодательного органа субъекта Федерации.

Передача решения вопроса о продлении полномочий мировых судей квалификационным коллегиям дает ряд преимуществ. Во-первых, за основу решения вопроса будут браться профессиональные качества судьи; во-вторых, на период первого срока судья освобождается от элементов зависимости от местных органов власти; в-третьих, существует устоявшийся порядок обжалования решений квалификационных коллегий в судебном порядке, что гарантирует судью от необъективного решения вопроса о его судьбе. Предлагаемое решение вопроса приведет также к известному выравниванию статуса мировых и федеральных судей, что будет соответствовать равенству их полномочий

при рассмотрении судебных дел.

Вторая проблема, требующая решения, это урегулирование вопроса о рассмотрении судебных дел на участке на период временного отсутствия мирового судьи либо если должность является вакантной. Согласно закону «О мировых судьях Российской Федерации» при прекращении или приостановлении полномочий мирового судьи, а также в случае временного отсутствия мирового судьи (болезнь, отпуск и иные уважительные причины) исполнение его обязанностей возлагается на мирового судью другого судебного участка того же судебного района постановлением председателя соответствующего районного суда. Если в данном судебном районе создана одна должность мирового судьи, то при постоянном или временном отсутствии мирового судьи исполнение его обязанностей постановлением председателя вышестоящего суда или его заместителя возлагается на мирового судью, осуществляющего свою деятельность в ближайшем судебном районе.

Данный порядок создает значительные трудности для перегруженных делами мировых судей, исполняющих дополнительно обязанности отсутствующего судьи, что не может не сказываться на уровне правосудия. Представляется ошибкой, что при возрождении института мировых судей **не был учтен позитивный опыт судебной реформы 1864 года в части компетенции и порядка исполнения обязанностей отсутствующего мирового судьи**. Тогда к подсудности мировых судей были отнесены мелкие гражданско-правовые споры, по уголовным делам – проступки и мелкие преступления, за которые полагалось наказание в виде выговора, замечания и внушения, денежного взыскания до 300 рублей, ареста до трех месяцев или лишение свободы в тюрьме до 1 года. Кроме штатных мировых судей **на участке действовали почетные (позднее замененные на добавочных) судьи, которые избирались всеобщим уездным собранием**.

Почетные мировые судьи не получали жалования, они заменяли мировых судей в случае их отсутствия либо рассматривали дела о спорах, если стороны обращались к ним с просьбой рассмотреть их спор. Добавочные судьи имели примерно те же полномочия, но за замещение отсутствующего мирового судьи получали жалование. Таким образом, не было необходимости привлекать к работе на участке судей с других участков. Кстати, нечто подобное было и в советском судеустройстве, пока в районных судах существовала участковая система. Тогда в случае временного отсутствия народного судьи его обязанности исполнял один из наиболее подготовленных в юридическом плане народных заседателей участка.

***

С принятием новых УПК и ГПК в российском судеустройстве была допущена ошибка стратегического характера – произошло фактическое упразднение

ние института народных заседателей.

Последствиями такого решения стали:

- бюрократизация правосудия;
- утрата общественного контроля за судебной деятельностью;
- для судей-коррупционеров (хотя масштабы этого явления преувеличены)

невозможно было сделать большего подарка, чем убрать из судебного процесса судей из народа.

Поверхностные взгляды на институт народных заседателей как на чисто декоративный, бесполезный для правосудия, противопоставление суда этих заседателей суду присяжных привели к решениям, изменившим природу отечественного правосудия. **Суд из народного стал судом чиновников.**

Следует отметить, что в развитых правовых системах суды, подобные нашему суду народных заседателей, довольно распространенное явление. Так, в немецких судах судьи из народа (шеффены) участвуют, наряду с профессиональными судьями, в рассмотрении дел не только по первой инстанции, но и по второй инстанции. **Отказ от суда народных заседателей привел к нарушению гарантированного статьей 32 Конституции РФ права граждан участвовать в отправлении правосудия.** Суды присяжных заседателей в этом смысле не могут выступать заменой, поскольку они рассматривают десятые доли процента от общего количества дел.

Конечно, не следует воспроизводить крайности советского периода, когда заседатели участвовали в рассмотрении каждого дела в народном суде, включая простейшие очевидные гражданские дела вроде взыскания алиментов. Суду с участием народных заседателей могли бы быть подсудны уголовные дела, по которым предусмотрено наказание в виде лишения свободы, а гражданско-правовые споры — в тех случаях, если этого пожелает одна из сторон конфликта.

Многие негативные явления, с которыми сталкивается общество в результате перекосов в судебной деятельности, и прежде всего **обвинительный уклон, не носили бы столь ярко выраженного характера при сохранении в системе правосудия института народного представительства.**

Сказанное выше не означает свертывания деятельности судов присяжных. Российский опыт сосуществования двух форм участия народных представителей в отправлении правосудия — присяжных заседателей и народных заседателей — доказал полезность сочетания деятельности обоих институтов.

ИСТОРИЯ ЧЕТВЕРТАЯ «ДЕЛА КУРТ-АДЖИЕВА»

*Материал Надежды Андреевой
(Новая газета. 2009. № 70)*

Сергей Курт-Аджиев

Первый раз контрафакт у Сергея Курт-Аджиева нашли весной 2007 года, накануне «Марша несогласных». 11 мая, в день, когда мэрия согласовала проведение мероприятия, в редакцию пришли сотрудники управления «К» областного ГУВД, унесли три имевшихся компьютера, сорвав выпуск номера. Узнали, что в соседней комнате работает агентство «Волгаинформ», и через полчаса приехали к ним. Забрали два компьютера. Как выяснилось, днем раньше, 10 мая, милиционеры побывали в Ассоциации по защите прав избирателей «Голос», выступавшей в поддержку «Марша».

О самарской редакции «Новой» правоохранители не забывали все лето 2007-го. Изъяли финансовую документацию за два года, посетили типографию, распространителей, рекламодателей, управление Росохранкультуры, занимавшееся регистрацией СМИ, и Союз журналистов, предоставлявший Курт-Аджиеву помещение для пресс-конференций.

В октябре «выстрелили» изъятые весной компьютеры: выяснилось, что еще в мае в отношении главреда возбудили уголовное дело по статье 146 УК «Нарушение авторских прав». Следствие посчитало, что в редакции использовалось контрафактное программное обеспечение Microsoft и «1С». В ноябре изъяли последний компьютер. Газета закрылась.

Заявление о привлечении Курт-Аджиева к уголовной ответственности подал региональный представитель ЗАО «1С» Александр Сударев. Экспертизу провел Владимир Серпухов. По его мнению, в компьютерах была установлена нелегальная «1С Предприятие 7.7 для SQL. Комплексная поставка» стоимостью 84 тысячи рублей. Редакция предоставила документы и установочные диски на другую программу «1С Бухгалтерия 7.7 стандартная версия» стоимостью 3 тысячи рублей. У Курт-Аджиева возник вопрос: как в компьютер попало то, что нашел в нем эксперт?

Дела в отношении «Волгаинформ» и ассоциации «Голос» спустя несколько месяцев прекратили за отсутствием состава преступления. Дело «Новой в Са-

маре» в марте 2008-го дошло до суда.

В июне с представителем потерпевшей компании «1С» случилась неприятность — Александра Сударева поймали с поличным при получении 400 тысяч рублей от муниципального предприятия «Самарагорпроект». За эти деньги он обещал предотвратить возбуждение уголовного дела по обвинению работников предприятия в использовании контрафактного ПО. По закону уголовное преследование возможно, только если стоимость пиратской программы превышает 50 тысяч рублей. Сударев уверял представителей муниципального предприятия (МП), что может занизить показатели ущерба. Директор МП рассказал обо всем руководству городской администрации Самары, которое, в свою очередь, связалось с ФСБ.

Первоначально представители ФСБ сообщали, что в деле, возможно, замешаны сотрудники милиции. Но под суд Сударев пошел один. Обвинение перекалифицировали со статьи «Коммерческий подкуп» на «Мошенничество», то есть следствие посчитало, что в реальности представитель правообладателей не мог влиять на процедуру возбуждения уголовного дела. Сударева приговорили к году лишения свободы условно.

Хотя уголовное дело в отношении Курт-Аджиева было инициировано именно Сударевым, прокуратура не увидела оснований не доверять показаниям мошенника. В июле 2008-го мировой судья Октябрьского района приговорил бывшего главреда к штрафу в 15 тысяч рублей.

Он обжаловал обвинительный приговор в федеральном суде Октябрьского района. Редакционные компьютеры направили на повторную экспертизу в лабораторию судебной экспертизы Минюста. Эксперт Валерий Трегуб сделал вывод о том, что достоверно определить время установки контрафактной программы невозможно, то есть она могла появиться на компьютере уже после изъятия техники из помещения редакции. В марте по ходатайству прокуратуры суд вернул дело «для пересоставления обвинительного заключения». Материалы передали на доследование в городской следственный отдел (СО) СУ СКП.

В апреле Трегуба вызвали в Советский межрайонный следственный отдел для проведения «следственных действий». В присутствии следователя СО и оперативников управления «К» ГУВД эксперты Трегуб и Серпухов, проводивший первую экспертизу, должны были продемонстрировать, каким способом они производят исследования. Следователь хотел «посмотреть, на какие данные опирался Трегуб», и «прояснить несоответствия в двух экспертизах». Затем следователи провели обыск в лаборатории и изъяли казенные компьютеры, на которых хранилась копия информации с редакционных компьютеров «Новой». Руководство лаборатории назвало это давлением на экспертов. Региональное следственное управление СКП сочло действия сотрудников законными.

Областная прокуратура вынесла требование о прекращении дела. Городской следственный отдел не усмотрел оснований для удовлетворения. Компьютеры отправили в Саратов, на очередную экспертизу в экспертно-криминалистический центр ГУВД.

В феврале 2009 года, через несколько дней после того, как стали известны результаты второй экспертизы компьютеров «Новой», не совпадающие с версией следствия, некий молодой человек по фамилии Феоктистов написал в милицию заявление об использовании контрафакта в муниципальной «Самарской газете» (директором которой теперь работает Курт-Аджиев). Заявитель в редакции не бывал и лично пиратских программ не видел, прочитал о творящемся нарушении авторских прав на одном из сайтов, название которого забыл. Управление «К» изъяло девять из 22 компьютеров, возбудило дело. Примечательно, что в официальных документах следователи называют «Самарскую газету» так: «Муниципальное предприятие «Новая газета».

Говорят, «Самарской газете» досталось за симпатии к мэру Виктору Тархову, конфликтующему с областной властью.

Как полагает Виктор Тархов, уголовное преследование «Самарской газеты» связано не с редакционной политикой, а с личностью Курт-Аджиева. Во избежание дальнейших претензий мэрия закупила для издания компьютеры Macintosh, на которых нельзя найти контрафактное ПО, так как они работают под управлением собственной операционной системы, установленной заводом-изготовителем. Директора газеты менять не стали.

Коррупция по лицензии¹

Новый эффективный метод заработка для милиции: возбуждение уголовных дел за использование нелегального программного обеспечения. Под следствием оказываются не желающие «встать под крышу» бизнесмены, строптивые журналисты и общественники.

В июне² премьер Владимир Путин велел усилить борьбу с «пиратами», которые ввозят в страну поддельные шмотки и штампуют в подпольных цехах левые диски. О контрафакте Путин говорил еще будучи президентом, но если раньше рекомендовал искоренять пиратскую продукцию путем снижения цен на легальную, то теперь поинтересовался: «Где посадки-то?»

О том, как правоохранительные структуры борются за соблюдение авторских прав, известно со времен дела школьного директора Поносова из Пермской области. Одним из лидеров кампании считается Самарская область: по некоторым оценкам, за полгода здесь возбуждено около 300 уголовных дел, касающихся нелегального софта. Под следствием оказались мелкие коммер-

---

1 Материал Надежды Андреевой (Новая газета. 2009. № 70).

2 Материал подготовлен в июле 2009 г. — *Прим. ред.*

санты, журналисты, общественники. Подозреваемые объединились и намерены доказать незаконность претензий силовиков. Как замечают фигуранты дел, проверяющие в погонах особенно интересуются компьютерами тех, кто отличается неправильными политическими взглядами или попросту не хочет делиться доходами от бизнеса.

Мошенник ищет контрафакт

«Фронт сопротивления» возглавляет Сергей Курт-Аджиев, бывший главред «Новой газеты в Самаре», а затем — директор «Самарской газеты», дважды пострадавший от рук «борцов за авторские права», в числе которых был и мошенник.

Где-то между вынесением приговора по первому делу и возбуждением второго Курт-Аджиев «понял, что одному скучно», и решил собрать товарищей по несчастью. Распространил сообщение через «Эхо Москвы» и правозащитную ассоциацию «АГОРА». Откликнулись около 40 коммерсантов. Их истории объединяет любопытное обстоятельство: практически у всех компьютеры изъяли после долгой череды проверок со стороны правоохранительных органов, если других нарушений обнаружить не удавалось, а по-хорошему предприниматели не понимали.

«Это как найти один патрон в кармане. Или сверток с белым веществом. Очень удобно, доказывай потом, что ты не верблюд», — говорит предприниматель Александр Мамаев. У него есть база по продаже горючего. Когда-то бизнес был небольшой, к середине 2000-х стал крошечным: на фирме работают три человека. В офисе стоял единственный компьютер, использовавшийся в качестве печатной машинки. Жена коммерсанта Алла купила его по объявлению двенадцать лет назад, будучи студенткой. Какое ПО в нем стояло, владельцы не интересовались, системного администратора на базе, конечно, не было.

Проверяющие в погонах посещали фирму с занудным постоянством. Как поясняет адвокат Мамаева, «намеревались курировать скромную предпринимательскую деятельность». Когда ОБЭП Волжского района увез компьютер, Мамаев не очень расстроился, «ну, хлама меньше будет». Через несколько месяцев Мамаева вызвали на допрос по уголовному делу. Оказалось, эксперт Владимир Серпухов, заместитель директора ООО «Три С» (фирма является торговым партнером Microsoft и франчайзи «1С»), нашел на жестком диске контрафакт. Обвинения в пиратстве предъявили всем трем сотрудникам базы, в том числе Алле Мамаевой, которая на тот момент находилась в декрете с новорожденными близнецами.

«Сейчас с юмором об этом вспоминаем, но на самом деле нам пришлось несладко», — говорит Алла. Рассказывает, как после допросов у нее чуть не пропало молоко, как, едва дети засыпали, в квартиру ломилась милиция, как угрожали объявить мужа в розыск, отчислить родственника из вуза и т.д. По словам предпринимателя, представители правообладателей предлагали заклю-

чить мировую — 160 тысяч рублей, и никакого суда не будет. Следователь советовал соглашаться, мол, все так делают. «Меня зло взяло. Занимаясь бизнесом, что-то где-то делаешь не так. Но здесь я чист как младенец. Да идите к черту, живым не дамся», — решил Мамаев и отказался платить. «Следователь удивился: не упирайтесь, дурачки, у нас 368 дел со свистом прошли. Я ответил: а вот на нас вы подавитесь», — добавляет адвокат Николай Гаврилов.

Дело путешествовало из Куйбышевского района в Волжский, от мирового судьи к федеральному, возвращалось в прокуратуру на следствие. Через 2,5 года Мамаева оправдали за отсутствием состава преступления.

Жительница Шигонского района Ольга Афанасьева владеет фирмой, оказывающей малым предпринимателям услуги по составлению бухгалтерской и налоговой отчетности. Ольга знала, что к ним придут (у мужа-чиновника был конфликт с местными силовиками), поэтому, по ее утверждению, не только сама пользовалась лицензионным ПО, но и заставляла покупать легальный продукт своих клиентов. В марте 2007 года милиция изъяла из офиса пять системных блоков (вместе с ксерокопиями лицензий). Эксперт Серпухов обнаружил в них контрафакт и программу Sable, позволяющую запускать ПО без ключа аппаратной защиты. Причем «сабля», судя по системному времени, была установлена в... 2023 году. По словам Афанасьевой, правообладатели предложили мировое соглашение за 350 тысяч рублей. Она отказалась.

Районный суд признал Ольгу виновной по статье 273 УК «Использование вредоносных программ», приговорил к шести месяцам тюрьмы условно и штрафу в 10 тысяч рублей.

Афанасьева обжаловала решение в кассационной инстанции и добилась повторной экспертизы с привлечением другого специалиста. Как выяснилось, системное время на компьютерах было переведено, и выяснить, когда вредоносная программа была установлена — до изъятия техники или уже после, не представляется возможным. Областной суд оправдал Ольгу за отсутствием состава преступления.

В ООО «Спецтехника» пришли в апреле прошлого года. ОБЭП Железнодорожного района изъял сервер и системный блок. Через некоторое время директору фирмы Алексею Анипченко прислали «Предложение о примирении» от имени представителя ЗАО «1С» Александра Сударева, сообщавшего, что на изъятых машинах обнаружены контрафактные продукты «1С» и программа-взломщик. Автор письма напоминал, что по закону правообладатель вправе требовать компенсацию от размере от 10 тысяч до 5 миллионов рублей без доказывания величины реально причиненных убытков. Но согласно УПК дело можно прекратить на основании заявления потерпевшего, если нарушитель загладил нанесенный вред. «Предлагаем урегулировать ситуацию мирным путем: выплатой 500 тысяч рублей за незаконное использование программ ЗАО «1С» и 500 тысяч рублей за использование программы-взломщика», — сказано в письме.

Анипченко не стал платить и принялся разыскивать изъятую технику. В декабре 2008-го выяснилось, что милиционеры успели возбудить и приостановить дело об использовании контрафакта, не извещая об этом владельцев компьютеров. Забрать машины разрешили через четырнадцать месяцев после обыска. Опечатанные блоки лежали в кабинете ОБЭПа. По словам Анипченко, оказалось, что часть деталей заменена на другие: «Материнская плата, процессор, память один-модуль, видеокарта, DVD-ROM, — загибает пальцы Алексей. — Вместо них просто мусор напихали!».

«Преступление может обнаружить любой...»

Как рассказали в городском следственном отделе (СО) СУ СКП, подать заявление об использовании в той или иной организации контрафактного программного обеспечения может «любой человек, обладающий развитым правосознанием». В случае ошибки наказать заявителя за ложный донос можно, только если удастся доказать, что он заведомо знал об отсутствии нарушений и умышленно лгал, а не просто высказал предположения.

Первоначальные проверки и сбор материала в отношении предполагаемого «пирата» проводит милиция (как подразделения областного ГУВД, так и районных отделов). В большинстве случаев милиция занимается и расследованием, так как, по словам заместителя начальника СО Павла Докучаева, дела о нарушении авторских прав «не представляют особой сложности».

По словам старшего следователя СО Филиппа Одегова, в Самаре работают три организации, занимающиеся компьютерно-технической экспертизой, — лаборатория судебной экспертизы Минюста РФ, экспертно-криминалистический центр ГУВД и ООО «Три С». По оценке следователя, именно «Три С» благодаря квалификации и опыту специалистов выполняет наиболее качественные исследования, «все их экспертизы судом признаются допустимыми».

Отказ правообладателей от материальных претензий к подозреваемому не считается основанием для прекращения уголовного преследования. «Согласно статье 25 УПК, если подозреваемый примирился с потерпевшим и загладил нанесенный вред, следователь, а также суд вправе прекратить дело, но не обязаны этого делать», — пояснил господин Докучаев.

Золотое дно жесткого диска

Из сорока предпринимателей, отозвавшихся на выступления Курт-Аджиева, только семеро выступили в прошлом году¹ на пресс-конференции в Самаре. Из семи двое пожаловались на действия эксперта Серпухова в областную прокуратуру. По их мнению, если удастся доказать, что специалист давал заведо-

¹ В 2009 г. — *Прим. ред.*

мо ложные заключения, все осужденные на основании его экспертиз «пираты» смогут требовать пересмотра дел.

Как полагает Сергей Курт-Аджиев, современное законодательство об авторском праве создает практически идеальные условия для доения бизнеса. Мелкие предприниматели действительно не всегда представляют, что находится у них в компьютере. Кто угодно может «сигнализировать» в правоохранительные органы. По закону «О милиции» проверяющие вправе изъять технику на 48 часов, если соответствие установленных программ и имеющихся документов вызывает сомнения.

Следователь на свое усмотрение выбирает учреждение, где будет проводиться экспертиза. Эксперту вовсе не обязательно иметь специальное криминалистическое образование — достаточно пройти подготовку, организованную корпорациями-правообладателями. Не существует единой методики проведения исследования, специалист может пользоваться методическими рекомендациями тех же правообладателей. Правообладатели могут предложить коммерсанту полюбовный вариант с возмещением ущерба, рассчитанного по сведениям опять-таки правообладателей. Причем следователи вправе прекратить дело — но не обязаны. Если даже «нарушитель» упирается, ему будет непросто доказать, что стояло в его компьютере до прихода милиционеров, а что появилось потом. В любом случае изъятая техника (вместе с конфиденциальной информацией о клиентах, сделках и прочим) вернется к владельцам не скоро.

«Это же золотое дно, — уверен Сергей Курт-Аджиев. — Что делают в таких обстоятельствах нормальные российские граждане? Приходят и спрашивают: сколько?»

Последние известия

- В Новороссийске вынесен приговор директору компании, на компьютерах которой было установлено контрафактное программное обеспечение. Коммерсант получил полтора года лишения свободы условно и должен выплатить правообладателям более 240 тыс. рублей компенсации.

- В Курской области вынесен приговор хозяйке фотосалона, использовавшей нелегальные программы Adobe Photoshop. Предпринимательница из Суджанского района еще в 2007 году приобрела в областном центре диск с программным обеспечением и более года применяла его для художественного оформления фотографий. Теперь женщина должна заплатить штраф и возместить ущерб на сумму более 160 тыс. рублей.

- В Нефтеюганске осужден гражданин, незаконно установивший программу «1С» на свой ноутбук. Как выяснили следователи, горожанин скачал программное обеспечение (ПО) из Интернета и использовал для ведения бухгал-

терского учета в своей фирме. Коммерсанту назначено наказание в виде 1 года 6 месяцев лишения свободы условно и штраф 15 тыс. рублей.

- В Псковской области возбуждено уголовное дело по факту использования контрафактного ПО в фирме под названием «Микрон». Нелицензионные программы обнаружены на четырех компьютерах предприятия. По предварительной оценке, правообладателю нанесен ущерб в размере 149 842 рублей.

- В Петербурге УБЭП возбудило уголовные дела в отношении главы ЗАО «Волгобалт-Медиа» Олега Зевакова и главы ООО «Рекламные технологии» Станислава Реутовича, подозреваемых в использовании пиратского программного обеспечения. Как утверждают милиционеры, в ходе обыска были обнаружены продукты Microsoft, Adobe и AutoDesk.

- По сведениям МВД РФ, за 2008 год в стране было возбуждено более 5 тыс. уголовных дел, связанных с незаконной деятельностью в сфере информационных технологий.

- По подсчетам экспертов, объем российского рынка лицензионного ПО вырос в 2008 году на 26% и составил в денежном выражении 3,42 млрд долларов. Однако с начала кризиса наметился явный спад в продажах из-за сокращения IT-бюджетов на предприятиях и девальвации рубля. Особенно сильно пострадали рынки бизнес-приложений, системного ПО, баз данных.

- По оценке аналитической компании IDC, рынок лицензионного ПО в 2009 году может сократиться более чем на 50%.

P.S. При подготовке материала Владимир Серпухов встретился с корреспондентом «Новой» и подробно изложил свое мнение о происходящем. Однако через несколько дней эксперт отозвал свой комментарий, пояснив, что считает нецелесообразным высказываться в печати до вынесения судебных решений по делам «Новой в Самаре» и «Самарской газеты».

ИСТОРИЯ ПЯТАЯ С НИМИ КАШИ НЕ СВАРИШЬ КАК МЕНТЫ ВЗВИНТИЛИ ЦЕНУ НА КРУПУ

*Материал Леонида Никитинского
(Новая газета. 2009. № 61)*

Светлана Комбарова

Часто теперь бывая в Омске в связи с рассмотрением гражданского дела, мы выслушиваем здесь немало ярких историй про ментов, а эту выбрали потому, что она хорошо иллюстрирует действие презумпции правоты мента в суде.

Хотелось бы рассказать больше об ООО ПКФ «Семикруп», о его создательнице Светлане Комбаровой, но мы ограничены ментовской темой и объемом газетных полос. Если коротко, выпускница Омского сельхозинститута Комбарова в 90-х годах организовала в области выпуск тушенки. Муж (он умер несколько лет назад) и брат Комбаровой — кадровые офицеры, с учетом связей в этой среде она наладила поставку тушенки в армию, доказала свою надежность, и дело пошло настолько хо-

рошо, что в конце 90-х Комбарова в дополнение к молоку и мясу организовала в Омске, закупив для этого передовое оборудование, производство недорогих круп (это уже и есть «Семикруп»).

Основа этого бизнеса — знать, где, что и почему можно купить у средних сельских хозяйств, куда и почему поставить крупу, а кроме того, где и как взять кредит под эти многочисленные, по определению рискованные и цепляющиеся друг за друга договоры. Увлеченная бизнесом (трудоголик), Комбарова никогда не лезла ни в политику, ни в какие другие рискованные сферы «купи-продай», хотя в последние годы все же купила бывший детский сад на берегу Иртыша в 17 км от Омска на 5 га земли под базу отдыха (чем, возможно, и привлекла к себе внимание).

Потихоньку-полегоньку она оказалась третьим по величине оборотом клиентом омских банков, и в этой сфере, в отличие от политической и СМИ, незаметной она быть уже не могла. Однако на фоне многочисленных, особенно в сфере сельского хозяйства и землепользования, рейдерских захватов в области на Комбарову ни с какой стороны никто ни разу не наезжал до 2006 года. Кроме связей в военной среде, объяснить это можно, наверное, тем, что сам

по себе этот бизнес требует многих знаний и умений, которых, кроме как у его хозяйки, ни у кого и нет, а норма прибыли здесь не так уж высока.

К 2006 году нефтянка, пиво и водка, а также оптовая торговля (кроме тогда еще Ширшова), видимо, были уже поделены, и за Комбаровою тоже пришлось. В ноябре Омский филиал крупного федерального банка, где «Семикруп» всегда был на самом лучшем счету, неожиданно потребовал досрочно вернуть оставшуюся (20 процентов) часть кредита, срок по которому заканчивался только в январе. Это было мотивировано сложностями 2006 года в сельском хозяйстве, что правда — случился обвал цен, хотя он не был смертельным для «Семикрупа». Кроме личного поручительства Комбаровою кредит обеспечивался залогом заводского и личного имущества, значительно превосходящим его сумму и тем более 20-процентный остаток — 3,8 млн рублей.

Пока Комбарова искала управляющего филиалом банка, который подписывал с ней все договоры лично, а в этот раз, видимо, спрятался, банк, не ставя ее об этом в известность, сменил поручителя, которым стало некое ООО «Сибтрейд». По закону это возможно, хотя как минимум некорректно. Согласно документам, которые позже раздобудет Комбарова, банк сам же и прокредитовал «Сибтрейд» на 3,8 млн рублей, которыми эта фирма (учрежденная незадолго до операции и на подставное лицо) погасила кредит, а сама начала банкротить ООО ПКФ «Семикруп». Но и из этой ситуации Комбарова, наверное, сумела бы вывернуться, если бы ее имущество на суммы, значительно превышающие 3,8 млн рублей, не были арестованы двумя судьями Первомайского районного суда Омска. Никаких решений по существу спора эти судьи не принимали: Комбарова сама подала заявление о банкротстве в арбитражный суд, где все эти споры с самого начала и должны были решаться. Но, якобы проводя по делу какие-то заседания, о чем «Семикруп» даже не извещался, судьи суда общей юрисдикции продляли сроки ареста имущества, лишая ответчика шанса расчитаться по долгам.

В этом месте омские менты (они же истцы по нашему делу) могли бы возразить: допустим, это очень похоже на рейдерскую операцию, но при чем здесь собственно менты? А без них тут вообще никогда не обходится, вот сейчас, минуточку.

В феврале 2007 года прокуратура города Омска по заявлению ООО «Сибтрейд» возбудила дело по обвинению Комбаровою в мошенничестве. Следователь СУ омского УВД Водолазский среди многочисленных покупателей и продавцов, с которыми заключал договоры «Семикруп», нашел таких, кому Комбарова осталась должна, и убедил их, что они потерпевшие — так вроде бы больше шансов получить долг (на самом деле наоборот). 13 августа 2008 года Центральный районный суд г. Омска признал Комбарову виновной в 11 эпизодах мошенничества и приговорил к 5 годам и 3 месяцам лишения

свободы. Этот приговор 25 сентября был оставлен в силе коллегией по уголовным делам Омского областного суда.

В ходе следственных действий не обошлось, конечно, и без обычной в таких случаях ментовщины: при обыске на пол укладывались престарелые родители, а 3-летнего внука Комбаровой пугали автоматом; с другой стороны, не расследуются дела о поджоге дома ее сына и об избииении дочери во время проведения торгов. Но специально для обидевшегося на нас начальника омского УВД В. Кармецеля хочу в этом месте еще раз пояснить, что под ментами мы подразумеваем не людей, а некое явление, своего рода болезнь, которой друг от друга заражаются сотрудники разных правоохранительных органов и даже судьи. В этом смысле и прокурор, возбудивший это дело, и судьи, выносившие и утверждавшие приговор, и те судьи, которые арестовали имущество Комбаровой, — тоже менты. Что уж там двигало следователем, не нам разбираться, а суд был парализован тем явлением, которое и оспаривает В. Кармецель: ППМ, или презумпцией правоты мента.

Но вот что важно: стоит на горизонте появиться одному нормальному судье, как вся эта ментовская диктатура сразу рушится. Весной 2009 года такое чудо как раз и случилось в Омском областном суде: его председатель Владимир Ярковой, полтора года как назначенный на эту должность, принес протест на приговор, и 13 апреля 2009 года он был отменен президиумом областного суда. Мотивы председателя мы оставим за кадром, скажем только, что убеждены в их добросовестности, а из аргументов в его протесте достаточно и одного: не доказан умысел Комбаровой на обман, а без прямого умысла состава мошенничества не бывает.

Между прочим, это было ясно и милиционерскому следователю, если у него есть хотя бы два курса юридического образования, и прокурору, и тем более судьям. Тут заключаются, исполняются или не всегда четко исполняются сделки, потому что любой бизнес всегда содержит риски, тем более в сфере сельского хозяйства, — на то есть арбитражный суд, чтобы решать эти споры, а Уголовный кодекс вовсе ни при чем. Комбарова сама подала заявление о банкротстве, всех, кого в уголовном деле попытались сделать потерпевшими, она включила в реестр и, более того, уже возвращала и наверняка вернула бы им долги, если бы не менты. Теперь молочный завод растащили, крупяной стоит, так как без хозяйки никто не может наладить закупки и сбыт, фермерам (потерпевшим) свою продукцию сдавать уже некому, крупы в Омске за год подорожали в среднем на 70 процентов, и это закономерный и обычный результат деятельности ментов.

У президиума областного суда не было процессуальной возможности разом прекратить дело за отсутствием состава преступления. Сейчас оно возвращено в Центральный районный суд, я даже успел там побывать на первом заседании 2 июня. Обвинение предъявляется то же самое, судья не понима-

ет, что ему делать, так как умысел на мошенничество теперь уж тем более доказать нельзя. Значит, еще сколько-то месяцев или лет тут будет продолжаться вялая ментовщина, заводы будут стоять, продукты дорожать. Но забрезжила все же некоторая надежда, что в Омской области менты перестанут быть всеильны, что презумпция невиновности потеснит здесь презумпцию правоты мента.

ОТ ЧАСТНОГО К ОБЩЕМУ И ОБРАТНО

*Г.А. Сатаров,
к.т.н., президент Фонда ИНДЕМ*

Блаженный Августин сказал когда-то так: «Что такое государство без справедливости, как не шайка разбойников!» Сегодня эта фраза воспринимается нами как нравственный и интеллектуальный подвиг. И это больше говорит о нас, чем об авторе высказывания. Между тем, это было сказано в V веке, когда распадалась римская империя. А что может быть страшнее распада, гниения такого гигантского организма, когда рушится одна государственность, а новые еще не заслужили такого слова и когда бандитизм — естественная и привычная форма власти. Так что процитированное речение святого — всего лишь рутинная констатация факта. Да и государство тогда не было таким фетишем, как в нынешнее время.

Величие Аврелия Августина в том, что он на полторы тысячи лет вперед сформулировал проблему, остающуюся актуальной. Говоря о государстве, мыслитель имел в виду римское государство, которое, уходя, оставило будущей Европе дороги, города, алфавит, язык, право, военные организации и т.п. А потом на многие века государство в нашем сегодняшнем величественном смысле слова исчезло. Оно мыслилось как синоним собственности государя, вместе с землей и подданными, а справедливость была личным свойством государя, не обязательным, как это и есть в жизни, но желательным с точки зрения религиозной морали. И насчет шаек все оказалось верным. Именно такие банды рыцарей во главе с «государем», базировавшиеся в неприступных замках, возвышавшихся над транспортными речными артериями, грабили купеческие караваны в течение столетий.

Современное государство — цивилизационное достижение совсем недавнее, каких-то два-три века. Долгий поиск безопасности привел к такой форме политической власти, когда государство — обезличенная корпорация, которой предоставлено монопольное право на легитимное насилие в рамках закона и в котором справедливость — необходимое свойство государственных институтов, а не добрая воля правителя.

Наш летучий наскок на историю вызван простым обстоятельством. Когда мы сетуем (или вопием) о полицейском произволе в России и когда мы ищем способы избавиться от него, мы регулярно впадаем в несколько традиционных ловушек.

Первая: мы ограничиваем свой диагноз собственно полицией. Иными словами, увидев гнилое дерево, мы не оглядываемся на лес. Нельзя утверждать, что причиной тут узость зрения, скорее страх перед более широким взглядом.

Вторая: в поисках решений мы постоянно упираемся в государство, уповая на него как на всесильного отца. Инстинкт биологического и социального детства. Нас не смущает даже банальное противоречие: мы обращаемся к государству в надежде найти на него управу.

Третья: в поисках решений, которые мы хотели бы предложить государству, мы сосредотачиваемся на совершенствовании законов. И здесь нас не смущает полное отсутствие логики. Ведь трудно предположить, что бесчинства, которые нас возмущают, творятся представителями власти в рамках законов. Напротив, мы обвиняем их в беззаконии. Так что же будет мешать им нарушать новые законы? Тут начинается нечто подобное ритуальному танцу, плавному и безостановочному, в котором обе стороны удовлетворены процессом и не очень озабочены результатом. Одна сторона любезно предлагает подправить что-то в законах, другая охотно соглашается, круг заканчивается, танец продолжается, а вокруг жизнь ужесточает свои мерзости.

Итак, сначала анамнез. Сформулируем его несколько метафорически следующим образом. России не грозит революция. Она умрет раньше от потери крови. Эта кровь сочится из разных разверстых ран. Укажем только на некоторые.

Первая: нам всем известно о колоссальной утечке мозгов из страны, молодых мозгов. Большинство талантливых молодых людей идут учиться для того, чтобы потом уехать. Остаются рантье, которые намерены идти на государственную службу или в «Газпром». Это социологические данные.

Вторая рана прикрыта этакой марлечкой под названием «утечка капитала». Мы знаем цифры, они ужасны. Но дело не в размере цифр, а в структуре утечки капитала. Львиную долю нынешней утечки капитала составляют переводы в один и несколько миллионов долларов. Это означает, что из страны уходит малый и средний бизнес, уходит в массовом порядке.

Оба факта свидетельствуют о том, что из страны бегут самые активные, самые талантливые, потому что в стране удушающая атмосфера лжи и страха. В ней нет места ни творчеству, ни независимой деловой активности. Социальные лифты приватизированы подонками и ворами. Быть успешным и независимым — подозрительно и опасно. «Жирафы», о которых мы говорим, — это частное проявление колоссальной проблемы, это одна из ран, из которой сочится кровь. Эта трагедия тех, кто делает иной выбор в надежде добиться успе-

ха, не уезжая из страны. Для бизнеса ситуация оставляет только четыре решения: 1) уехать; 2) подчиниться коррупционным правилам и присоединиться к подонкам и ворам; 3) потерять бизнес и оказаться в тюрьме по ложному обвинению; 4) превратиться в незаметные ничтожества. Это третья гноящаяся рана.

А помимо этого мы являемся свидетелями нескольких хронических заболеваний. Не будем вторгаться в политические сферы или заезженную тему коррупции и ограничимся двумя примерами.

Первый – экономический. Речь идет об очевидном – о сращивании власти и бизнеса. А ведь это типичный признак архаичного политического устройства – размывание границ частного и публичного. Это даже не совсем точно. Такие границы – довольно раннее цивилизационное достижение. Они существовали в греческих полисах, в римской империи, в русских вечевых городах до монгольского ига, в городах средневековой Европы. Потом эти границы разрушались абсолютными монархиями, и затем вновь создавались в государстве модерна.

Когда власть получает нелегитимный контроль над собственностью, существование легитимной независимой собственности становится невозможным. Когда власть сама противозаконно занята бизнесом, любой независимый бизнес становится для нее не просто конкурентом, но постоянной раздражающей легитимной альтернативой. Поэтому в таких условиях война на уничтожение бизнеса неизбежна, что мы и наблюдаем.

Усугубляющим является тот факт, что это слияние власти и собственности, власти и бизнеса входит в абсолютное противоречие с нормами. Дело не в примитивных нарушениях закона, а в другом. Как утверждает современная институциональная теория, социальные институты достаточно устойчивы и эффективны, если формальные нормы согласуются с неформальными нормами и практиками. Поэтому **и власть и экономика в нашей стране – институты заведомо неустойчивые. Отсюда следует, что клика (коалиция, если угодно), контролирующая власть, вынуждена тратить дополнительные ресурсы на искусственное поддержание стабильности противоестественной ситуации. Главным из этих ресурсов оказывается насилие, обычно нелегитимное. Использование институтов легитимного насилия в нелегитимных целях развращает их и плодит нелегитимное насилие за пределами задач, которая ставит правящая клика. В результате полицейский произвол становится повсеместным и плодит новую нестабильность, вопреки целям клики.**

Все описанное – не теоретическая схема, а наша повседневная жизнь. Незаконная предпринимательская деятельность на всех уровнях власти вплоть до высшего вопиет обильными общеизвестными фактами. Бизнес бежит, как было отмечено выше. Полицейский произвол (вместе с произволом спецслужб) растет. Атаки на независимый бизнес ширятся, о чем свидетельствуют приведенные в этом издании примеры. Власть осознает угрозу стабильности и пред-

принимает попытку реформирования милиции, обреченную на провал. Причина очевидна: исходные условия остаются прежними: институты насилия все равно будут и далее применяться с нелегитимными целями.

Второй пример тяжелой хронической болезни — деморализация общества. Тут сплелось множество обстоятельств. Заболеванию предшествовало семьдесят лет интеллектуального и этического обезглавливания общества, сопровождаемого запугиванием и пропагандой. И даже этого оказалось недостаточно: у общества нашлись силы на участие в революции конца восьмидесятых — начала девяностых годов. Революция стала следствием катастрофического ослабления советской власти, неспособной к самореформированию. Но это была слабость империи, что всегда чревато распадом. Распад СССР был стоически перенесен элитами, занятыми растаскиванием бесхозной «народной» собственности. А весь груз тяжелой постимперской травмы навалился на общество, расколотое к тому же различным отношением к происходящему, к прошлому и будущему. Затем накатило разочарование в революции и в ее главном результате — свободе. Не завоеванная, а подобранная на развалинах империи, она не успела стать ценностью. Патерналистское сознание, сформированное семидесятилетием советской власти, подталкивало к убеждению в том, что вся ответственность за переход к новой правильной жизни лежит на правильно избранных новых лидерах. Самоустранение стало одной из причин будущего сворачивания свободы. Самоустранение и усталость от революции, от слабости государства. Захотелось чего-то архаично сильного, а потому не жалко было свободы. А потом наступил когнитивный диссонанс, вызванный омерзительной картиной происходящего. Но снять его, увязать наблюдаемую мерзость с собственной пассивностью оказалось легко, тем более власть заботливо подсовывала подсказки: раньше-то было хуже. И в холодильнике прибавлялось от нефтяных подачек. И в телике весело. И власть своей мерзостью постоянно дает возможность почувствовать гражданам их, граждан, моральное превосходство (мы-то все равно лучше!). И как следствие, финальная стадия: равнодушие и цинизм. Вот такая история болезни.

Общий диагноз очевиден: кризис государства-общества. Чтобы провести предварительный патологоанатомический анализ, обратимся к современным представлениям о современном государстве в его отличии от архаичного. Это отчетливо сделали Дуглас Норт с коллегами в своей последней книге¹. Современные государства-общества они назвали [социальными] **порядками открытого доступа**. Такие социальные порядки характеризуются следующим набором признаков:

1) насилие консолидировано и подчинено контролю политической системы;

---

1 См.: Норт Д., Уоллис Д., Вайнгайт Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для осмысления письменной истории человечества / пер. с англ. М.: Изд. Института Гайдара, 2011.

2) политическая система содержит набор институтов, ограничивающих нелегитимное применение насилия;

3) контроль над политической системой открыт для любой социальной группы и доступен в рамках формальных конституционных процедур;

4) чтобы некоторая группа была в состоянии оставаться у власти (контролировать политическую систему), она должна соответствовать широкому кругу экономических и общественных интересов;

5) организации создаются любыми индивидами без санкции государства. Последнее отвечает только за урегулирование отношений создаваемых организаций с индивидами и другими организациями.

Совокупность этих пяти признаков обеспечивает всем членам общества открытый конкурентный доступ к любым ресурсам – политическим, информационным, экономическим, общественным. И все это определяет эффективность порядков открытого доступа.

В государствах, характеризующихся социальными порядками ограниченного доступа, создаются коалиции, получающие контроль над институтами насилия и привилегии для членов коалиции. Внутри коалиции насилие ограничено и уважаются взаимные права. Доступ к разного рода ресурсам открыт только для членов коалиции.

Теперь попробуем с этими критериями подойти к современной России, прямо следуя перечисленным пунктам. Итак, в нашей стране:

1) насилие не консолидировано и вышло из-под контроля политической власти. Мы видим это по сварам между правоохранительными органами, занятыми дележом теневых рынков, по их бесконтрольности, особенно в регионах, где они переплетаются с организованной преступностью;

2) политическая система разрушена, власть не в состоянии ограничивать нелегитимное насилие. Из-за ликвидации политической конкуренции верховная власть утратила легитимность, что и повлекло за собой неспособность к контролю над насилием;

3) общий доступ к контролю над властью закрыт и монополизирован одной кликой. Эта клика известна, она обладает выраженными местническими и профессиональными признаками. Ограничение доступа стало возможно благодаря разрушению политической конкуренции;

4) в силу отсутствия политической конкуренции клика, монополизировавшая доступ к власти, не нуждается в учете интересов большинства. Клика ограничивается забрасыванием появляющихся проблем деньгами, отчисляемыми от своей ренты;

5) создание организаций контролируется правящей кликой. Процветают организации, созданные кликой или ее представителями. Неудивительно, что больше всего это проявляется в сфере политической конкуренции. При этом велико число искусственно созданных властью организаций – от обществен-

ных организаций-однодневок, по случаю, до государственных корпораций.

Итак, у нас есть все основания утверждать, что в России отсутствует современное государство, основанное на социальном порядке открытого доступа. Точнее, оно разрушено, поскольку в 90-х годах формировались его зачатки.

Если мы посмотрим теперь на приведенную выше формулировку, характеризующую государство-общество с порядком ограниченного доступа, то мы обнаружим весьма значительное сходство с ситуацией в России, за исключением важного обстоятельства: отсутствия консолидации насилия и контроля над ним. **Проблема не только в том, что режим ограничивает доступ к ресурсам и социальным лифтам, а в том, что сама правящая коалиция не в состоянии в полном объеме консолидировать и контролировать насилие.** Значит, мы вправе ставить диагноз следующим образом: в России не только исчезло современное государство, в стране исчезает государство как таковое.

Выше ставился вопрос: как мы можем рассчитывать на власть в лечении проблем страны, если наша собственная власть является источником этих проблемы? Теперь вслед за ним мы обязаны задавать дополнительный вопрос: как мы можем рассчитывать на власть в решении наших проблем, если власть не контролирует насилие? Отсюда возникает третий и самый важный вопрос: на что же нам рассчитывать, если мы не собираемся бежать отсюда? Ответ на этот вопрос тесно связан со второй половиной нашего патологоанатомического анализа — констатируя наличие болезней, мы еще не оценили состояние общества.

Прежде всего, приведем важный исторический пример. В нашей истории был такой эпизод, когда власть пришла к полному распаду и банкротству. Это была власть Рюриковичей: прямая линия после Федора Иоанновича прекратилась. Началось Смутное время, которым мы обязаны безумию и бездарному правлению отца царя Федора, прозванному Грозным. Череда нашествий и торгов вокруг валявшейся на земле власти грозила крахом Московскому княжеству. А спасло его гражданское общество. Тогда вдруг после трех столетий подавления возник старый доиговский вечевого дух, вечевая практика, когда объединились вече различных городов, создали союзный орган, который взял на себя функцию управления. Он созвал сначала одно ополчение, не получилось. Тогда Кузьма Минин предложил платить ополченцам, и дело пошло. Призвали князя Пожарского, поскольку нужен был уважаемый и не замешанный в предшествующих торгах вокруг власти военный лидер. Он возглавил ополчение, подготовил его и выгнал оккупантов. Тем самым, снизу, гражданская вечевая власть, общество и спасли страну.

Удельно-вечевого строй был в России повсеместно до татаро-монгольского ига, не только в Пскове и Новгороде. Действовало разделение властей — на гражданскую (вече) и силовую (нанимаемые князя со своими дружинами). И вплоть до монгольского ига тот или иной князь покушался время от времени на то, чтобы подмять гражданскую власть (вроде Андрея Боголюбского).

Только союз с татарами позволил князьям подавить вечевую власть. На триста лет! Но тем не менее распад государственности спустя триста лет привел к возрождению низовой социальной энергетики русских, спасших свою страну.

Мораль этой истории вот в чем. Человек – социальное животное. Это означает, что один из самых сильных наших инстинктов – стремление к социальной самоорганизации. Именно он привел в процессе институциональной эволюции к созданию политической власти и к ее современной разновидности – государству модерна. Мы недооцениваем этот наш инстинкт, не замечаем его, когда государство делает свое дело. Когда же оно начинает слабеть и растворяться, инстинкт социальности начинает работать, если, конечно, общество достаточно здорово, а распад государства не протекает в катастрофических формах. Значит, у общества есть временной запас на самоорганизацию.

Сейчас мы находимся именно в такой ситуации. Так что же наше общество? Больное общество, как отмечено выше. И тем не менее... Когда прошлым летом показали свою бездарность и беспомощность в охваченной лесными пожарами России, эту пустоту, оставленную властью, начали заполнять волонтеры, нашедшие друг друга, организовавшиеся и выехавшие на пожары. Вслед за этим мы увидели волонтеров, разыскивающих пропавших детей. Причина ясна – бездействие полиции. Потом волонтеры взялись за поиск маньяков. **Мы видим очевидную тенденцию: власть оставляет зоны своей ответственности, и туда приходит российское гражданское общество.**

Это означает, что наше общество больно, но небезнадежно. Оно воспроизводит ресурсы ответственности, активности и самоорганизации. Я уверен, что оно будет делать это и дальше, занимая зоны, оставляемые властью, пока ей на смену не придет другое государство, современное и эффективное.

Если не научная добросовестность, то хотя бы здравый смысл и толерантность заставляют дать шанс и власти. Конечно, она не однородна. Это во-первых. А во-вторых, обществу в нашей стране в одиночку не справиться с растущей лавиной проблем, порождаемых распадающимся государством. Следовательно, еще одна задача общества – искать во власти союзников, независимо от их мотивов. Известен пример, когда волонтеры, занятые проблемой лесных пожаров, **на местном уровне часто находят взаимопонимание, в то время как на федеральном обнаруживают глухую стену.** Поиск этот должен идти по двум направлениям. Первое – на индивидуальном уровне. Как бы мы ни ругали нашу власть, но, смеем утверждать, на разных ее уровнях, в разных ветвях, в разных географических точках можно найти порядочных людей. Их плохо видно, потому что сейчас не их время. Но времена меняются. Второе направление – поиск мест с возможной повышенной концентрацией потенциальных союзников. Он тоже может идти по разным координатам – географическим, вертикальным или по разным властным институтам.

Позволим себе выдвинуть гипотезу о таком возможном институциональном

партнере, и выдвинуть ее не на голом месте, а на основании большого трехлетнего исследования, проведенного Фондом ИНДЕМ и посвященного проблемам трансформации судебной власти в России¹. Вот некоторые результаты больших социологических исследований, проведенных в рамках этого проекта.

Первое: при общем очень низком уровне доверия к институтам власти в целом (именно к институтам, а не к персонам) судебная власть пользуется бóльшим доверием, чем остальные властные институты. Второе: суды – единственный институт власти, оценки деятельности которого растут во времени. Третье: с 2001 года весьма тщательно и подробно измеряется коррупция. Если сравнивать ветви власти, то на первом месте с огромным отрывом оказывается исполнительная власть, потом идет власть законодательная и только в конце – судебная.

Теперь переключим увеличение и посмотрим на судебную власть более пристально. Бесспорно, очень важное обстоятельство – специфика судебного корпуса. Она связана и с профессиональным отбором, и с неким наличием корпоративного духа. Корпоративный дух – это не хорошо и не плохо; это может быть и то и другое. Но это может быть, если грамотно пользоваться, и хорошо. Одновременно судейский корпус неоднороден вот в каком смысле. В нем, конечно, существуют судьи, за которыми водятся приговоры «по звонку» или за взятку. Однако доля их сравнительно невелика – менее десяти процентов. Проблема не в том, какова эта доля, а в том, что не работают механизмы позитивного отбора и самоочищения. Любопытно, что чаще всего это судьи, наименее квалифицированные в составе суда. Это понятно: дела по заказу для них единственный путь роста или самосохранения².

Кроме того, более пристальный анализ показывает, что те девиации, то, что нам не нравится в деятельности судебной власти, составляют на самом деле довольно небольшой процент от валового продукта судебной власти – общего числа рассматриваемых дел. Подавляющее число – рутинные дела, рассматриваемые судами вполне правообразно. Не случайно, что среди респондентов, оценивавших свой последний опыт участия в судебном процессе, довольных ходом судебного процесса в три раза больше, чем недовольных.

Судебная власть оказалась в весьма своеобразной ситуации. **Хотя доля за- казных дел в судах невелика, именно такие дела, что вполне естественно, стано- вятся объектом публичного интереса и обсуждения в СМИ.** Поэтому образ судебной власти в массовом сознании формируется именно такого рода делами. При этом судебная власть – единственная ветвь власти, которая не имеет своей программы саморекламы. Любопытно: когда высшие представители остальных двух ветвей власти хотят сказать что-либо веское про коррупцию, они го-

1 См.: Горбуз А.К., Краснов М.А., Мишина Е.А., Сатаров Г.А. Трансформация российской судебной власти. Опыт комплексного анализа – СПб.: Норма, 2010.

2 Неудивительно, что сходная картина наблюдается и в прокуратуре: наименее квалифицированные прокуроры становятся исполнителями противозаконных заказов.

ворят именно про коррупцию в судах. И последнее. **Именно судьи чаще представителей других ветвей власти становятся жертвами своей добросовестности.** Есть категории дел, где не прощается честное решение. Пример — дела о защите избирательных прав. Судья, признавший нарушение избирательного законодательства, нередко лишается своих полномочий. Другая опасная зона — идти поперек следствия: вынести оправдательный приговор по уголовному делу или отпустить подсудимого из предварительного заключения. Против одной судьи, позволившей себе такое вольнодумство, было выдвинуто обвинение в воспрепятствовании правосудию.

Из сказанного выше следует, что **гражданское общество может и должно искать в судебной власти союзников**, отделяя зерна от плевел, защищая одних и предавая гласности преступления других, помогая формировать у населения современное правосознание и адекватное представление о судебной власти.

Когда говорят, часто справедливо, что «нам нужен другой суд» или «нам нужна другая полиция», нередко ищут радикальные решения, которые можно условно назвать «грузинскими»: «надо сменить всех судей» (так, кстати, поступили в Восточной Германии) или «надо сменить всех полицейских» (так делали наши братья-грузины). При этом говорят: «Помогло ведь» (что не совсем верно, в Восточной Германии есть проблемы). Решение привлекательное, хоть и трудноосуществимое. Поэтому с ним надо разобраться.

Для этого приведем пример. Всем известен миф, порожденный Вебером, о духе протестантизма и его вкладе в развитие капитализма. Это была колоссальная социологическая ошибка, которую выявили уже ближе к концу второй половины XX века. Выборка Вебера была не очень корректно построена. Он анализировал не просто протестантов, а протестантское меньшинство в окружении католического большинства. А когда в XX веке начали это проверять и анализировать поведение католических меньшинств в окружении протестантского большинства, оказалось, что они ведут себя так же, как протестанты, оказавшиеся в меньшинстве. Дело было не протестантском духе, а в обстоятельствах. Тогда в социологии появилось новое направление: изучение поведения меньшинств. Неудивительно, что меньшинства вели себя более активно в поисках новых социальных ниш, сфер активности и т.п.

Приведенный пример является иллюстрацией одного из открытий социальной психологии, которое в одном из переводов называется «фундаментальная ошибка атрибуции». Вот что имеется в виду: когда мы оцениваем, прогнозируем или объясняем деятельность людей, мы склонны переоценивать влияние их личных качеств и недооценивать влияние обстоятельств. Многочисленные эксперименты социальных психологов, очень интересные и разнообразные эксперименты, подтверждают систематичность нашей ошибки. Любопытно, что, когда нам нужно объяснить наше собственное поведение, особенно если это поведение не очень социально приемлемо, мы с удоволь-

ствием привлекаем обстоятельства в качестве объясняющего фактора.

Поэтому можно говорить о том, что изменение работы института необязательно достигается полной сменой его агентов.

Эксперты, настроенные менее радикально, предлагают менять положение дел с помощью изменения законов. Поразительно, но постоянные неудачи в применении этого подхода не лишают надежд его поклонников. Этот нормативный фетишизм базируется еще на одной ошибке. Она состоит в устаревшем представлении о том, что социальный институт есть набор взаимосвязанных формальных норм, регулирующих некоторую сферу социальных отношений, связанных с данным институтом, и что работа этого социального института определяется существующими формальными нормами. А значит, меняя нормы, мы меняем работу института.

Между тем это далеко не так. Тут как у Чапека, который прославлял собаку, которая выполняла команды хозяина всякий раз, когда они совпадали с ее желаниями. Возвращаясь к нормам: они работают безукоризненно, например, когда закрепляют уже сложившиеся неформальные отношения и практики. Когда же речь идет об институциональных изменениях, все гораздо сложнее.

Современное определение института звучит несколько иначе. Институт — это совокупность формальных норм, неформальных предписаний и условий, в которых функционирует и то и другое. Если вы хотите менять ситуацию, то нельзя ограничиваться только изменениями формальных норм, нужно менять остальные составляющие социального института. Недаром Эммануил Кант, еще незнакомый с современным понятием института, писал, что любая реформа начинается с реформы в головах. И это правильно, но это только часть.

Из предыдущего изложения ясно, например, что работа полиции и работа судов зависят от политических условий. Было бы радостно порассуждать об изменении политической системы в России. Но рассуждающего могут счесть антикремлевским мечтателем, утопистом. Поэтому надо попытаться найти ответ на более сложный вопрос: а что можно делать в нынешних политических условиях?

Ограничимся рассуждениями о судах. Один предприниматель сказал так: «Дайте нам нормальную судебную власть, все остальные проблемы мы решим сами». Может быть, здесь и есть некое преувеличение, но по сути — очень верно. В конце концов, не было бы заказных дел против предпринимателей, у которых конкуренты хотят отобрать бизнес, если бы эти дела не поддерживались судьями. Итак, ограничимся судами. Что же можно предпринять?

Первое. Одна из проблем, выявленных нами в упомянутом выше исследовании судебной власти, — это правосознание. И правосознание граждан, и правосознание судей. Юридические факультеты вузов, за редкими исключениями, воспроизводят старое советское позитивистское сознание. И это, естественно, влияет на поведение судей, которые чаще в массе своей мыслят себя

как винтики единой карательной машины, как последнее звено в мясорубке, а не как независимых арбитров. Правосознание граждан очень эклектично и противоречиво, но уже просматриваются значимые зародыши естественно-правового сознания, что необходимо развивать.

Второе. Чрезвычайно важный инструмент, еще не задействованный, а точнее практически полностью разрушенный в нашей стране — это институт репутации. Его нужно восстанавливать, и для этого нет необходимости апеллировать к власти. Насколько известно, подобные проекты начинаются усилиями различных энтузиастов. Родина должна знать своих антигероев и Родина, в первую очередь общество, должна защищать своих героев.

Третье. Это защита судей. Мы знаем, что судейское сообщество очень запугано. Вот простой пример: **судьи боятся выносить оправдательные приговоры из-за того, что могут быть заподозрены в коррупции.** Это только самый безобидный пример. Не говоря уже о прямом давлении, об убийствах судей, выносящих правосудные приговоры. Они нуждаются в защите, в том числе и в нашей общественной защите.

Четвертое. Нужно активизировать само общество в части эксплуатации судебной власти. **Магистральное направление, на котором общество вместе с судебной властью могут выступить против коррупции, полицейского беспредела и прочих мерзостей нашей власти, открывается, если граждане получают в свои руки возможность защиты общественных интересов.**

Итак, то, что предлагается, довольно банально. Но это банальность надоевшего трепана, который еще не превращается в дела. Мы предполагаем: дела могут оказаться совсем не банальными. Просто это надо делать.

ПОСЛЕСЛОВИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ «ПРОЕКТА»

Мне близка мысль Сергея Пашина об «опричном способе производства» (с моей точки зрения, скорее распределения и перераспределения продукта) в том смысле, что до тех пор, пока этот строй не будет разрушен, частичные реформы суда, или органов уголовной репрессии, или вообще чего бы то ни было ни к чему не приведут. В то же время мне нравятся и четкие, операциональные идеи переустройства судебной системы, которые, как настоящий эксперт, знающий ее изнутри, выдвигает Владимир Радченко.

Однако ближе всего мне мысли Георгия Сатарова о необходимости дружить и вести диалог с судьями, точнее с лучшей половиной каждого из них, с той, в которой всякий человек и всякий судья остается самим собой и не связан «с системой». Этим мы (Центр правовых программ Леонида Никитинского) постоянно и занимаемся в рамках различных программ: «Дискуссионного клуба по обсуждению актуальных проблем судебной реформы», обсуждения проекта Кодекса судейской этики с точки зрения журналистов, организации общественного мониторинга судебной деятельности и т.д.

Сам этот диалог ведет к известным изменениям в менталитете не только судей, которые участвуют в программах, но и правозащитников и журналистов: по крайней мере, уменьшается предвзятость, рушатся некоторые неконструктивные мифы. Как говорит профессор Ясин, поддерживающий наши начинания, когда и если наступит время для настоящих реформ, мы должны быть где-то рядом с судьями. Я бы сказал, что в силу особенностей этого класса юристов, помноженных на их институциональные возможности (которые они чаще всего пока не реализуют), судьи — это именно та группа, которая, если она повернется лицом к гражданскому обществу, может перевернуть страну мирным путем, минуя насильственные революции.

К сожалению, проект «Жирафы, зебры и темные лошадки» судьи (исключая двух блестящих заместителей председателя Верховного Суда, но в отставке) пока не почтили своим вниманием, хотя и были званы на оба тура слушаний. Действующему судье (и в этом его можно и нужно понять) само публичное обсуждение темы заказных дел может стоить должности и мантии. Но поскольку мы видим логику, в которой проект «ЖЗЛ» может получить продолжение, мы не оставляем и надежды на то, что в каком-то формате судьи примут участие в дискуссиях о вырастающих отсюда проблемах суда, в первую очередь связанных с его отчуждением от общества и отсутствием доверия к суду.

При таком разнообразии историй (и статей УК), при таком переплетении формальных и неформальных институтов, писанных законов и неписанных «понятий» ответ общества на проблему заказных дел не может быть простым и симметричным. Но это не значит, что никаких ответов вовсе нет. На втором туре слушаний Тамара Моршакова поддержала инициативу группы Елены Нови-

ковой (Центр правовых и экономических исследований) об амнистии для лиц, осужденных за предпринимательскую деятельность, и участники наших слушаний поставили свои подписи под соответствующим обращением к президенту. В рамках сложившегося строя инициатива амнистии до сих пор не прошла и не могла пройти через Госдуму, так как ее проведение подорвало бы всевластие силовиков. Однако сама идея объявления амнистии предпринимателям как своего рода декларации о начале новой эры во взаимоотношениях бизнеса и власти — это и был бы, по существу, асимметричный ответ (один из возможных) на проблему «заказных дел».

На мой взгляд (если я могу позволить себе выступить здесь и в качестве эксперта, а не только автора заметок), ключ для «асимметричного ответа» находится не в законах и не в формальных институтах, которые формально большей частью удовлетворительны. И Конституция, и общие части кодексов (прежде всего уголовного), и практика высших российских судов, Конституционного Суда РФ и Европейского суда по правам человека содержат достаточно инструментов не только законности, но и справедливости. Однако российские профессиональные судьи (и в этом их приговоры как раз и отличаются от вердиктов присяжных) упорно не применяют инструменты справедливости: презумпцию невиновности, отсечение неправильно полученных доказательств и предвзятых экспертиз, прекращение дел по признакам малозначительности и т.д. Даже в тех случаях, когда в обвинении нет состава преступления, или он не стоит выеденного яйца, или может быть доказан, только если не слушать доводов защиты, судьи во что бы то ни стало уходят от вынесения оправдательных приговоров. Подчас ради компромисса с совестью судьи применяют сложные юридические ухищрения, разного рода условные наказания, но все равно идут на поводу у органов обвинения, месяцами и годами пережевывают в суде, разбазаривая собственный труд и ценное время обвиняемых, свидетелей, да и тех же следователей и полицейских, совершеннейшую галиматью заказных дел. Все это прячется за заумными и витиеватыми конструкциями «юриспруденции», на самом деле противоречащими здравому смыслу.

Именно в том, чтобы вернуть судьям здравый смысл и заставить их эффективно пользоваться имеющимися в законе инструментами справедливости, мы видим новую перспективу проекта «ЖЗЛ» (возможно, надо будет назвать его уже как-то по-другому). Для того чтобы прийти к использованию инструментов справедливости, судьи должны расширить свои горизонты и не только понимать юридические последствия выносимых решений и приговоров (тем более не прятаться за них), но и видеть также экономические, исторические и иные последствия этих решений для страны и учитывать их при помощи «инструментов справедливости», которые есть в законе,

Одно из предложений — его в результате обсуждения проекта «ЖЗЛ» высказал профессор Евгений Ясин — заключается в учреждении при Националь-

ном исследовательском университете «Высшая школа экономики» клуба «товарищей судей», в котором о проблемах суда и правосудия с более широких экономических, исторических и философских позиций, а также и с точки зрения здравого смысла будут размышлять ученые – гуманитарии самого широкого профиля, а также люди культуры и просто люди, «присяжные». Если судьи не захотят, чтобы проблемы правосудия обсуждались без их участия, и придут для открытого разговора, то презентация книжки «ЖЗЛ» могла бы стать одним из первых мероприятий этого клуба «товарищей судей».

По просьбе Евгения Григорьевича Ясина, роль которого в реализации этого проекта трудно переоценить, мы в последний момент решили прицепить к этой книжке в виде приложения мой доклад «Диктатура мента», который был опубликован в «Новой газете» в апреле 2009 года. Он содержит некоторые выводы о политико-экономическом устройстве современной России, чем и заинтересовал Высшую школу экономики. Однако, стыкуя этот доклад с этой книжкой, мы вступаем в противоречие сами с собой: в логике «ментовского государства», где менты (шире – силовики всех мастей) образуют реально господствующий класс и перераспределяют собственность, суд логично обслуживает интересы этого класса, для чего вводит в судебную практику презумпцию правоты мента. Это положение нельзя улучшить иначе как путем государственного переворота: лишив класс ментов узурпированной ими власти (а также и собственности – как следствие). Но, говоря о таком государственном перевороте, мы должны понимать две вещи. Первое: он будет (или был бы) конституционным в том смысле, что вернул бы стране Конституцию в ее буквальном и нормальном, а не извращенном и преднамеренно выхолащенном понимании. Второе: этот переворот не только имеет шанс обойтись без насилия, потому что все, что для него требуется, это вернуть независимость суда, но, возможно, это единственный путь, с помощью которого можно избежать в обозримой перспективе «бессмысленного и беспощадного русского бунта» против засилья ментов.

Л.В. Никитинский

ПРИЛОЖЕНИЕ ДИКТАТУРА МЕНТА. ДИАГНОЗ И ПРОГНОЗ

Опубликовано в «Новой газете» № 44 от 27 апреля 2009 года и № 45 от 29 апреля 2009 года

Неправительственный доклад

Вводные замечания. По просьбе «Новой» я адаптирую для публикации этот доклад, который целиком основывается на опыте работы в газете, но не лезет в ее рамки. В первоначальном виде он готовился для экспертов в США, куда мы ездили с делегацией российского «Клуба присяжных», а затем я остался еще на неделю по приглашению «Фонда Пола Хлебникова», за что благодарен жене и братьям этого убитого в России журналиста. С разными частями и аспектами этого доклада (он был размещен в первоначальном и наиболее полном виде на сайтах «Новой» и Союза журналистов России) я выступил в Высшей школе экономике в Москве, а затем в университетах и исследовательских центрах США.

Ту реальность, при которой живет обычный россиянин, а не правительство и не олигархи, труднее всего было объяснять именно специалистам, для которых анализ происходящего в России является профессией. «Русологи» (бывшие советологи) следят за показателями экономики и за кадровыми перемещениями, но совершенно не видят общего фона. Напротив, например, американские судьи, обычно редко вспоминающие о России, сразу во все «въезжали», задавали точные вопросы, легко поняли и быстро выучили непере译имое слово «мент».

Но то же самое и в России. Суть предлагаемого анализа быстро схватывают (и признают в частных разговорах, хотя он их неприятно шокирует) наши судьи, но с трудом понимают политологи и «аналитики». **Фактор права всегда недооценивался и продолжает недооцениваться при проведении реформ в России**, что и приводило к возникновению аналогов нынешнего «ментовского государства».

Как юрист по происхождению, в своей 20-летней журналистской практике я старался писать в основном о правосудии. Чем дальше, тем больше я понимал, что получается на самом деле об отсутствии правосудия в России, и дыра эта тоже зияет все сильнее и сильнее. Хотя наиболее часто встречающимся тут

словом будет слово «мент», я подчеркиваю, что **темой доклада является отсутствие правосудия в России**, что и делает возможной «диктатуру мента».

1. «Бизнес и ничего личного». Стараясь быть понятным зарубежным экспертам, я часто начинал свое выступление с рассказа о Фатхутдине. Это добродушный немолодой таджик, который два года назад подвизался на садовых участках, где у моей жены дача, а он там копал канавы. В сентябре Фатхутдин обратился ко мне с просьбой: «Хозяин! Отвези меня, пожалуйста, в Домодедово». Еще одна канава не была нам нужна, но я понимал, что если он поедет один, то как минимум потеряет все заработанные за лето деньги, а то и не доедет целым. Я взял его и еще одного таджика, четыре огромные клеенчатые сумки, и мы поехали в аэропорт.

Несмотря на громадную пробку, которая образовалась в результате отлета куда-то кого-то из правительства (ее создали менты), мы приехали загодя и пошли с Фатхутдином на разведку налегке. В коридоре в таком месте, которое никак нельзя миновать, стояли два молодых милиционера в галстуках — хоть сейчас на плакат. Они не обратили на нас ни малейшего внимания, мы вернулись к машине, взяли второго таджика и сумки и предприняли вторую попытку, но она оказалась менее удачной. Я встал метрах в двух, обозначая, что я тут, в общем, ни при чем, но так, чтобы иметь возможность вмешаться, если их начнут куда-то тащить и убивать.

Молоденький милиционер в галстуке спросил: «Это ваши таджики?» Я сказал: «Ну... В какой-то мере... Я их знаю, они хорошие ребята». — «А почему вы их не зарегистрировали?» — «...? ..!» Фатхутдин сметливо отскочил и полез куда-то в трусы. Вся операция заняла не более пяти секунд — они уже тащили дальше свои сумки, Фатхутдин радостно улыбался всеми своими золотыми зубами. Два года назад это стоило по тысяче рублей с таджика.

Теперь, поясняя я экспертам, представим себе масштаб явления. За одну ночь из Домодедово улетает самолет таджиков, самолет узбеков, два самолета армян, два самолета украинцев, самолет молдаван и так далее. Сумма, которую за дежурство собирают два молодцеватых милиционера, конечно, впечатляет (ничего не стоит при этом пронести в зал и клеенчатую сумку с динамитом, но это другой аспект проблемы). Конечно, молодым лейтенантам достается лишь малая часть, тут целая индустрия. Она основывается на лоббировании на высшем уровне нужных законов о «регистрации», игнорировании соответствующих решений Европейского суда по правам человека и Конституционного Суда РФ, создании таких условий для этой регистрации, которые заведомо невозможно выполнить, а там уж остается только расставить в нужных местах посты и собирать урожай. И вряд ли точно называть это коррупцией, поскольку тут не отклонение от нормы закона, а превращение «закона» вместе с системой правоприменения и со всеми правоприменителями в **фактически легальный бизнес**.

Самое главное, что надо понимать: тут вовсе не проблема прав человека. То есть она предстает таковой «в оконцовке», но в генезисе она не такова. Такие же основания говорить, что волки нарушают права зайцев или что права человека нарушают мухи. Ну да, нарушают, но ставить так вопрос бессмысленно, потому что это просто так устроено. Например, по такому же принципу работает вся ГАИ, которая никаких прав человека не нарушает, так как останавливает в основном тех, кто в самом деле что-то нарушил. Отклонение в том, что штраф чаще идет в карман ГАИ, а не в казну. Но с их точки зрения это не отклонение, а просто бизнес, самым устойчивым образом санкционированный начальством, а значит, легальный. Это индустрия, основанная на том, что надо пролоббировать огромные штрафы и страшные санкции, создать такие правила и нарисовать такую разметку, которые нельзя не нарушить, правильно ориентировать личный состав, отсеять тех, с кем опасно связываться, а уж те, с кем связываться не опасно, сами попадут в силки. По такому же принципу работают сегодня в России все «правоохранительные органы» и инспекции разных мастей. На коммерческую основу поставлены возбуждение уголовных дел и отказ в их возбуждении, финансовые проверки и проверки на предмет пожаротушения, не говоря уж о таможне. И это все — «менты».

2. Масштаб и география проблемы. Два года назад в «Новую» обратился некий региональный олигарх из Курска по поводу избиения на дискотеке его сына. Сыну было причинено тяжелое сотрясение мозга (он до сих пор заикается), затем ему же было предъявлено обвинение «в нападении на милиционера». Это типичный для всей России (как становится понятно при чтении региональной прессы) случай, а нетипично лишь то, что отец пострадавшего решил воевать и у него оказались достаточные для этого ресурсы. Он добился передачи дела сына в суд соседнего региона, где его оправдали. Руководитель ОМОНа, учинивший акцию, отделался выговором, дело в отношении тех, кто непосредственно причинил увечья, было прекращено за невозможностью установить виновных — это тоже типично, так как ОМОН обычно работает в шлемах и масках.

Но олигарх на этом не остановился. Через принадлежащую ему газету, весьма популярную в регионе, он призвал всех, кого в Курском районе Курской области «обидели менты», обращаться за помощью. Результат превзошел ожидания: газета, куда пришли десятки уже потерявших надежду людей, собрала целую коллекцию достаточно доказанных и совершенно диких историй об ограблениях, избиениях, пытках, убийствах и изнасилованиях, учиненных ментами только этого РУВД. Они были опубликованы в местной газете и в «Новой». Кроме того, олигарх, обладая достаточными связями, добыл документальные доказательства махинаций с недвижимостью, которыми занималось областное УВД и его начальник. Это тоже было опубликовано в «Новой». Нам точно известно, что газету читали в МВД и, вероятно, в Кремле. Начальник

УВД по-прежнему борется с преступностью в этом регионе, а вот олигарху пришлось перевести свой головной офис в соседний город.

Из этой истории, которой я занимался лично, можно сделать много важных для нашего анализа выводов, но пока я лишь подчеркну, что благодаря олигарху и его газете мы взяли в Курске «случайную пробу грунта». Та же самая картина, хотя и с разной степенью выраженности, проявится в любом регионе России, где будет возможность и желание ее прояснить. Кроме собственного богатого опыта таких расследований, я опираюсь на публикации в местной прессе, известные мне, в частности, как члену жюри нескольких конкурсов для региональных журналистов. По их проверенным и опубликованным данным, если собрать их более тщательно, можно было бы составить «карту ментовского произвола в России», на которой бы обозначились более темные и серые зоны, но совсем светлых и свободных уже нет. Эта картина, разумеется, сильно отличается от официальной милицейской и судебной статистики и имеет мало общего с той, что мы видим в телевизоре, — тем не менее это и есть та повседневная реальность, которая хорошо понятна любому жителю России, но не берется в расчет «кремленологами» как у нас, так и «у них».

3. Оценка мотивации ментов. Конечно, в этой картине привлекают внимание, в первую очередь, возмутительные факты жестокости. Но именно интерпретация их как садизма может увести от понимания сути. Как в случае с Фатхудином целью действия является получение мзды, а тот факт, что он таджик, случаен, так же и в ОМОНе, хотя тут культивируется умение «вырубить» человека и причинить ему боль, этот садизм не является смыслом для большинства. **Целью ОМОНа во всей ментовской конструкции является не жестокость как таковая, а только страх как средство эффективного бизнеса.** «Силовая» составляющая «кошмарит», как сказал наш президент, бизнес, но и не только, а всех, с кого можно что-нибудь содрать. В этот же момент «экономическая часть» (ОБЭП, налоговые органы и др.) с другой стороны уже подставляет ладошку, куда сами собой падают отступные.

Но все время гнобить людей и иметь это своей профессией трудно, надо как-то оправдывать себя в собственных глазах. Поэтому менты рационализируют мотивы расизмом в виде «здорового национализма», культом силы, который оправдывается необходимостью «борьбы с преступностью», а на самых высоких этажах это может приобретать вид рассуждений об «особом пути России», опять же патриотизме или «государственности», про которую никто даже не может объяснить, что это такое. Вот на это не надо вестись, поскольку за этим приличным или уже неприличным флером скрывается (в том числе от себя самих) только мотив корысти и больше ничего. Это бизнес, и он жесток, потому что это такой бизнес, так устроено.

4. Презумпция правоты мента (ППМ). Этот бизнес возможен при условии, что выше ментов, по сути, никого нет, кроме другого мента. В том числе такую

роль может играть и судья, но тогда уже нельзя говорить о правосудии. Даже не все в России понимают, что самое страшное ментовское оружие – лишение свободы – по закону находится не у них в руках, а в компетенции суда. При принятии нового УПК в 2001 году менты (тогда еще не такие одичалые, как сегодня) вели борьбу против передачи от прокурора (все же одной с ними крови) суду права давать санкцию на предварительный арест, ссылаясь на то, что это помешает им «в борьбе с преступностью». Не только не помешало, но, по мнению экспертов, положение обвиняемых стало хуже: прокурор все же иной раз посылал следователей искать доказательства, **суды же удовлетворяют ходатайства об арестах, по официальной судебной статистике за 2008 год, в 95 случаях из ста**, а продляют срок содержания под стражей в 98 процентах случаев. Доля оправдательных приговоров стабильно составляет десятые доли процента (на фоне аналогичного показателя по вердиктам присяжных – до 20 процентов) – и это притом, что нам известно о качестве работы оперативных работников и следствия.

Гражданское правосудие и арбитражные суды – тема отдельного разговора, хотя они, конечно, тоже в нужных случаях контролируются ментами через различные механизмы. Что же касается уголовного суда в России, то приведенная статистика позволяет сказать, что он фактически сам поставил на себе крест, будем надеяться, что все-таки временно. На уровне законов все выглядит нормально, в Конституции есть прямая ссылка на презумпцию невиновности, но **судьи сами поменяли (пусть не вполне добровольно) полярность у себя в головах и заменили ее «презумпцией правоты мента»**. Этот механизм прост: доводы защиты игнорируются, тем самым суд фактически становится рукой обвинения, тем молотком, которым менты просто заколачивают нужные им гвозди. В случае острого конфликта с совестью, которая у судей часто есть, они предпочитают прятаться за разными формами условного осуждения, но и это рискованно: мент тут же доложит, куда надо, что судья взял взятку за этот «чрезмерно мягкий» приговор.

5. Режим ППМ и дисквалификация мента. Без ликвидации по факту контроля суда ментовской бизнес оказался бы невозможен, но это рикошетом бьет и по МВД. Менты не столько «оборзели», сколько **потеряли квалификацию**. Отказы гражданам в возбуждении уголовных дел имеют причиной как «невыгодность» расследования без дополнительного вознаграждения, так и растущее неумение раскрывать и расследовать даже простые преступления.

Крайняя степень жестокости и насилия в системе привела к тому, что ее уже покинуло большинство настоящих профессионалов, умевших вести оперативную работу и расследовать уголовные дела. **Обязательная причастность к насилию ослабила МВД в смысле кадрового состава в большей степени, чем коррупция**, так как от необходимости брать и давать взятки в России трудно укрыться и где-либо на других государственных должностях, а жестокость в та-

кой степени обязательна только в МВД, следственных комитетах и прокуратуре (тоже менты). Это привело и к **потере оставшимися навыков раскрытия преступлений помимо пыток**, арсенал которых в милиции известен из решений Европейского суда по правам человека. Тем временем прежние квалифицированные «правильные менты» (см. далее), не умея делать ничего другого, ушли в частные охранные агентства вместе со своей агентурой, или в адвокаты, и это делает положение потерявших квалификацию ментов еще более угрожающим — пока их спасает только ППМ в суде.

Поскольку общество переживает по поводу растущей преступности и эти настроения еще подогреваются требующими финансирования ментами, они **отчитываются перед властью липовой раскрываемостью дел**. Но даже провокации нынешние менты организуют так, что бывшие «правильные» только руками разводят (впечатляет, например, возбужденное и расследованное ФСБ, а затем развалившееся в суде присяжных, но только благодаря этой форме, где ППМ не действует, «дело о покушении на Валентину Матвиенко»).

В тех материалах региональных газет, которые мне пришлось читать в журналистских конкурсах, часто повторялся один и тот же сюжет. Человек месяц, или год, или два сидит в СИЗО, а часто уже и в колонии, и вдруг, всегда в связи с раскрытием другого преступления: «Нашелся настоящий!» Часто речь идет об изнасилованиях, убийствах, которые общество требует скорее раскрыть, а в одном случае, помнится, о краже коровы. Можно себе представить, хотя трудно оценить, сколько людей лишены свободы в связи с тем, что «настоящий так и не нашелся».

И эту проблему в практическом смысле тоже не стоит интерпретировать как тему прав человека, хотя она таковой, безусловно, тоже является. Правозащитники — достойнейшие люди, но с позиций защиты прав человека они, если можно так выразиться, бьют мух по одной, а было бы эффективнее ликвидировать помойки. Тут именно помойка ментовского бизнеса: **в обмен на «лицензии», позволяющие им грабить людей, менты отчитываются «липой» перед политической властью**.

6. Происхождение вида. Слово «мент» идет из блатного лексикона. Блатной язык тесно связан с «понятиями», а они гораздо в большей степени, чем законы, обуславливают и объясняют российскую действительность (эта тема, достойная отдельного исследования, была подробно разработана в первоначальном варианте доклада, но тут, как и в выступлениях перед экспертами в США, я ее опускаю). Значение феномена блатного языка американским экспертам я иллюстрировал тем, что Путин набрал популярность, произнеся знаменитое «мочить в сортире». Блатную лексику пытался использовать и Медведев, но это выглядит неорганично.

Вместе с распространением «понятий» (а они не всегда вредны и неправильны) из зоны в большую жизнь здесь же заняло законное место и слово

«мент». Если в зоне «мент» в самом широком смысле означал врага «мужика» (работающего и не нарушающего режим ээка), то в большой жизни это приобретает значение врага человека вообще. Ээки еще употребляли термин «правильный мент», что означало сотрудника администрации, который честно придерживается собственных правил. Среди обычных ментов сегодня «правильных» почти не осталось, так как законы они интерпретируют всегда так, как им выгодно.

Объясняя в зарубежной аудитории, кто такие менты, я взывал к воображению гарвардских профессоров: «Представьте себе, что сейчас в этот зал ввалится с обыском человек сто. Они сразу положат нас на пол или поставят лицом к стене, станут орать, почти все будут в масках и с оружием, документов никто из них постарается не предъявлять, что они ищут, тоже будет непонятно, но перевернут все, кому-нибудь дадут по яйцам. Вот это и есть менты». **Персональная неразличимость и отнесенность лишь к смутно понимаемым, перетекающим друг в друга «силовым структурам», — это и есть их обязательный признак.**

С происхождением термина и с тем, что сегодня он распространяется на всякого, кто может напугать человека с помощью как бы государственных полномочий, все более или менее понятно. Самая большая загадка состоит в том, откуда они берутся — ведь вчера ничего подобного, вроде, не было. Но позавчера (при Сталине) что-то похожее опять было. Моя бабушка назвала бы их «исчадиями ада», я апеллирую к ней, потому что сегодня так уже не говорят, а лучше не скажешь. Вспоминается и мысль философа Владимира Кантора (мы делали с ним интервью) о **возвратных волнах варварства в России**. Татаро-монгольские орды, опричники Ивана Грозного, шайки Емельяна Пугачева или вертухаи сталинских лагерей — все это как будто бы явления совсем разного происхождения, но между ними есть и нечто общее, к тому же роднящее их с нынешними ментами. Еще вспоминается очень популярный в те годы, когда я учился в университете, роман американца Чарльза Сноу «Лакировка» — там главная мысль состояла в том, что цивилизация — тончайшая пленка над океаном варварства и жестокости, который продолжает бушевать под ней.

(В то же время бабушка, усвоившая в детстве христианские понятия, никогда не допустила бы повесить ярлык мента на кого-либо пожизненно. Каждый сохраняет свое право на раскаянье, «мент» — характеристика не человека, а явления, которое никогда не захватывает человека целиком: какая-то часть остается человеческой, она растит детей, любит жену, приходит на выручку друзьям и даже способна разговаривать с врагами на их человеческом языке, хотя перейти на него трудно.)

Менты как «исчадия ада» берутся из того ада жадности и жестокости, который есть в каждом из нас, в ком меньше, а в ком больше. **Когда в России в очередной раз была разрушена тончайшая структурная пленка цивилизации, в том числе выведена из строя презумпция невиновности, ад снова прорвался наружу че-**

рез изменение сущности конкретных людей. Представляется, что джина из бутылки выпустил Владимир Путин, произнеся в 2000 году свое заклинание о «диктатуре закона». Не знаю, понимал ли он и насколько внутреннюю абсурдность этого словосочетания. Он сделал ставку на «силовиков», поскольку других надежных союзников у него не было, предоставил им ничем не заслуженные привилегии, ФСБ привлекло МВД, и все бросились, каждый мент на своем уровне, реализовать свои силовые преимущества на рынке. Им незачем было выдумывать что-то свое высокорентабельное, поскольку они получили «лицензию» на самый рентабельный из «бизнесов»: отнимать чужое. На смену «лихим девяностым», когда общество было далеко от правового идеала, но вектор правового развития все же сохранялся, куда сохранялась естественная конкуренция, пришла не «диктатура закона», а **диктатура мента с ее абсолютной монополией на прибыль и с претензией на монополию в области идей.**

7. Менты и экономика. Идея пресечь хаос девяностых, «укрепляя президентскую вертикаль», то есть вернувшись к административным формам управления, была соблазнительна, но, видимо, с самого начала неадекватна. По общим законам кибернетики примитивная система не может эффективно и долго управлять более сложной, крах СССР как раз и подтвердил это правило десятилетиями раньше. Но Путин решил «укреплять вертикаль», результатом чего стал (помноженный на пока еще дикий капитализм 90-х) последовательно грабительский характер экономики. Главным призом и стимулом в ней стал захват и передел чужой собственности на всех уровнях, от ЮКОСа до привокзального ларька, и всегда с заранее известным результатом. **Бессмысленно заниматься производством до тех пор, пока существует рейдерство, то есть захват чужой собственности с использованием как бы закона и «силовых структур», подчинивших себе также и суд.**

Учитывая «происхождение вида» с присущей ему жадностью, жестокостью, обычной безграмотностью и отсутствием перспектив, ментов можно уподобить саранче, которая сжирает все на своем пути и, как известно, в конце концов сама гибнет от голода. Но нам от этого не легче, потому что все уже сожрано до того. В частности, путем запугивания и заражения «бациллой ментовства» разрушен суд как тончайший и важнейший институт цивилизации.

В ментовском государстве надеяться на действительное, а не надутое извне, искусственное оживление экономики невозможно. Такая экономика могла основываться только на сверхдоходе, получаемом в результате высоких цен на нефть и газ. Как только цены обвалились, стало ясно, что господствующему и разросшемуся до предела классу ментов грабить уже нечего: производство встало как слишком рискованный при диктатуре ментов вид бизнеса. Экономический тупик очевиден. Российские элиты, включая активный класс «менеджеров» в возрасте 30–40 лет, которые привыкли думать, что что-то умеют и это всегда надежно, потихоньку переваривают урок. Массы склоняются к бунту, который точно ничего

хорошего никому не принесет, а потому лучше бы подавить его в зародыше и без большой крови. Но сделать это, как выясняется, сегодня некому.

8. Менты и «президентская вертикаль». Отвечая на вопросы экспертов, мне приходилось всякий раз подчеркивать, что наше ментовское государство отнюдь не тождественно государству полицейскому в обычном понимании слова и даже противоположно ему. В полицейском государстве в Америке туповатый коп все же следует закону, плох он или хорош, а для нашего мента закон — факультативный способ решения его проблемы, и только. Главным же образом полицейское государство подразумевает строгую дисциплину, а наша вертикаль сегодня — фикция. Ментовское государство ближе к той формуле феодализма, по которой: «Вассал моего вассала — не мой вассал». Менты слушают только своего ближайшего начальника, да и то не с первого раза поймешь какого, потому что авторитет и формальные атрибуты командиров не совпадают. Никто и никак не контролирует ментов «по вертикали», никакой министр, если они сами не сдают своих, ничего не может с ними сделать своей властью, иллюстрацией чему служит, например, рассказанная выше история из Курска.

Корыстная мотивация ментов, всегда для них основная, идет не по «вертикали», а сбоку — сверху приходит лишь «лицензия», но она уже есть, и кто же ее за просто так отдаст, тем более что в руках оружие и связи, в том числе с уголовной средой. Это хорошо понятно на примере заказных дел, представляющих интерес для центра: сигнал о возбуждении такого дела еще может пройти, пусть с утечкой информации, а сигнал о его прекращении не проходит почти никогда — ведь «клиент» уже сидит и платит, с какой стати его выпускать. Иногда менты в обмен на «лицензию» выполняют какие-то политические команды, например разгоняют превосходящей в десятки раз численностью мирные демонстрации «несогласных». Но даже те, кто склонен к садизму, не очень стараются: со старушек или нацболов взять нечего, и это лишь отвлекает ментов от их основного бизнеса.

Губернатора главный мент региона (а надо еще выяснить, кто это на самом деле) тоже слушает только из вежливости, а на самом деле сам его надежно опутал, так как контролирует информационные потоки, в том числе важные и специфические. Но в регионе им проще сговориться против Москвы и саботировать любую акцию, которая противоречит интересам ментов: так был провален разрекламированный Думой закон против игорного бизнеса. «Общественный договор» между элитами в центре и в регионах, который до падения цен на нефть базировался на понятном распиле бюджетного пирога, сейчас вообще подвергается сомнению. Владивосток не понимает, зачем ему при таких условиях Москва с ее запретом правого руля в пользу Тольятти, ментам это тем более непонятно.

Такую ситуацию В.И. Ленин, никакой философ и экономист, но блестящий тактический политик, характеризовал как революционную: «верхи не мо-

гут, а низы не хотят жить по-старому». Низы не хотят, потому что всех достали менты, верхи не могут, потому что, не управляя ментами, они на самом деле не могут управлять ничем. Итог закономерный, но радоваться тут нечему: русский бунт не побеждает внутреннее варварство, а только мультиплицирует его.

9. «Что делать?» — классический русский вопрос. Для руководства страны все это не вопрос прав человека, законности или нравственности — мораль в политике вообще такая величина, которую интерпретировать невозможно. **Для Кремля это проблема менеджмента, так ее и правильно рассматривать.**

Вероятно, сатирическое клише про «оборотней в погонах» было придумано еще при социализме, но у того, кто это придумал, в голове бы не уместились такие масштабы перерождения, при котором возникают целые министерства и ведомства «оборотней» в погонах и без погон. Раковые клетки, как известно, тоже когда-то были обычными, но, переродившись, начинают работать только на себя, уничтожая организм путем заражения других клеток по цепочке. Успех лечения зависит тут главным образом от своевременности и степени вмешательства.

В руководстве страны, несомненно, есть понимание этого диагноза, хотя, скорее всего, степень перерождения оценивается по-разному. **Прежде всего в зависимости от того, кому как выгоднее ее оценить.** Кто-то в Кремле фактически и возглавляет это ментовское государство в государстве (насколько у него вообще может быть руководитель) — он будет доказывать, что степень заражения не так велика, что и государство в нормальной понимании еще не разрушено и возможно его лечение терапевтическими, менее рискованными мерами «борьбы с коррупцией». На самом деле степень перерождения (а не коррупции!) в «силовых структурах», видимо, так велика, что **традиционные меры «борьбы с коррупцией» вносят в управление лишь еще больший хаос, обостряя борьбу ментовских кланов между собой.**

«Разделяй и властвуй» — тоже лишь тактический, но не стратегический метод управления государством, которое на самом деле внутренне разделить нельзя. **Стратегически это византийское «разделяй и властвуй» необходимо заменить демократическим разделением властей с созданием независимого суда.** Ясно, что делиться властью — не в характере Владимира Путина, равно как и признание им собственного поражения. Но **иного выхода, как отказ от «вертикали», переход к методам управления с помощью права, с помощью «неуправляемого» суда, к тому же применяющего законы в рамках действительного федерализма, не видно.** Мне кажется, что сам выбор Путиным в качестве преемника Дмитрия Медведева, а не кого-либо из представителей «силового блока» указывает на то, что он это понял и признает. (Если только он не выбрал Медведева как наиболее слабого, но и в этом случае он тоже мог сделать ошибочный ход.)

Все те сигналы, которые Медведев посылал и продолжает посылать обществу и элитам, как представляется, с искренним выражением лица, складыва-

ются в этот вектор. Ключевыми словами в них являются «суд», «малый бизнес», даже «НКО» и «свободная пресса». В частности, о реформе правосудия Медведев решительно и громко заговорил в июле 2008 года, но тут как раз началась война с Грузией, и всем стало немного не до того. Может, конечно, это и просто совпадение, но хотелось бы подчеркнуть, что реальная, а не бутафорская и отвлекающая реформа суда все же невозможна за неделю — и напротив: чтобы подготовить какую-нибудь силовую провокацию, больше времени и не тратится.

В последнее время, однако, соотношение сил изменил некий внешний фактор, а именно финансовый кризис, заставляющий элиты переосмыслить вопрос о судьбах и путях развития страны. Пока поезд несся на всех парах, а в топке хватало денег за нефть, всякая попытка серьезной реформы могла бы привести только к сходу его с рельсов и катастрофе. Сейчас этот поезд подошел к стрелке и замедлил ход. Нужно не такое уж большое усилие, чтобы подтолкнуть его в правильном направлении, и мне кажется, что это направление — все же Европа, а не Азия (ментально).

Есть ли в элитах достаточно сильные союзники для реализации линии, условно говоря, Медведева? **Да, и в первую очередь это общий потенциал суда, судебной системы и судейского сообщества.** Безусловно, там есть свои проблемы, в первую очередь серьезное заражение ментовщиной, но, в отличие от «силовых структур», там это просто опухоль, которую еще можно (хотя и не безболезненно) удалить. Налицо проблема крайней закрытости и кастовости судейского сообщества, но тут есть и положительный момент: контактировать с такой кастой одновременно и труднее, и легче, если она на это вообще соглашается.

10. Перегрузка судебной системы. Я рассказывал американским экспертам и охотно повторяю сейчас в российской аудитории, что в последнее время, реализуя совместно с Общественной палатой РФ программу «Клуб присяжных», я много встречался с председателями и судьями региональных судов. Разговоры с ними (пока не для печати) свидетельствуют, что многие судьи достаточно высокого в своей системе уровня понимают создавшееся положение и тяготеют им. **Судебная система в целом не переродилась, она скорее «нормально коррумпирована», в первую очередь исполнительной властью по всей «вертикали».** Но, выбив для себя легально большую заработную плату, льготы, обещания пенсий и достаточно крепкие позиции, судьи хотели бы теперь стать еще и порядочными людьми как в собственных глазах, так и в глазах референтных групп (в том числе приличных и уважаемых ими журналистов) и общества в целом.

Надо еще раз подчеркнуть, что для «перегрузки» судебной системы нет нужды сильно изменять всю конструкцию и соответствующие законы. В Конституции и в законах в целом все нормально, изменение полярности с презумп-

ции невиновности на презумпцию правоты мента случилось исключительно у судей в головах — там же это можно повернуть с головы на ноги, и судьи к этому в основном готовы. Им надо в этом помочь, и для этого есть средства — в частности, резкое, может быть, даже глобальное расширение компетенции суда присяжных могло бы оказаться не самым дорогим, а, наоборот, наиболее эффективным и дешевым по соотношению «цена — качество» рычагом для «перезагрузки» судебной системы и одновременно для пробуждения гражданского общества через участие в отправлении правосудия.

Гражданское общество в России должно перестать игнорировать фактор права и сейчас сосредоточиться на перезагрузке судебной системы, на помощи ей в этом. В самом гражданском обществе активные и дремлющие силы для этого тоже есть. И это не маргиналы и не экстремисты, зажигающие революции для потехи и куражу: таких неменяемых единицы даже среди в целом способных к диалогу «нацболов», такими их (нас) рисуют только менты и «силовики», для чьей власти правосудие представляет смертельную угрозу. Та же «Новая газета», которую вы держите в руках, — это не пустая фронда или оппозиция ради оппозиции. Я думаю, что выражу мнение всей редакции, если скажу, что мы тоже на стороне нормальных реформ.

*Леонид НИКИТИНСКИЙ,
обозреватель «Новой газеты»,
секретарь Союза журналистов России,
кандидат юридических наук*

ЖИРАФЫ, ЗЕБРЫ И ТЕМНЫЕ ЛОШАДКИ
Блокирующая роль силовых структур и неправого суда
на пути модернизационного развития России

Составитель *Л.В. Никитинский*

Подписано в печать 28.11.2011

Печать офсетная

Тираж 800 экз.

Фонд «Либеральная миссия»
101990, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел.: (495) 621 33 13, 623 40 56
Факс: (495) 623 28 58